КНУТЪ ГАМСУНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА.

Т. V.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1908

804-15
2545
Я 123
15

КНУТЪ ГАМСУНЪ

ПАНЪ

Пер. С. ПОЛЯКОВА.

СЬЕСТА

Пер. С. ПОЛЯКОВА.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
ф.31-9840

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1908

2010387512

БИБЛІОТЕКА
ФОСТРЕБНИКА
ГАЛА

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

ПАНЪ

I.

Въ послѣдніе дни я все думалъ и думалъ о вѣчномъ днѣ сѣвернаго лѣта. Я сижу здѣсь и думаю о немъ и о хижинѣ, гдѣ я жилъ, и о лѣсѣ за хижиной, и собираюсь написать кое-что, чтобы скоротать время, и для своего собственнаго удовольствія. Время тянется ужасно медленно, я не могу заставить его итти такъ быстро, какъ мнѣ хотѣлось бы, хотя у меня нѣтъ ровно никакихъ заботъ, и я живу превесело. Я рѣшительно всѣмъ доволенъ, и что это еще за возрастъ—мои тридцать лѣтъ; нѣсколько дней тому назадъ я получилъ издалека два птичьихъ пера, отъ кого-то, кто мнѣ вовсе не былъ ихъ долженъ; да, два зеленыхъ пера, въ листѣ почтовой бумаги съ короной, запечатанномъ облаткой. Мнѣ прямо было пріятно смотрѣть на эти два дьявольски зеленыхъ птичьихъ пера. И вообще я не испытываю никакихъ страданій, развѣ что по временамъ немного ломитъ лѣвую ногу,—слѣдствіе старой огнестрѣльной раны, которая давнымъ давно уже зажила.

Я помню, что два года тому назадъ время шло очень быстро, несравненно быстрѣе теперешняго, лѣто прошло для меня совершенно незамѣтно. Это было два года тому назадъ, въ 1855 году: я хочу написать объ этомъ для своего собственнаго удовольствія; въ то время со мной случилось нѣчто, или все это пригрезилось мнѣ. Теперь я многое забылъ изъ пережитаго мной тогда, такъ какъ я почти и не думалъ о томъ съ тѣхъ поръ; но я помню, что ночи были совершенно свѣтлыя. Многое представлялось мнѣ въ такомъ

измѣненномъ видѣ, въ году было двѣнадцать мѣсяцевъ, но ночь превратилась въ день, и никогда не было видно звѣздъ на небѣ. И люди, съ которыми я сталкивался, были особенные и не походили на тѣхъ людей, которыхъ я зналъ раньше; иногда имъ бывало достаточно одной ночи, чтобы вдругъ созрѣть и вырости, во всемъ ихъ великолѣпіи. Въ этомъ не было никакого волшебства, но я никогда не переживалъ этого раньше. Никогда.

Въ большомъ, бѣломъ домѣ тамъ внизу, у моря, встрѣтилъ я человѣка, который овладѣлъ на нѣкоторое время моими мыслями. Я больше не думаю о ней теперь постоянно, нѣтъ, я совершенно забылъ о ней; но я думаю о совсѣмъ другомъ, о крикѣ морскихъ птицъ, объ охотѣ въ лѣсу, о моихъ ночахъ, объ этомъ тепломъ лѣтнемъ времени; да, впрочемъ, я и познакомился-то съ ней благодаря только случаю, и безъ этого случая ни одного дня не было бъ ея у меня въ головѣ.

Изъ своей хижины мнѣ была видна вся путаница острововъ, островковъ и шхеръ, было видно немного моря, нѣсколько синѣющихъ горныхъ вершинъ, а за хижиной лежалъ лѣсъ, огромный лѣсъ. Я исполнялся чувствомъ радости и благодарности, вдыхая запахъ корней и листвы, жирныя испаренія сосенъ, напоминающія запахъ мозга; только въ лѣсу успокаивалось все внутри меня, моя душа приходила въ равновѣсіе и наполнялась мощью. Я бродилъ день за днемъ въ горахъ, въ сопровожденіи Эзопа, и ничего большаго не желалъ, какъ только и дальше бродить день за днемъ, хотя тамъ лежалъ еще снѣгъ и размякшій ледъ, покрывая половину поверхности. Моимъ единственнымъ товарищемъ былъ Эзопъ; теперь у меня Кора, но тогда у меня былъ Эзопъ, собака, которую я потомъ застрѣлилъ.

Часто вечеромъ, когда я возвращался съ охоты въ свою хижину, уютное ощущеніе быть у себя дома разливалось по всему моему тѣлу, вызывало во мнѣ пріятную внутреннюю дрожь, и я начиналъ болтать съ Эзопомъ о томъ, какъ намъ

было хорошо. — Ну вотъ, теперь мы разведемъ огонь и изжаримъ себѣ дичь на очагѣ, —говорилъ я,—какъ ты насчетъ этого? И когда, сдѣлавъ все это, мы оба кончали нашу ѣду, Эзопъ забивался на свое мѣсто за очагомъ, въ то время какъ я зажигалъ трубку и ложился отдохнуть на нарахъ, прислушиваясь къ глухому шуму въ лѣсу. Въ воздухѣ чувствовалось слабое движеніе, вѣтеръ дулъ по направленію къ хижинѣ, и я ясно могъ слышать, какъ далеко въ горахъ токовали глухари. А то все было тихо.

И не разъ засыпалъ я тамъ, гдѣ лежалъ, совсѣмъ не раздѣваясь, въ томъ видѣ, какъ я былъ днемъ, и просыпался только тогда, когда морскія птицы поднимали свой крикъ. Если мнѣ тогда случалось посмотрѣть въ окно, я могъ различить большія бѣлыя строенія торговаго мѣстечка, амбары Сирилунда, лавку, гдѣ я покупалъ себѣ хлѣбъ, и я продолжалъ лежать нѣкоторое время, пораженный тѣмъ, что я находился здѣсь въ хижинѣ, въ сѣверной Норвегіи, на опушкѣ лѣса. Но вотъ Эзопъ начиналъ отряхиваться у очага своимъ длиннымъ тощимъ тѣломъ, его ошейникъ звенѣлъ, онъ зѣвалъ и махалъ хвостомъ, и я вскакивалъ на ноги послѣ этихъ трехъ часовъ сна, совершенно отдохнувъ и полный радости на все, на все.

Такъ проходила не одна ночь.

II.

Пусть идетъ дождь и бушуетъ буря, — что изъ этого? часто незамѣтная радость можетъ овладѣть тобой и въ дождливую погоду, и пойдешь ты далеко бродить со своимъ счастьемъ. Ты выпрямляешься и смотришь прямо передъ собой, по временамъ смѣешься потихоньку и осматриваешься кругомъ. О чемъ ты думаешь? О блестящемъ стеклѣ въ какомъ-нибудь окнѣ, о солнечномъ лучѣ на этомъ стеклѣ,

о пейзажѣ съ ручейкомъ, а, можетъ быть, и съ голубымъ просвѣтомъ въ небѣ. Большаго не надо.

Въ другое время даже и необыкновенныя событія не въ состояніи измѣнить твоего равнодушнаго вялаго настроенія; въ бальной залѣ ты можешь сидѣть спокойно, безучастно и ни на что не обращая вниманія, потому что внутреннее состояніе каждаго человѣка служитъ источникомъ печали или радости.

Я вспоминаю одинъ день. Я сошелъ къ морскому берегу, меня захватилъ дождь, и я вошелъ въ открытый сарай для лодокъ, и въ ожиданіи усѣлся тамъ. Я что-то напѣвалъ, но безъ всякой радости и удовольствія, только чтобы провести время. Эзопъ былъ со мной, онъ сѣлъ и сталъ прислушиваться, я перестаю напѣвать и также прислушиваюсь, снаружи слышатся голоса, кто-то подходитъ. Случай, совершенно обыкновенный случай! Двое мужчинъ и дѣвушка, сломя голову, вбѣжали ко мнѣ. Они кричали другъ другу, смѣясь: „Скорѣе. Здѣсь мы пока можемъ укрыться!“

Я всталъ.

У одного изъ мужчинъ была сорочка съ бѣлой, некрахмаленной грудью, которая теперь, въ довершеніе всего, насквозь промокла отъ дождя и висѣла мѣшкомъ; на этой мокрой груди была укрѣплена брилліантовая застежка. На ногахъ у него были длинные, съ острыми носками, башмаки, имѣвшіе довольно щегольской видъ. Я поздоровался съ этимъ человѣкомъ, это былъ г-нъ Макъ, торговецъ, я его зналъ по мелочной лавкѣ, гдѣ я покупалъ хлѣбъ. Онъ даже приглашалъ меня какъ-то разъ къ себѣ, но я до сихъ поръ еще не побывалъ у него.

— А, знакомые!—сказалъ онъ, увидавъ меня. — Мы направлялись къ мельницѣ, и пришлось вернуться. Вотъ такъ погода, а? Но когда же вы придете въ Сирилундъ, г-нъ лейтенантъ? Онъ представилъ маленькаго, съ черной бородой, господина, бывшаго съ ними, доктора, который жилъ при филіальной церкви.

Дѣвушка подняла вуаль до половины лица и стала вполголоса болтать съ Эзопомъ. Я обратилъ вниманіе на ея кофточку, по подкладкѣ и петлямъ я могъ замѣтить, что она была перекрашена. Г-нъ Макъ представилъ также и ее: это была его дочь, и ее звали Эдвардой.

Эдварда взглянула на меня черезъ вуаль и продолжала шептаться съ собакой и читала на ея ошейникѣ:

— Да-а, тебя зовутъ Эзопомъ, ты... Докторъ, кто это былъ Эзопъ? Единственное, что я помню, это, что онъ сочинялъ басни. Вѣдь онъ былъ фригіецъ. Нѣтъ, я не знаю.

Ребенокъ, дѣвица школьнаго возраста. Я посмотрѣлъ на нее, она была высокаго роста, но съ несложившимися формами, лѣтъ пятнадцати, шестнадцати, съ длинными, смуглыми руками безъ перчатокъ. Она, можетъ быть, справлялась сегодня вечеромъ въ лексиконѣ объ Эзопѣ, чтобы при случаѣ быть освѣдомленной.

Г-нъ Макъ спрашивалъ меня о томъ, какъ идетъ моя охота. Что я больше всего стрѣлялъ? Я могъ, когда угодно, получить въ мое распоряженіе одну изъ его лодокъ; стоило мнѣ только сказать ему. Докторъ не сказалъ ни слова. Когда они уходили, я замѣтилъ, что докторъ немного хромалъ и опирался на палку.

Я поплелся домой, въ томъ же самомъ вяломъ настроеніи, какъ и раньше, и напѣвая со скуки. Эта встрѣча въ сараѣ ничуть не измѣнила моего состоянія духа въ ту или другую сторону; лучше всего я запомнилъ промокшую насквозь грудь сорочки г-на Мака и на ней брилліантовую застежку, точно также мокрую и совершенно безъ блеска.

III.

Около моей хижины стоялъ камень, высокій сѣрый камень. У него было выраженіе дружескаго расположенія ко мнѣ; казалось, онъ смотрѣлъ на меня, когда я проходилъ

мимо него, и узнавалъ меня. Я охотно направлялъ свой путь мимо этого камня, когда я утромъ выходилъ изъ дому, точно я оставлялъ тамъ добраго друга, который будетъ дожидаться моего возвращенія.

И тамъ наверху, въ лѣсу, начиналась охота. Иногда я что-нибудь убивалъ, иногда ничего...

За островами лежало море въ тяжеломъ покоѣ.

Я много разъ стоялъ и смотрѣлъ на него съ горныхъ хребтовъ, когда я взбирался высоко, высоко; въ тихіе дни корабли почти не подвигались впередъ; случалось, я видѣлъ въ теченіе трехъ дней одинъ и тотъ же парусъ, маленькій и бѣлый, какъ чайка на водѣ. Но временами, когда налеталъ вѣтеръ, дальнія горы почти исчезали, поднималась непогода, буря съ юго-запада,—зрѣлище, при которомъ я присутствовалъ, какъ зритель. Все стояло въ туманѣ, земля и небо сливались въ одно, море вздымалось въ безпорядочной воздушной пляскѣ, образовывая людей, лошадей и развѣвающіяся знамена. Я стоялъ подъ защитой скалы и думалъ о всевозможныхъ вещахъ; моя душа была напряжена. Богъ знаетъ, думалъ я, что мнѣ нынче придется увидать, и въ какомъ видѣ откроется море теперь передъ моими глазами? Быть можетъ, увижу я сейчасъ нѣдра мозга земли; увижу, какъ тамъ идетъ работа, какъ все тамъ находится въ кипѣніи! Эзопъ былъ неспокоенъ, временами онъ поднималъ морду и нюхалъ воздухъ, страдая отъ непогоды, и чуткія его ноги дрожали; такъ какъ я съ нимъ не разговаривалъ, онъ улегся между моихъ ногъ и уставился, какъ и я, на море. И ни одного возгласа, ни одного человѣческаго слова нигдѣ не было слышно, ничего, только глухой шумъ вокругъ моей головы. Далеко въ морѣ стояла скала, она стояла одна; когда море набрасывалось на нее, она выдвигалась какимъ-то сумасшедшимъ винтомъ, нѣтъ, представала какъ морской богъ, который приподнимался весь мокрый изъ воды и смотрѣлъ на міръ и фыркалъ такъ, что волосы и борода становились

колесомъ вокругъ его головы. И вотъ онъ опять нырялъ въ кипящій прибой.

И въ самый разгаръ бури показался съ моря маленькій, черный, какъ уголь, пароходъ...

Когда я вечеромъ отправился къ пристани, маленькій, черный, какъ уголь, пароходъ уже находился въ гавани; это былъ почтовый пароходъ.

Много народу собралось на набережной посмотрѣть на рѣдкаго гостя; я замѣтилъ, что у всѣхъ безъ исключенія были голубые глаза, конечно со всѣмъ разнообразіемъ оттѣнковъ. Молодая дѣвушка въ бѣломъ шерстяномъ платкѣ стояла поодаль; у ней были очень темные волосы, и бѣлый шерстяной платокъ рѣзко выдѣлялся на ея волосахъ. Она съ любопытствомъ смотрѣла на меня, на мою кожаную куртку, на мое ружье; когда я съ ней заговорилъ, она смутилась и отвернула голову въ сторону. Я сказалъ: ты всегда должна носить бѣлый шерстяной платокъ, это идетъ къ тебѣ. Въ это время подошелъ къ ней широкоплечій человѣкъ въ исландской рубашкѣ, онъ называлъ ее Евой. Это была, очевидно, его дочь.

Я зналъ широкоплечаго человѣка, это былъ кузнецъ, мѣстный кузнецъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ ввинтилъ въ одно изъ моихъ ружей новую капсюльку...

А дождь и вѣтеръ дѣлали свое дѣло и согнали весь снѣгъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней надъ землею вѣяло враждебнымъ и холоднымъ настроеніемъ, ломились сгнившія вѣтки, и вороны собирались въ стаи и кричали. Это продолжалось недолго, солнце было близко, какъ-то разъ утромъ оно взошло изъ-за лѣса. Нѣжная полоса пронизываетъ меня сверху до низу, когда восходитъ солнце; я вскидываю ружье на плечи въ безмолвной радости.

IV.

Въ это время я не испытывалъ недостатка въ дичи, я стрѣлялъ все, что хотѣлъ, зайцевъ, тетеревовъ, бѣлыхъ куропатокъ, и когда мнѣ случалось бывать внизу, на морскомъ берегу, и приближаться на разстояніе выстрѣла къ какой-нибудь морской птицѣ, я стрѣлялъ также и ее. Это было хорошее время, дни становились длиннѣе и воздухъ прозрачнѣе, я снаряжался на два дня и отправлялся въ горы, на горныя вершины; я встрѣчалъ лопарей и доставалъ у нихъ сыру, небольшими кусочками, жирнаго сыру, отзывавшагося травой. Я бывалъ тамъ не разъ. На возвратномъ пути, я всегда стрѣлялъ какую-нибудь птицу и совалъ ее въ ягташъ. Я усаживался и привязывалъ Эзопа. На милю ниже, подъ собой видѣлъ я море; отвѣсы скалъ были мокрые и черные отъ воды, которая струилась по нимъ, капала и струилась съ одной и той же коротенькой мелодіей. Эти маленькія мелодіи среди горъ не разъ коротали мнѣ время, когда я сидѣлъ тамъ и смотрѣлъ кругомъ. Вотъ журчитъ здѣсь этотъ слабый безконечный звукъ одинъ-одинешенекъ, думалъ я, и никто его не слышитъ и никто о немъ не подумаетъ, а онъ журчитъ себѣ здѣсь все время, все время. И мнѣ не кажется уже больше, что въ горахъ такъ пустынно, когда я слышу это журчанье. По временамъ что-нибудь случалось: громъ потрясалъ землю, отрывался обломокъ скалы и стремительно скатывался къ морю, оставляя за собой дорожку каменной пыли; въ то же самое мгновенье Эзопъ поднималъ морду противъ вѣтра и съ удивленіемъ втягивалъ въ себя непонятный для него запахъ гари. Когда снѣжныя воды промыли въ скалахъ трещины, достаточно было одного выстрѣла или даже рѣзкаго крика, чтобы оторвать огромную глыбу и пустить ее подъ гору...

Проходилъ часъ; можетъ, больше: время шло такъ быстро. Я отвязывалъ Эзопа, набрасывалъ ягташъ на другое плечо

и отправлялся домой. День склонялся къ вечеру. Ниже, въ лѣсу, попадалъ я непремѣнно на свою старую знакомую тропинку, на узкую ленту тропинки, съ удивительнѣйшими изгибами. Я обходилъ каждый изгибъ, времени у меня было сколько угодно, спѣшить было нечего, никто не ждалъ меня дома; свободный, какъ властелинъ, шелъ я тамъ и бродилъ по мирному лѣсу какъ разъ съ такою медленностью, какая мнѣ была желательна. Всѣ птицы молчали, только глухарь токовалъ гдѣ-то вдали, токовалъ, не переставая.

Я вышелъ изъ лѣсу и увидалъ передъ собой двухъ людей, они гуляли, я къ нимъ приблизился, одной изъ нихъ оказалась Эдварда, я зналъ ее и поклонился, ее сопровождалъ докторъ. Я долженъ былъ показать имъ свое ружье, они осмотрѣли мой компасъ, ягташъ; я пригласилъ ихъ къ себѣ въ хижину, они обѣщали какъ-нибудь зайти.

И вотъ наступилъ вечеръ. Я пришелъ домой и развелъ огонь, зажарилъ птицу и поужиналъ. Завтра опять будетъ день...

Тихо и спокойно повсюду. Я лежу весь вечеръ и смотрю въ окно, волшебный блескъ покоился въ это время на поляхъ и лѣсахъ, солнце зашло и окрасило горизонтъ жирнымъ, краснымъ свѣтомъ, неподвижнымъ, какъ масло. Небо было совершенно безоблачно и прозрачно, я погружался взоромъ въ это ясное море, и, казалось, я лежалъ лицомъ къ лицу съ дномъ міра, и мое сердце признательно билось, устремляясь на встрѣчу этому обнаженному дну и чувствовало себя тамъ дома. Богъ знаетъ, думалъ я про себя, почему горизонтъ одѣвается сегодня въ лиловое съ золотомъ, ужъ не праздникъ ли тамъ наверху во вселенной, торжественный праздникъ, съ звѣздной музыкой и съ катаньемъ въ лодкахъ по рѣкамъ. Похоже на это! И я закрывалъ глаза и участвовалъ въ этомъ катаньѣ, и мысли за мыслями проносились въ моемъ мозгу...

Такъ проходилъ не одинъ день.

Я бродилъ по окрестностямъ и наблюдалъ, какъ снѣгъ превращался въ воду и какъ таялъ ледъ.

Иногда за нѣсколько дней я ни разу не разряжалъ ружья, когда у меня въ хижинѣ было еще достаточно запасовъ пищи; свободный, я бродилъ только по окрестностямъ, а время шло своей чередой. Куда я ни обращался, вездѣ было на что посмотрѣть и что послушать, все измѣнялось понемногу каждый день, даже ивнякъ и можжевельникъ ожидали весны. Я ходилъ, напримѣръ, на мельницу, она еще не обтаяла; но земля вокругъ нея была утоптана съ незапамятныхъ временъ и свидѣтельствовала о томъ, что туда приходили люди съ мѣшками зерна на спинѣ и обратно получали ихъ съ мукой. Я ходилъ тамъ, какъ будто среди людей; и на стѣнахъ было вырѣзано много буквъ и годовъ.

Ну, вотъ!

V.

Писать ли мнѣ больше? Нѣтъ, нѣтъ. Только немножко, для собственнаго моего удовольствія и потому, что это коротаетъ мнѣ время—разсказывать о томъ, какъ наступала весна два года тому назадъ и какой видъ имѣло тогда все кругомъ. Земля и море начинали немного пахнуть, слащавый запахъ сѣрнистаго водорода распространялся отъ старыхъ листьевъ, гнившихъ въ лѣсу, и сороки летали съ вѣточками въ клювѣ и строили гнѣзда. Еще дня два, и ручьи вздулись и начали пѣниться, кой-гдѣ показывались капустницы, и рыбаки возвращались домой со своихъ ловлей. Приплыли двѣ яхты купца, нагруженныя доверху рыбой, и стали на якорѣ противъ своего мѣста сушки, вдругъ появилась жизнь и движеніе на самомъ большомъ изъ острововъ, гдѣ должна была сушиться рыба. Я видѣлъ все это изъ своего окна.

Но до хижины не доносилось никакого шума, я какъ былъ, такъ и оставался одинъ. Иногда проходилъ кто-нибудь

мимо, я видѣлъ Еву, дочь кузнеца, у ней появилось надъ носомъ двѣ веснушки.

— Куда это ты?—спросилъ я.

— За дровами,—отвѣчала она спокойно. Въ рукахъ у ней была вязка для дровъ и на головѣ былъ надѣтъ бѣлый платокъ. Я смотрѣлъ ей вслѣдъ, но она не обернулась. Такъ проходило много дней, а я никого еще не видалъ.

Весна ломилась, и лѣсъ свѣтился; для меня было большимъ удовольствіемъ наблюдать за дроздами, которые сидѣли на верхушкахъ деревьевъ, смотрѣли на солнце и кричали; иногда въ два часа утра я уже былъ на ногахъ, чтобы принять участье въ радостномъ настроеніи, которое овладѣвало птицами и звѣрями, когда всходило солнце.

Весна пришла такъ же и ко мнѣ, и въ моей крови стучало временами, какъ отъ шаговъ, я сидѣлъ въ хижинѣ и думалъ пересмотрѣть свои удилища и лески, но я пальцемъ не двинулъ, чтобы за что-нибудь приняться; радостная, неясная тревога трепетала въ моемъ сердцѣ. Вдругъ Эзопъ вспрыгнулъ, замеръ на вытянутыхъ ногахъ и отрывисто залаялъ. Кто-то подошелъ къ хижинѣ, я поспѣшно снялъ свою фуражку съ головы и уже слышалъ голосъ Эдварды въ дверяхъ. По-дружески и запросто она и докторъ пришли посѣтить меня, какъ они обѣщали.

— Да, онъ дома,—слышалъ я, говорила она. И она вошла и протянула мнѣ руку совершенно по-дѣтски.—Мы были здѣсь также вчера, но васъ тогда не было дома,—объяснила она.

Она усѣлась на нарахъ, на одѣяло, и осматривала хижину; докторъ сѣлъ рядомъ со мной на длинную скамью. Мы разговаривали, открывали другъ передъ другомъ сердце; я разсказывалъ имъ, между прочимъ, какіе звѣри водились въ лѣсу и какую дичь я не могъ больше стрѣлять, такъ какъ на нее былъ наложенъ запретъ. Теперь былъ запретъ на глухарей.

Докторъ и теперь былъ неразговорчивъ; но когда онъ замѣтилъ мою роговую пороховницу, на которой была изображена фигура Пана, онъ началъ объяснять миѳъ о Панѣ.

— Но,—сказала вдругъ Эдварда:—чѣмъ вы живете, когда на всю дичь наложенъ запретъ?

— Рыбой,—отвѣчалъ я.—Большей частью рыбой. Всегда остается что-нибудь для ѣды.

— Но вы можете приходить кушать къ намъ,—сказала она.—Въ прошломъ году англичанинъ жилъ въ вашей хижинѣ, онъ тоже часто приходилъ къ намъ кушать.

Эдварда смотрѣла на меня, и я смотрѣлъ на нее. Я почувствовалъ въ это мгновенье, что что-то шевельнулось въ моемъ сердцѣ, какъ будто легкое, мимолетное дружеское привѣтствіе. Это отъ весны и отъ свѣтлаго дня, думалъ я объ этомъ потомъ. Кромѣ того, я удивлялся на ея изогнутыя брови.

Она сказала нѣсколько словъ о моемъ жилищѣ. Стѣны у меня были увѣшаны разными шкурами и птичьими крыльями, внутренность хижины походила на мохнатую медвѣжью берлогу. Это заслужило ея одобреніе.

— Да, это берлога,—сказала она.

Мнѣ нечего было предложить гостямъ, нечѣмъ угостить ихъ, подумалъ я и рѣшилъ, шутки ради, изжарить какую-нибудь птицу; они должны будутъ ѣсть ее по-охотничьи, при помощи пальцевъ. Это займетъ насъ на нѣкоторое время.

И я зажарилъ птицу.

Эдварда разсказывала про англичанина. Это былъ старый и странный человѣкъ, онъ громко разговаривалъ самъ съ собой. Онъ былъ католикъ, и, гдѣ бы онъ ни находился, всегда у него въ карманѣ былъ маленькій молитвенникъ съ черными и красными буквами.

— Быть можетъ, онъ былъ ирландецъ?—спросилъ докторъ.

— Онъ былъ ирландецъ?

— Неправда ли, разъ онъ былъ католикъ?

Эдварда покраснѣла, она запнулась и стала смотрѣть въ сторону:

— Ну, да, можетъ, онъ былъ ирландецъ.

Съ этого мгновенья она потеряла всю свою веселость. Мнѣ стало ее жаль, и мнѣ хотѣлось поправить дѣло, я сказалъ:

— Нѣтъ, понятно, вы правы въ томъ, что это былъ англичанинъ. Ирландцы не ѣздятъ въ Норвегію.

Мы уговорились какъ-нибудь отправиться на лодкѣ и посмотрѣть мѣсто сушки рыбы.

Немного проводивъ своихъ гостей, я вернулся назадъ и усѣлся съ намѣреніемъ заняться своими рыболовными снастями. Мой садокъ висѣлъ на гвоздѣ у двери, и нѣкоторыя петли были попорчены ржавчиной; я отточилъ нѣсколько крючковъ, крѣпко ихъ привязалъ, пересмотрѣлъ лески. Какъ трудно за что-нибудь приняться сегодня! Неподходящія мысли проносились у меня въ головѣ; мнѣ представилось, что я сдѣлалъ ошибку, позволивъ Эдвардѣ сидѣть все время на нарахъ, вмѣсто того, чтобы предложить ей мѣсто на скамьѣ. Я увидѣлъ вдругъ передъ собой ея смуглое лицо и смуглую шею; она завязала передникъ немного ниже на животѣ, чтобы имѣть длинную талію, по модѣ; невинное дѣвическое выраженіе ея большого пальца дѣйствовало на меня нѣжно, необычайно нѣжно, и двѣ складки на сгибѣ руки такъ и дышали дружелюбіемъ. Ротъ у нея былъ большой, съ пылающими губами.

Я всталъ, открылъ дверь и сталъ прислушиваться. Я ничего не слыхалъ, да мнѣ и не къ чему было прислушиваться. Я снова затворилъ дверь; Эзопъ сошелъ со своего мѣста и смотрѣлъ на мое безпокойство. Мнѣ пришло въ голову, что я могу догнать Эдварду и попросить у нея немного шелку для починки моего садка; это вовсе не было предлогомъ, я могъ выложить передъ ней садокъ и показать съѣденныя ржавчиной петли. Я уже вышелъ за-дверь, какъ вдругъ я

вспомнилъ, что шелкъ былъ у меня у самого, въ моей книгѣ для мухъ, гораздо больше даже, чѣмъ было нужно. И я потихоньку и въ совершенномъ унынiи вошелъ опять къ себѣ, такъ какъ шелкъ былъ у меня у самого.

Чье-то постороннее дыханье повѣяло на меня при входѣ въ хижину, какъ будто я тамъ больше не былъ одинъ.

VI.

Кто-то спросилъ меня, развѣ я не стрѣляю больше; до него не долетало съ горъ ни одного моего выстрѣла, хотя онъ стоялъ въ бухтѣ и ловилъ рыбу цѣлыхъ два дня. Да, я ничего не стрѣлялъ, я былъ дома въ хижинѣ, дожидаясь, пока мнѣ нечего будетъ ѣсть.

На третiй день пошелъ я на охоту. Лѣсъ немного зазеленѣлъ, пахло землей и деревьями, дикiй лукъ торчалъ уже зеленый изъ тронутаго морозомъ мха. Я былъ полонъ мыслей и много разъ присаживался. Въ теченiе трехъ дней я видѣлъ одного только человѣка, того рыбака, котораго я встрѣтилъ вчера; я думалъ: можетъ, я встрѣчу кого-нибудь сегодня вечеромъ, когда пойду домой, на опушкѣ лѣса, гдѣ я въ послѣднiй разъ встрѣтилъ доктора и Эдварду. Могло случиться, что они гуляли тамъ опять, можетъ быть, а, можетъ, и нѣтъ. Но почему я думаю именно объ этихъ двухъ? Я застрѣлилъ пару бѣлыхъ куропатокъ и тотчасъ же приготовилъ одну изъ нихъ; потомъ привязалъ Эзопа.

Во время ѣды я лежалъ на просохшей почвѣ. Кругомъ было тихо, слышался только нѣжный шумъ вѣтра и временами крикъ птицы. Я лежалъ и смотрѣлъ на вѣтви, которыя тихо качались отъ движенiя воздуха; вѣтерокъ дѣлалъ свое дѣло и переносилъ цвѣточную пыльцу съ вѣтки на вѣтку и наполнялъ каждый невинный рубецъ; весь лѣсъ стоялъ очарованный. Зеленая гусеница, землемѣръ, ползетъ вдоль вѣтки

къ ея вершинѣ, ползетъ, не останавливаясь, какъ будто она не можетъ отдохнуть. Она почти ничего не видитъ, хотя у нея и есть глаза. Часто поднимается, вытянувшись, и щупаетъ въ воздухѣ, на что бы ей опереться; она походитъ на коротенькую зеленую нитку, которая медленными стежками шьетъ шовъ вдоль по вѣткѣ. Къ вечеру, можетъ, она доползетъ туда, куда ей нужно.

Все время тихо. Я встаю и иду, сажусь и встаю опять; около четырехъ часовъ; когда будетъ шесть часовъ, я пойду домой и посмотрю, не встрѣчу ли я кого-нибудь. У меня еще два часа, а я уже немного безпокоюсь и счищаю вереск и мохъ со своей одежды. Я знаю мѣста, по которымъ прохожу; деревья и камни стоятъ тамъ, какъ прежде въ своемъ одиночествѣ, листья шуршатъ у меня подъ ногами. Однообразный шелестъ и знакомые деревья и камни очень много значатъ для меня, меня переполняетъ какое-то особенное чувство благодарности, все соглашается со мной, соединяется со мной, я люблю все. Я поднимаю сухую вѣтку и держу ее въ рукахъ и смотрю на нее, пока сижу и думаю о своихъ дѣлахъ; вѣтка почти сгнила, ея несчастная кора производитъ на меня впечатлѣнiе, состраданiе мелькаетъ въ моемъ сердцѣ. И когда я встаю и иду, я не бросаю вѣтки далеко отъ себя, а кладу ее на землю и стою, и думаю о ней; наконецъ, смотрю на нее въ послѣднiй разъ влажными глазами, прежде чѣмъ покинуть ее.

И уже пять часовъ. Солнце невѣрно показываетъ мнѣ время, я весь день шелъ на западъ, и, можетъ быть, ушелъ на полчаса впередъ сравнительно съ моими солнечными отмѣтками у хижины. Все это я принимаю во вниманiе, но все-таки у меня остается еще часъ до шести, а потому я встаю опять и иду немного. И листья шуршатъ подъ моими ногами. Такъ проходитъ часъ времени.

Я вижу подъ собой маленькую рѣчку и маленькую мельницу, которыя были скованы льдомъ зимой, и останавли-

ваюсь; колесо вертится, шумъ пробуждаетъ меня, я останавливаюсь вдругъ тутъ же на мѣстѣ. Я опоздалъ! говорю я вслухъ. Острая боль пронизываетъ меня, я поворачиваюсь въ то же мгновенье и начинаю итти домой, хотя я уже знаю, что я опоздалъ. Я начинаю итти быстрѣе, бѣжать; Эзопъ понимаетъ, что это не спроста, онъ тянетъ за ремень, увлекаетъ меня съ собой, визжитъ и спѣшитъ. Сухіе листья летятъ вокругъ насъ. Но когда мы спустились къ опушкѣ лѣса, никого тамъ не было, нѣтъ, все было тихо, тамъ никого не было.

Тутъ никого нѣтъ! говорю я. И однако, лучшаго я и не ожидалъ.

Я уже не стоялъ, но шелъ, увлекаемый всѣми моими мыслями, я прошелъ мимо своей хижины, внизъ къ Сирилунду, съ Эзопомъ и охотничьей сумкой, и съ ружьемъ, со всѣми своими принадлежностями.

Г-нъ Макъ принялъ меня съ величайшей любезностью и пригласилъ меня на вечеръ.

VII.

Мнѣ кажется, что я могу немного читать въ душѣ у людей, окружающихъ меня; можетъ, это и не такъ. О, когда я въ ударѣ, то мнѣ представляется, что я глубоко заглядываю въ чужія души, хотя я вовсе не какой-нибудь особенный мудрецъ. Мы сидимъ гдѣ-нибудь въ комнатѣ: нѣсколько мужчинъ, нѣсколько женщинъ и я, и мнѣ кажется, я вижу, что происходитъ внутри этихъ людей и что они думаютъ обо мнѣ, я вкладываю что-нибудь въ каждое движеніе, мелькнувшее у нихъ въ глазахъ; иногда кровь ударяетъ имъ въ щеки и заставляетъ ихъ краснѣть, временами они дѣлаютъ видъ, что они смотрятъ совсѣмъ въ другую сторону, и, однако, мелькомъ съ боку они останавливаютъ

свой взглядъ на мнѣ. Сижу я тамъ и вижу все это, и никто не подозрѣваетъ, что я вижу насквозь каждую душу. Много лѣтъ считалъ я себя способнымъ читать въ душѣ у всѣхъ людей. Можетъ, это и не такъ...

Я провелъ весь вечеръ у г-на Мака. Я могъ бы тотчасъ же уйти, мнѣ вовсе не было интересно оставаться у него, но вѣдь я пришелъ къ нему, потому только, что всѣ мои мысли влекли меня туда... Какъ же мнѣ было тотчасъ же уйти назадъ. Мы играли въ вистъ и пили тодди послѣ ѣды. Я усѣлся спиной къ залѣ и опустилъ голову, сзади меня входила и выходила Эдварда. Докторъ уѣхалъ домой.

Г-нъ Макъ показалъ мнѣ устройство своихъ новыхъ лампъ, первыхъ парафиновыхъ лампъ, попавшихъ сюда на сѣверъ, великолѣпныя вещи на тяжелыхъ свинцовыхъ ножкахъ; онъ самъ зажигалъ ихъ каждый вечеръ во избѣжаніе всякаго несчастія. Раза два онъ начиналъ говорить о своемъ дѣдушкѣ консулѣ: мой дѣдушка, консулъ Макъ, получилъ эту застежку изъ собственныхъ рукъ Карла Іогана, говорилъ онъ, и показывалъ пальцемъ на свою брилліантовую застежку. Его супруга умерла, онъ показалъ мнѣ ея портретъ масляными красками въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ: почтенная женщина въ чепцѣ изъ блондъ и съ дружелюбной улыбкой. Въ той же комнатѣ стоялъ также библіотечный шкапъ, гдѣ были даже старыя французскія книги, которыя, казалось, перешли по наслѣдству; переплеты были изящные, съ золотыми тисненіями, и много владѣльцевъ написало на нихъ свои имена. Среди книгъ было много образовательныхъ сочиненій; г-нъ Макъ былъ мыслящимъ человѣкомъ.

Для виста пришлось позвать двухъ его приказчиковъ; они играли медленно и неувѣренно, точно разсчитывали, и все-таки дѣлали ошибки. Одному изъ нихъ помогала Эдварда.

Я опрокинулъ свой стаканъ, почувствовалъ себя несчастнымъ и всталъ.

— Ахъ, я опрокинулъ свой стаканъ! сказалъ я.

Эдварда разразилась хохотомъ и отвѣчала на это:

— Да, это мы всѣ видѣли.

Всѣ, смѣясь, увѣряли меня, что это ничего не значитъ. Мнѣ дали полотенце вытереться, и мы продолжали играть. Было уже одиннадцать часовъ.

Неясное чувство неудовольствія овладѣло мной при смѣхѣ Эдварды, я посмотрѣлъ на нее, и мнѣ показалось, что ея лицо стало совершенно незначительнымъ и мало красивымъ. Г-нъ Макъ прекратилъ, наконецъ, игру подъ предлогомъ, что обоимъ приказчикамъ нужно было ложиться спать; потомъ онъ откинулся на спинку дивана и началъ разговоръ о томъ, какую ему повѣсить вывѣску на фасадѣ его амбара, и спросилъ у меня объ этомъ совѣта. Какую краску ему выбрать? Мнѣ было скучно, я отвѣчалъ, что черную, совершенно наугадъ, и г-нъ Макъ тотчасъ же согласился:

— Черную краску, я и самъ такъ думалъ. Складъ соли и пустыхъ бочекъ, жирными черными буквами, это всего благороднѣе... Эдварда, а тебѣ не пора уже спать?

Эдварда встала, подала намъ обоимъ руку, пожелавъ покойной ночи, и ушла. Мы продолжали сидѣть. Мы говорили о желѣзной дорогѣ, которая была окончена въ прошломъ году, о первой телеграфной линіи. Богъ знаетъ, какъ еще далеко на сѣверъ будетъ проведенъ телеграфъ. Молчаніе,

— А вотъ мнѣ,—говорилъ г-нъ Макъ:—совсѣмъ незамѣтно стукнуло сорокъ шесть, и волоса, и борода посѣдѣли у меня. Да, я чувствую, что я постарѣлъ. Вы видите меня днемъ и считаете меня молодымъ; но когда наступаетъ вечеръ, и я остаюсь одинъ, я совершенно падаю духомъ. Тогда я сижу здѣсь въ комнатѣ и раскладываю пасьянсы. Если сплутуешь разокъ-другой, то они легко удаются. Ха-ха!

— Пасьянсы удаются, если сплутовать разокъ-другой?— спросилъ я.

— Да.

Мнѣ показалось, что я читаю въ его глазахъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и выглянулъ въ него, онъ стоялъ, согнувшись, и его затылокъ и шея были покрыты волосами. Я также всталъ. Онъ обернулся и пошелъ мнѣ навстрѣчу въ своихъ длинныхъ, съ острыми носками, ботинкахъ, онъ засунулъ свои оба большихъ пальца въ карманы жилетки и немного помахалъ руками, въ родѣ какъ крыльями; въ то же время онъ улыбался. Потомъ онъ еще разъ предложилъ лодку въ мое распоряженіе и протянулъ мнѣ руку.

— Впрочемъ, позвольте, я васъ провожу,—сказалъ онъ и задулъ лампы.—Да, мнѣ хочется немного пройтись, еще не поздно.

Мы вышли.

Онъ указалъ на дорогу, ведущую къ дому кузнеца, и сказалъ:

— По этой дорогѣ! Это кратчайшая!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я:—дорога мимо амбаровъ кратчайшая.

Мы обмѣнялись нѣсколькими словами по этому поводу, не придя къ соглашенію. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что я былъ правъ, и не понималъ его упорства. Наконецъ, онъ предложилъ каждому итти своей дорогой; кто придетъ первымъ, подождетъ у хижины.

Мы отправились. Онъ скоро исчезъ въ лѣсу.

Я шелъ обыкновеннымъ шагомъ и разсчиталъ прійти по крайней мѣрѣ на пять минутъ раньше. Но когда я пришелъ къ хижинѣ, онъ уже стоялъ тамъ. Онъ кричалъ мнѣ на встрѣчу:

— Ну что, видите! Да, я всегда хожу по этой дорогѣ, это въ самомъ дѣлѣ кратчайшая.

Я посмотрѣлъ съ величайшемъ удивленіемъ на него, онъ не вспотѣлъ и незамѣтно было, чтобы онъ бѣжалъ. Онъ тотчасъ же распростился, поблагодарилъ за вечеръ и отправился той же самой дорогой, какъ пришелъ.

Я продолжалъ стоять и думалъ: какъ это странно! Я долженъ бы немного понимать въ разстояніяхъ и проходилъ обѣ эти дороги много разъ. Милый человѣкъ, ты опять плутуешь! Или все это былъ одинъ предлогъ?

Я видѣлъ, какъ его спина опять скрылась въ лѣсу.

Мгновеніе спустя, я уже шелъ за нимъ, осторожно и поспѣшно; я видѣлъ, какъ онъ утиралъ лицо всю дорогу, и зналъ теперь, какъ онъ не бѣжалъ. Онъ шелъ ужасно медленно, и я не терялъ его изъ виду; онъ остановился у дома кузнеца. Я спрятался и видѣлъ, какъ дверь растворилась, и какъ г-нъ Макъ вошелъ въ домъ.

Былъ часъ, я видѣлъ это по морю и по травѣ.

VIII.

Прошло нѣсколько дней, какъ нельзя лучше; моимъ единственнымъ другомъ былъ лѣсъ и великое уединеніе. Боже мой, я никогда не испытывалъ большаго одиночества, чѣмъ въ первый изъ этихъ дней. Весна была во всемъ разгарѣ, я нашелъ звѣздчатку и тысячелистикъ въ полѣ, прилетѣли зяблики и синицы; я зналъ всѣхъ птицъ. Иногда я вынималъ изъ кармана двѣ монеты по двадцать четыре шиллинга и бренчалъ ими, чтобы нарушить уединеніе. Я думалъ: А что если бы пришли Дидерикъ и Изелина!

Ночей больше не бывало, солнце окунало только въ море свой дискъ и вотъ опять всходило, красное, обновленное, какъ будто оно выпило вина во время пребыванія тамъ, внизу. Какъ все странно представлялось мнѣ по ночамъ; никто этому не повѣритъ. Что это Панъ сидѣлъ въ деревѣ и слѣдилъ, какъ я буду вести себя? И это его животъ былъ открытъ, и это онъ такъ скорчился, что казалось, сидя, пилъ изъ своего собственнаго живота? Но все это онъ дѣлалъ только для того, чтобы потихоньку смотрѣть на меня и не выпускать меня изъ виду, и все дерево дрожало отъ его затаеннаго смѣха, когда онъ замѣчалъ, что всѣ мои мысли бѣжали вмѣстѣ со мной. Вездѣ въ лѣсу было движеніе, животныя нюхали, птицы звали другъ друга, ихъ сигналы наполняли воздухъ. Появились майскіе жуки; ихъ жужжаніе перемѣшивалось съ жужжаніемъ ночныхъ бабочекъ; словно шопотъ возникалъ то тамъ, то здѣсь по всему лѣсу. Было что послушать! Я не спалъ три ночи, я думалъ о Дидерикѣ и Изелинѣ.

Вотъ посмотри, думалъ я, они придутъ. И Изелина подманитъ Дидерика къ дереву и скажетъ:

Постой-ка здѣсь, Дидерикъ, да поглядывай, стереги Изелину; я попрошу этого охотника завязать мнѣ ремень у обуви.

И этотъ охотникъ—я, и она движеніемъ глазъ даетъ мнѣ понять это. И когда она подходитъ, мое сердце понимаетъ все, и оно перестаетъ биться, оно бурно трепещетъ. А она—нагая съ головы до ногъ подъ своимъ покровомъ, и я касаюсь ее рукой.

— Завяжи мнѣ ремень!—говоритъ она, и щеки у ней горятъ. И немного спустя она шепчетъ у самаго моего лица, у самыхъ губъ: — О, ты не завяжешь мнѣ ремня, мой милый, нѣтъ ты не завяжешь... не завяжешь мнѣ...

Но солнце окунаетъ свой дискъ въ море и вотъ снова восходитъ, красное, обновленное, какъ будто оно побывало тамъ внизу и выпило вина. А воздухъ наполненъ шопотомъ.

Часъ спустя говоритъ она у самаго моего рта:

— Теперь я должна покинуть тебя.

И она киваетъ мнѣ, уходя, и ея лицо еще горитъ, ея лицо нѣжно и восторженно. И она снова оборачивается ко мнѣ и киваетъ.

Но Дидерикъ отходитъ отъ дерева и говоритъ:

— Изелина, что ты дѣлала? Я видѣлъ.

Она отвѣчаетъ:

— Дидерикъ, что ты видѣлъ? Я ничего не дѣлала.

— Изелина, я видѣлъ, что ты дѣлала,—говоритъ онъ опять.—Я видѣлъ, Изелина.

Тутъ раздается по лѣсу ея громкій, веселый смѣхъ, и она идетъ съ Дидерикомъ дальше, ликующая и грѣшная съ головы до ногъ. А куда она идетъ? Къ ближайшему новому другу, въ лѣсъ, къ какому-нибудь охотнику.

Была полночь. Эзопъ отвязался и охотился самъ для себя, я слышалъ его лай въ горахъ, и когда, наконецъ, онъ вернулся обратно, былъ уже часъ. Показалась пастушка, она вязала чулокъ, и напѣвала, и смотрѣла по сторонамъ. Но гдѣ же было ея стадо? И зачѣмъ она шла по лѣсу въ полночный часъ? Просто такъ, просто такъ. Отъ безпокойства, можетъ, отъ радости, да. Я подумалъ: она слышала лай Эзопа и знала, что я въ лѣсу.

Когда она подошла, я всталъ, стоялъ и смотрѣлъ на нее, какая она была тоненькая и молоденькая. Эзопъ также всталъ и смотрѣлъ на нее.

— Откуда ты идешь?—спросилъ я ее.

— Съ мельницы,—отвѣчала она.

Но что она могла дѣлать у мельницы такъ поздно ночью?

— Какъ это ты не боишься ходить по лѣсу такъ поздно ночью,—сказалъ я:—ты вѣдь такая слабенькая и молоденькая?

Она засмѣялась и отвѣчала:

— Я не такъ уже молода,—мнѣ девятнадцать лѣтъ.

Но ей не могло быть девятнадцати лѣтъ, я увѣренъ въ томъ, что она прилгала два года и ей было только семнадцать. Но зачѣмъ она такъ себя старила?

— Садись, — сказалъ я:—ты скажешь мнѣ, какъ тебя зовутъ.

И она сѣла, краснѣя, рядомъ со мной и сказала, что ее зовутъ Генріеттой.

Я спросилъ:—У тебя есть милый, Генріетта, и онъ обнималъ когда-нибудь тебя?

— Да,—отвѣчала она и засмѣялась, смущенная.

— Сколько уже разъ?

Она молчитъ.

— Сколько разъ?—переспрашиваю я.

— Два раза,—потихоньку сказала она.

Я привлекъ ее къ себѣ и спросилъ:

— Какъ онъ дѣлалъ это? такъ вотъ?

— Да,—прошептала она, вся дрожа.

И уже четыре часа.

IX.

У меня былъ разговоръ съ Эдвардой:

— Скоро пойдетъ дождь,—сказалъ я.

— Который часъ?—спросила она.

Я посмотрѣлъ на солнце и отвѣчалъ:

— Около пяти.

Она спросила:

— Вы это можете такъ точно видѣть по солнцу?

— Да,—отвѣчалъ я:—я могу это видѣть по солнцу.

Молчаніе.

— Но когда вы вотъ не видите солнца, какъ тогда вы узнаете время?

— Тогда я соображаю по другимъ вещамъ: по морскому приливу и отливу, по травѣ, которая ложится въ опредѣленное время, по пѣнью птицъ, которое постоянно мѣняется; иныя птицы начинаютъ пѣть, когда другія умолкаютъ. А то я знаю время по цвѣтамъ, которые закрываются къ вечеру, по листвѣ, которая бываетъ то свѣтло-зеленой, то темно-зеленой, а кромѣ того, я просто это чувствую.

— Та-акъ,—сказала она.

Я ждалъ дождя и, жалѣя Эдварду, не хотѣлъ дольше задерживать ее на дорогѣ; я взялся за фуражку. Вдругъ

она остановила меня еще новымъ вопросомъ, и я остался. Она покраснѣла и спросила меня, зачѣмъ собственно я здѣсь жилъ, зачѣмъ ходилъ на охоту, зачѣмъ то, зачѣмъ это. Я стрѣлялъ только необходимое для пропитанія, я давалъ Эзопу отдыхъ.

Она покраснѣла и пала духомъ.

Я понялъ, что кто-то говорилъ обо мнѣ, и что она слышала; она говорила не отъ себя. И вотъ она вызвала во мнѣ волненіе, она казалась мнѣ покинутой; мнѣ вспомнилось, что она была сирота; ея худенькая рука придавала ей видъ заброшенной. Такъ мнѣ представилось.

Да, я стрѣлялъ не для того, чтобы убивать, я стрѣлялъ для того, чтобы жить. На день мнѣ нужно только одного тетерева, а потому я не убивалъ двухъ, а стрѣлялъ другого на слѣдующій день. Зачѣмъ мнѣ было убивать нѣсколькихъ? Я жилъ въ лѣсу, я былъ сынъ лѣса; съ перваго іюня налагался запретъ также на куропатокъ и зайцевъ, мнѣ почти нечего было больше стрѣлять; прекрасно, тогда я начиналъ ловить рыбу и жилъ рыбой. Я получу въ свое распоряженіе отъ ея отца лодку, чтобы выѣзжать въ море. Во всякомъ случаѣ я былъ охотникомъ не изъ-за того только, чтобы стрѣлять, но изъ-за того, чтобы жить въ лѣсу. Мнѣ тамъ было хорошо, во время ѣды я лежалъ на землѣ, а не сидѣлъ, вытянувшись, на стулѣ; я не опрокидывалъ стакановъ. Въ лѣсу я все себѣ позволялъ, я могъ ложиться на спину и закрывать глаза, когда мнѣ было угодно; я могъ также и говорить, что угодно. Часто хочется сказать что-нибудь, громко разговаривать, и слова раздаются въ лѣсу, словно разговариваетъ само сердце...

Когда я спросилъ ее, понятно ли ей это, она отвѣтила—да.

Я продолжалъ говорить, такъ какъ ея глаза были устремлены на меня.

— Если бы только вы знали, чего-чего я не вижу

здѣсь,—говорилъ я. Зимой идешь себѣ и видишь на снѣгу слѣдъ куропатки. Вдругъ слѣдъ пропадаетъ, птица поднялась. Но я могу видѣть по отпечаткамъ крыльевъ, въ какомъ направленіи полетѣла дичь, и въ скоромъ времени я ее разыскиваю. Всегда найдется что-нибудь новенькое для меня. Осенью часто приходится наблюдать падающія звѣзды. А что, думаю я тогда въ своемъ одиночествѣ, ужъ не міръ ли это какой содрогнулся и разлетѣлся вдребезги прямо передъ моими глазами? И мнѣ, мнѣ удалось увидать въ своей жизни звѣздный дождь! Но когда наступитъ лѣто, тогда чуть не на каждомъ листкѣ найдешь какое-нибудь маленькое животное, я замѣчалъ, что иныя безъ крыльевъ, они никуда не могутъ уйти, они должны жить и умереть на томъ маленькомъ листкѣ, гдѣ они явились на свѣтъ. Подумать только! Иногда увидишь синюю муху. Да, о всемъ этомъ такъ мало приходится слышать, я не знаю, понятно ли вамъ это.

— Да, да, я васъ понимаю.

— Та-акъ. А иногда смотришь на траву, и трава, можетъ быть, тоже смотритъ на тебя, кто знаетъ? Я смотрю на какую-нибудь отдѣльную травку; она, можетъ, немного дрожитъ, и мнѣ кажется, что это что-нибудь да значитъ; я думаю про себя: а вотъ стоитъ травка и дрожитъ! Смотришь на сосну, и тамъ найдется, можетъ, какая-нибудь вѣтка, которая заставитъ тебя также и о ней немного подумать. А иногда встрѣчаешь въ горахъ и людей, случается.

Я посмотрѣлъ на нее, она стояла, сгорбившись, и слушала. Я не узналъ ея. Она до такой степени сосредоточилась, что совсѣмъ забыла о себѣ; ея лицо приняло противное, глупое выраженіе, губа у ней сильно отвисла.

— Да-а,—сказала она и выпрямилась.

Началъ накрапывать дождь.

— Дождь,—сказалъ я.

— Да, смотрите-ка, дождь, — сказала также и она и тотчасъ же пошла.

Я не сталъ провожать ее до дому, она одна поплелась своей дорогой, я поспѣшилъ къ хижинѣ. Прошло нѣсколько минутъ, начался сильный дождь. Вдругъ я слышу, за мной кто-то бѣжитъ, я останавливаюсь и вижу Эдварду. Она покраснѣла отъ напряженія и улыбалась.

— Я и забыла объ этомъ,—говорила она, запыхавшись: объ этой прогулкѣ на мѣсто сушки рыбы. Докторъ пріѣзжаетъ завтра, вы будете свободны?

— Завтра? Хорошо. Да, я буду свободенъ.

— Я и забыла объ этомъ,—еще разъ повторила она и улыбнулась.

Когда она пошла, я обратилъ вниманіе на ея тонкія красивыя ноги; они высоко намокли. Башмаки у ней были стоптаны.

X.

Я хорошо помню еще одинъ день. То былъ день, когда для меня наступило лѣто. Солнце начало уже свѣтить по ночамъ и высушивало мокрую землю къ утру; послѣ послѣдняго дождя воздухъ сталъ мягкимъ и свѣжимъ.

День склонялся къ вечеру, когда я явился на пристань. Вода была совершенно спокойна; смѣхъ и болтовня доносились до насъ съ острова, гдѣ мужчины и дѣвушки работали надъ рыбой. Веселый былъ это вечеръ.

А развѣ, правда, не веселый былъ это вечеръ? У насъ съ собой были корзины съ ѣдой и виномъ; насъ было большое общество, размѣстившееся въ двухъ лодкахъ, молодыя женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ. Я такъ былъ доволенъ, я напѣвалъ.

Сидя въ лодкѣ, я думалъ о томъ, откуда такое собралась вся эта молодежь. Тутъ были дочери приходскаго фогта и

уѣзднаго врача, двѣ гувернантки, дамы съ церковнаго двора; я не видалъ ихъ раньше, онѣ были для меня чужими, и однако, онѣ относились ко мнѣ такъ радушно, какъ будто мы знали другъ друга давнымъ давно. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, я отвыкъ обращаться съ людьми и часто говорилъ „ты“ молодымъ дамамъ; но за это на меня не сердились, это мнѣ прощали. Разъ я сказалъ „милая“ или „моя милая“, но мнѣ извинили также и это и сдѣлали видъ, какъ будто я этого и не говорилъ.

На г-нѣ Макѣ, по обыкновенію, была его сорочка съ мягкой грудью и съ брилліантовой застежкой на ней. Онъ былъ, повидимому, въ превосходномъ состояніи духа и кричалъ сидѣвшимъ на другой лодкѣ:

— Поберегите же корзины съ бутылками, эй вы, сумасшедшіе! Докторъ, вы мнѣ отвѣчаете за бутылки.

— Хорошо,—отвѣчалъ на это докторъ. И только два этихъ возгласа отъ лодки къ лодкѣ празднично и весело прозвучали для меня на морѣ.

На Эдвардѣ было вчерашнее платье, какъ будто у ней не было другого или она не хотѣла надѣть его. И башмаки на ней были тѣ же самые. Мнѣ представилось, что руки у ней были не совсѣмъ чисты; но на голову она надѣла совершенно новенькую шляпу съ перомъ. Свою перекрашенную кофточку она захватила съ собой, чтобы сидѣть на ней.

По желанію г-на Мака, я сдѣлалъ выстрѣлъ, въ то время какъ мы выходили на берегъ, два выстрѣла, изъ обоихъ стволовъ; потомъ прокричали ура. Мы бродили по острову; сушильщики намъ всѣмъ кланялись, и г-нъ Макъ разговаривалъ со своими рабочими. Мы нашли гусиную травку и лютикъ, которыхъ мы понатыкали себѣ въ петлицы; нѣкоторые нашли колокольчикъ.

И множество морскихъ птицъ гоготало и кричало въ воздухѣ и на обнаженномъ отливомъ берегу.

Мы расположились на лугу, гдѣ росло нѣсколько кри-

выхъ березъ съ бѣлой корой, открыли корзины, и г-нъ Макъ вытащилъ бутылки. Свѣтлыя платья, голубые глаза, звонъ стакановъ, море, бѣлые паруса. Мы немного попѣли.

И щеки разрумянились.

Проходитъ часъ, мои мысли исполнены ликованіемъ; даже мелочи дѣйствуютъ на меня; вуаль развѣвается на шляпѣ, распускаются волосы, два глаза закрываются среди смѣха, и все это волнуетъ меня. Ахъ этотъ день, этотъ день!

— Я слышала, что у васъ маленькая прелестная хижина, г-нъ лейтенантъ?

— Да, гнѣздышко. Боже, какъ оно мнѣ по сердцу! Приходите какъ-нибудь ко мнѣ, барышня; это единственная въ своемъ родѣ хижина. А за хижиной огромный лѣсъ.

Другая подходитъ ко мнѣ и привѣтливо говоритъ:

— Вы раньше не бывали здѣсь, на сѣверѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчаю я.—Но я уже знаю все, сударыня. По ночамъ стою я лицомъ къ лицу съ горами, землей и солнцемъ. Впрочемъ, я не хочу пытаться быть высокопарнымъ. Что за лѣто у васъ! Оно распускается ночью, когда всѣ спятъ, и утромъ оно уже тутъ. Я глядѣлъ въ свое окно и самъ видѣлъ это. У меня два маленькихъ окошка.

Третья подходитъ. У нея очаровательный голосъ и маленькія руки. Какъ всѣ онѣ были очаровательны! Третья говоритъ:

— Помѣняемтесь цвѣтами? На счастье.

— Хорошо,—сказалъ я и протянулъ руку:—помѣняемтесь цвѣтами; благодарю васъ. Какая вы красивая; у васъ чарующій голосъ, я слушалъ его все время.

Но она отнимаетъ руку съ колокольчиками и говоритъ коротко и ясно:

— Что это съ вами? Я вовсе не къ вамъ обращалась!

Она не ко мнѣ обращалась! Мнѣ было больно, что я сдѣлалъ промахъ; мнѣ захотѣлось обратно домой, подальше

отсюда, въ свою хижину, гдѣ со мной говорилъ только вѣтеръ.—Извините,—говорю я;—и простите меня.—Другія дамы переглядываются и уходятъ, чтобы не удручать меня.

Въ это самое мгновенье кто-то быстро подошелъ къ намъ; всѣ видѣли, кто; то была Эдварда. Она подошла прямо ко мнѣ, она что-то говоритъ, бросается мнѣ на шею, крѣпко обвиваетъ ее руками и нѣсколько разъ цѣлуетъ меня въ губы. Она каждый разъ что-то говоритъ, но я не слышу, что. Я не понялъ всего сразу, сердце у меня замерло, во мнѣ запечатлѣлся только ея горящій взглядъ. Когда она меня выпустила изъ своихъ рукъ, ея маленькая грудь замѣтно поднималась и опускалась. Она все еще стояла тамъ, со своимъ смуглымъ лицомъ и смуглой шеей, высокая и стройная, съ блестящими глазами и совершенно о всемъ позабывъ; всѣ смотрѣли на нее. Во второй разъ я былъ пораженъ ея темными бровями, которыя высоко изгибались на лбу.

Но, Боже мой, меня поцѣловали на виду у всѣхъ.

— Что это значитъ, йомфру Эдварда?—спросилъ я и слышу, какъ во мнѣ стучитъ кровь, я слышу ея біеніе, какъ будто изъ глубины горла, и это мѣшаетъ мнѣ говорить отчетливо.

— Это ничего,—отвѣчаетъ она.—Это только значитъ, что мнѣ такъ захотѣлось. Это ничего.

Я снимаю фуражку и машинально приглаживаю волосы назадъ, все стою и смотрю на нее. Неужели это ничего не значитъ? думалъ я.

Вдругъ раздается голосъ г-на Мака съ другого конца острова, онъ что-то говоритъ, мы не можемъ разобрать, что именно; но я съ радостью думаю о томъ, что г-нъ Макъ ничего не видалъ, ничего не зналъ. Какъ это было хорошо, что онъ какъ разъ былъ на другомъ концѣ острова! Я вздыхаю свободно, подхожу къ обществу и, смѣясь, говорю, стараясь выразить полное равнодушіе:

— Позвольте мнѣ передъ всѣми вами извиниться въ моемъ неприличномъ поведеніи сію минуту; я самъ въ отчаяніи отъ этого. Я воспользовался мгновеніемъ, когда йомфру Эдварда хотѣла помѣняться со мной цвѣткомъ, и оскорбилъ ее; извиняюсь передъ ней и передъ вами. Станьте на мое мѣсто: я живу одинъ, не привыкъ обходиться съ дамами; да къ тому же выпилъ нынче вина, къ чему я также не привыкъ. Будьте ко мнѣ снисходительны.

Я засмѣялся, стараясь выразить полное равнодушіе ко всѣмъ этимъ пустякамъ, чтобы заставить поскорѣе забыть о нихъ; но въ глубинѣ души я былъ серьезенъ. Мои слова не произвели никакого дѣйствія на Эдварду, она и не пыталась скрывать чего-нибудь, ослабить впечатлѣніе, вызванное ея опрометчивымъ поступкомъ; наоборотъ, она усѣлась рядомъ со мной и все время смотрѣла на меня. Временами она заговаривала со мной. Когда мы потомъ стали играть въ женихи и невѣсты, она сказала громко:

— Я выбираю себѣ лейтенанта Глана. Я не хочу ухаживать за кѣмъ-нибудь другимъ.

— Чортъ возьми, да замолчите же вы!—прошепталъ я и топнулъ ногой.

Изумленіе промелькнуло у нея на лицѣ, она сморщила носъ отъ боли и въ смущеніи улыбнулась. Я былъ глубоко тронутъ, я не могъ устоять передъ выраженіемъ покинутости въ ея взглядѣ и во всей ея тоненькой фигурѣ, я вдругъ почувствовалъ къ ней любовь и взялъ ея длинныя худенькія руки въ свои.

— Потомъ!—сказалъ я.—Не теперь. Мы можемъ встрѣтиться завтра.

XI.

Ночью я слышалъ, что Эзопъ всталъ въ своемъ углу и ворчалъ, я это слышалъ сквозь сонъ; но такъ какъ мнѣ какъ разъ снилась охота, это ворчаніе подошло къ моему

сну, и я не проснулся. Когда въ два часа утра я вышелъ изъ хижины, на травѣ былъ слѣдъ отъ двухъ человѣческихъ ногъ; кто-то здѣсь былъ, подошелъ сперва къ одному окну, затѣмъ къ другому окну. Слѣдъ терялся ниже на дорогѣ.

Она шла мнѣ навстрѣчу съ горячимъ румянцемъ на щекахъ, и все ея лицо сіяло.

— Вы ждали?—сказала она.—Я боялась, что вамъ придется ждать.

Я не ждалъ, она была на дорогѣ раньше меня.

— Вы хорошо спали?—спросилъ я. Я почти не зналъ, что сказать.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, я не спала,—отвѣчала она. И она разсказала, что она не ложилась спать ночью, а сидѣла на стулѣ съ закрытыми глазами. Она даже выходила изъ дому прогуляться.

— Кто-то былъ у моей хижины ночью?—сказалъ я:—я видѣлъ утромъ слѣды на травѣ.

Ея лицо густо окрашивается, она беретъ меня за руку тутъ же на самой дорогѣ и не отвѣчаетъ. Я смотрю на нее и спрашиваю:

— Быть можетъ, это были вы?

— Да,—отвѣчала она и прижалась ко мнѣ:—это была я. Я васъ не разбудила, я подошла такъ тихо, какъ только могла. Да, это была я. Я была близко къ вамъ еще одинъ разъ. Я васъ люблю.

XII.

Каждый день, каждый день я встрѣчался съ ней. Скажу правду, мнѣ было пріятно встрѣчаться съ ней; да, мое сердце готово было выпрыгнуть. Теперь тому уже два года; я думаю объ этомъ теперь, только когда мнѣ захочется, все это приключеніе забавляетъ и разсѣиваетъ меня. А относительно двухъ зеленыхъ птичьихъ перьевъ я разъясню въ скоромъ времени.

У насъ было много мѣстъ для свиданій: у мельницы, на дорогѣ, да, даже у меня въ хижинѣ; она приходила, куда я хотѣлъ. Здравствуй! кричала она всегда первая, и я отвѣчалъ: Здравствуй!

— Ты нынче веселъ, ты поешь,—говоритъ она, и ея глаза искрятся.

— Да, я веселъ,—отвѣчаю я.

— У тебя пятно, вотъ здѣсь на плечѣ, это пыль, можетъ, это грязь съ дороги; мнѣ хочется поцѣловать его. Все, что на тебѣ, все вызываетъ во мнѣ нѣжность, ты приводишь меня въ такое волненіе. Ночью я не спалъ.

И это была правда, ужъ не одну ночь пролежалъ я безъ сна.

Мы идемъ рядышкомъ по дорогѣ.

— Ну, что, по твоему, я веду себя такъ, какъ тебѣ хотѣлось бы?—говоритъ она.—Можетъ, я болтаю слишкомъ много? Нѣтъ? Да, но ты скажи свое мнѣніе. Временами я думаю, что это ни въ коемъ случаѣ не можетъ итти все такъ хорошо...

— Что такое не будетъ итти хорошо?—спрашиваю я.

— А это съ нами. Намъ не будетъ все такъ хорошо. Повѣришь ли, сейчасъ вотъ меня знобитъ, ледяная дрожь пронизываетъ меня вдоль спины, какъ только я приближаюсь къ тебѣ. Это отъ счастья.

— Да, отвѣчаю я:—со мной то же, и меня пронизываетъ ледяная дрожь, какъ только я тебя увижу. Нѣтъ, намъ еще долго будетъ хорошо. А теперь я поколочу тебя немножко по спинѣ, чтобы согрѣть.

Она съ неохотой соглашается на это; я колочу нѣсколько сильнѣе, чѣмъ нужно, только такъ въ шутку; я смѣюсь и спрашиваю, стало ли лучше.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не колоти меня больше по спинѣ,—говоритъ она.

Эти два слова! Такъ безпомощно прозвучало для меня это ея: нѣтъ, пожалуйста.

И вотъ мы пошли дальше по дорогѣ. Разсердилась она что-ль на меня за мою шутку? задалъ я самъ себѣ вопросъ и подумалъ: посмотримъ. Я сказалъ:

— А что мнѣ вспомнилось... Разъ во время прогулки въ лодкѣ одна молодая дама сняла съ шеи бѣлый шелковый платокъ и повязала его мнѣ. Вечеромъ я сказалъ дамѣ: Вы получите вашъ платокъ обратно завтра, я отдамъ его выстирать. Нѣтъ, отвѣчаетъ та, отдайте мнѣ его сейчасъ, я сохраню его, какъ онъ есть, совершенно въ томъ видѣ, какъ онъ былъ у васъ. И она взяла платокъ. Черезъ три года встрѣтился я опять съ молодой дамой. А платокъ? сказалъ я. Платокъ былъ съ ней. Онъ лежалъ у нея въ бумагѣ все еще не выстиранный, я самъ это видѣлъ.

Эдварда украдкой взглянула на меня:

— Да? Ну что же изъ этого?

— Ничего, больше ничего не было,—сказалъ я.—Но, по моему, это прекрасная черта.

Молчаніе.

— Гдѣ эта дама теперь?

— За границей.

Мы больше не разговаривали объ этомъ. Но когда она собралась итти домой, она сказала:

— Покойной ночи. Не думай больше объ этой дамѣ; не будешь? Я ни о комъ не думаю, кромѣ тебя.

Я вѣрилъ ей, я видѣлъ, она думала то, что говорила, а для меня всегда было совершенно достаточно, только бы она думала обо мнѣ. Я пошелъ за ней.

— Благодарю, Эдварда!—сказалъ я. Потомъ прибавилъ отъ всего сердца:

— Ты слишкомъ добра ко мнѣ, но я благодаренъ тебѣ, что ты избрала меня. Богъ наградитъ тебя за это. Я не такъ великолѣпенъ, какъ многіе другіе изъ тѣхъ, кого бы ты могла избрать; но я до того всецѣло твой, такъ безпре-

дѣльно твой, всей моей безсмертной душой. О чемъ ты думаешь? У тебя слезы на глазахъ.

— Это ничего, — отвѣчала она.—Такъ странно было слышать, что меня Богъ наградитъ за то. Ты говоришь такъ, какъ будто... Я такъ тебя люблю!

Она бросилась вдругъ мнѣ на шею, прямо посреди дороги, и крѣпко меня поцѣловала.

Когда она ушла, я свернулъ въ сторону и углубился въ лѣсъ, чтобы скрыться и быть одному со своей радостью. Но я, въ безпокойствѣ, стремительно вернулся назадъ къ дорогѣ и посмотрѣлъ, не обратилъ ли кто вниманія, что я вошелъ туда. Но я не увидалъ никого.

XIII.

Лѣтнія ночи, и спокойная вода, и безконечно спокойный лѣсъ. Ни крика, ни шума шаговъ съ дороги, мое сердце какъ будто наполнено темнымъ виномъ.

Моль и ночныя бабочки беззвучно влетаютъ въ мое окно, привлеченныя свѣтомъ очага и запахомъ жареной дичи. Онѣ ударяются о потолокъ съ глухимъ звукомъ, жужжатъ у самаго уха, такъ что меня пронизываетъ дрожь, и садятся на бѣлую роговую пороховницу на стѣнѣ. Я наблюдаю за ними, онѣ сидятъ, трепыхаясь, и смотрятъ на меня, это— шелкопряды, древоточицы и моль. Мнѣ представляется, что нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ какъ летающіе анютины глазки.

Я выхожу изъ хижины и прислушиваюсь. Ничего, ни малѣйшаго шуму, все спитъ. Воздухъ свѣтится отъ летающихъ насѣкомыхъ, отъ миріадъ жужжащихъ крылышекъ. Тамъ, на опушкѣ лѣса, растетъ папоротникъ и борецъ; расцвѣлъ вересковъ, и я люблю его маленькіе цвѣтки. Благодареніе Богу за каждый цвѣтокъ вереска, который я видѣлъ; они были, словно маленькія розы на моемъ пути, и я плачу отъ любви къ нимъ. Гдѣ-нибудь вблизи тутъ— дикая гвоздика, я не вижу ея, но до меня доносится ея запахъ.

Но вотъ во время ночи вдругъ распустились въ лѣсу большіе бѣлые цвѣты, ихъ рубцы открыты, они дышатъ. И мохнатыя сумеречницы опускаются на ихъ листья и приводятъ въ трепетъ все растеніе. Я перехожу отъ одного цвѣтка къ другому, они опьянены, это опьяненные цвѣты, и я вижу, какъ они опьяняются.

Легкій шумъ шаговъ, чье-то дыханіе, веселый привѣтъ. Я отвѣчаю, бросаюсь на земь, на дорогу, и обнимаю колѣни и бѣдное платье.

— Добрый вечеръ, Эдварда!—говорю я еще разъ, обезсилѣвъ отъ счастья.

— Какъ ты меня любишь!—шепчетъ она.

— Какъ я долженъ быть благодаренъ тебѣ! — отвѣчаю я.—Ты моя, и мое сердце весь день лежитъ спокойно во мнѣ и думаетъ о тебѣ. Ты прекраснѣйшая дѣвушка въ этомъ мірѣ, и я цѣловалъ тебя. Часто я краснѣю отъ радости при одномъ воспоминаніи, что я цѣловалъ тебя.

— Почему я такъ дорога тебѣ именно сегодня вечеромъ? — спрашиваетъ она,

Тому много было причинъ, стоило мнѣ только подумать о ней, чтобы это случилось. Этотъ взглядъ изъ-подъ высоко изогнутыхъ на лбу бровей, и эта смуглая, милая кожа!

— А развѣ ты не должна быть дорога мнѣ! — говорю я.—Я иду и благодарю каждое дерево за то, что ты бодра и здорова. Разъ на одномъ балу была молодая дама, которая сидѣла танецъ за танцемъ, и никто ее не приглашалъ. Я не зналъ ея, но ея лицо произвело на меня впечатлѣніе, и я поклонился ей. Итакъ? Нѣтъ, она покачала головой. Барышня не танцуетъ? — спросилъ я. Представьте себѣ,—

отвѣчала она,—мой отецъ былъ такой стройный, а мать была воплощенная красота, и отецъ сразу побѣдилъ мою мать. А я вотъ теперь — хромая.

Эдварда посмотрѣла на меня.

— Сядемъ, — сказала она.

Мы сѣли на верескъ.

— Знаешь, что моя подруга говоритъ о тебѣ? — начала она.—У тебя звѣриный взглядъ, говоритъ она, и когда ты на нее смотришь, она совсѣмъ теряетъ разсудокъ. Такое ощущеніе, какъ будто ты прикасаешься къ ней, говоритъ она.

Какая-то особенная радость промелькнула во мнѣ, когда я это услыхалъ, не за себя, а за Эдварду, и я подумалъ: до одной мнѣ только дѣло, что говоритъ эта одна о моемъ взглядѣ? Я спросилъ:

— Что это за подруга?

— Не скажу,—отвѣчала она: — это одна изъ тѣхъ, что были съ нами на мѣстѣ сушки.

И мы заговорили о другомъ.

— Та-акъ,—сказалъ я.

— Мой отецъ на дняхъ уѣзжаетъ въ Россію, — сказала она:—и тогда я устрою праздникъ. Ты былъ на Корхольмахъ? У насъ будутъ двѣ корзинки вина, съ нами отправятся опять дамы съ церковнаго двора, отецъ уже далъ мнѣ вино. Неправда-ли, ты не будешь больше такъ смотрѣть на мою подругу? Нѣтъ, будешь? Такъ я не приглашу ее съ собой.

И не сказавъ больше ни слова, она стремительно бросилась мнѣ на шею и стала смотрѣть на меня, впилась мнѣ въ лицо и слышно было, какъ она дышала. Ея взглядъ сталъ совершенно чернымъ.

Я вдругъ всталъ и въ своемъ смущеніи сказалъ только:

— Та-акъ, твой отецъ уѣзжаетъ въ Россію!

— Почему ты такъ поспѣшно всталъ? — спросила она.

— Вѣдь ужъ такъ поздно, Эдварда,—сказалъ я.—Вотъ и бѣлые цвѣты закрываются, всходитъ солнце, наступаетъ день.

Я проводилъ ее черезъ лѣсъ и тамъ остановился, чтобы смотрѣть ей въ слѣдъ, пока было возможно; далеко внизу она обернулась и сдавленнымъ голосомъ крикнула:—покойной ночи. И вотъ она исчезла. Въ то же самое мгновеніе раскрылась дверь въ избѣ кузнеца, оттуда вышелъ человѣкъ въ сорочкѣ съ бѣлой грудью, оглядѣлся кругомъ, надвинулъ хорошенько шляпу на лобъ и направился внизъ къ Сирилунду.

Въ моихъ ушахъ еще звучали прощальныя слова Эдварды.

XIV.

Радость опьяняетъ. Я разряжаю ружье, и незабвенное эхо отвѣчаетъ отъ одной горы къ другой, несется надъ моремъ и раздается въ ушахъ недремлющаго рулевого. Чему я радъ? Мысли, что пришла мнѣ въ голову; воспоминанію, звуку въ лѣсу, какому-нибудь человѣку. Я думаю о ней, я закрываю глаза, и тихо стою на дорогѣ, и думаю о ней, считаю минуты.

Вотъ мнѣ захотѣлось пить, и я пью изъ ручья, вотъ я отсчитываю сто шаговъ впередъ и сто шаговъ назадъ; теперь уже поздно, думаю я.

Случилось что-нибудь? Прошелъ мѣсяцъ, а мѣсяцъ совсѣмъ немного времени; ничего не случилось! Богъ знаетъ, какой это короткій былъ мѣсяцъ. Но ночи иной разъ тянулись долго, и я выдумалъ окунать въ ручей свою фуражку и давать ей сохнуть, только чтобы скоротать время ожиданія.

Я считалъ время по ночамъ. Иногда наступала ночь, и Эдварды не было, разъ ея не было двѣ ночи подрядъ. Двѣ ночи! Ничего не случилось, но мнѣ казалось тогда, что мое счастье, должно быть, достигло своей высшей точки.

И развѣ это было не такъ?

— Слышишь, Эдварда, какъ неспокойно въ лѣсу сегодня

ночью? Что-то шевелится, не переставая, въ земляныхъ кучахъ, и большіе листья дрожатъ. Что-нибудь, можетъ, готовится; но я не то хотѣлъ сказать. Я слышу, какъ поетъ птичка тамъ выше въ горахъ, это простая синица; но она вотъ ужъ двѣ ночи сидитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и приманиваетъ. Слышишь однообразный, однообразный звукъ?

— Да, я слышу. Почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Такъ. Она тамъ сидитъ ужъ двѣ ночи. Я только это и хотѣлъ сказать... Благодарю, благодарю тебя, что ты пришла сегодня вечеромъ, моя милая! Я сидѣлъ здѣсь и ждалъ тебя сегодня или завтра вечеромъ, я этому и радовался, когда ты пришла.

— И я тоже ждала. Я думаю о тебѣ, я собрала и спрятала осколки стакана, который ты какъ-то опрокинулъ и разбилъ; ты помнишь? Отецъ уѣхалъ сегодня въ ночь, мнѣ было извинительно не прійти, мнѣ столько нужно было уложить и о столькомъ напомнить ему. Я знала, что ты ходилъ и ждалъ здѣсь въ лѣсу, и я плакала и укладывала.

Но вѣдь прошло двѣ ночи, подумалъ я, что она дѣлала первую ночь? И почему теперь въ ея глазахъ не столько радости, какъ прежде?

Прошелъ часъ. Синица умолкла въ горахъ, лѣсъ лежалъ мертвымъ. Нѣтъ, нѣтъ, ничего не случилось; все было, какъ прежде; она подала мнѣ руку на прощанье и посмотрѣла на меня съ любовью.

— Завтра? — сказалъ я.

— Нѣтъ, не завтра, — отвѣчала она.

Я не спросилъ, почему.

— Завтра вѣдь будетъ нашъ праздникъ, — сказала она, смѣясь.—Я хотѣла только тебя поразить, но твое лицо приняло такое печальное выраженіе, что я должна была тебѣ сказать. Я хотѣла было пригласить тебя письменно.

И несказанно легко стало у меня на сердцѣ.

Она ушла, кивая на прощанье.

— Еще одинъ вопросъ, — сказалъ я, не двигаясь съ мѣста. — Сколько тому времени, какъ ты собрала осколки стакана и спрятала ихъ?

— Сколько тому времени?

— Ну да, можетъ, уже недѣля, двѣ недѣли?

— Да, можетъ, и двѣ недѣли. Но почему ты объ этомъ спрашиваешь? Нѣтъ, я скажу тебѣ правду, я сдѣлала это вчера.

Она сдѣлала это вчера, не дальше какъ вчера она думала обо мнѣ! Ну, теперь все хорошо.

XV.

Двѣ лодки были готовы къ отплытію, и мы въ нихъ вошли, мы пѣли и разговаривали. Корхольмы лежали за островами, довольно таки долго пришлось туда плыть, и въ это время мы разговаривали другъ съ другомъ, съ одной лодки на другую. Докторъ нарядился въ свѣтлое, такъ же какъ и дамы; я никогда раньше не видалъ его такимъ довольнымъ, онъ болталъ, онъ уже не былъ молчаливымъ слушателемъ. У меня получилось впечатлѣніе, что онъ какъ будто немножко выпилъ и былъ на-веселѣ. Когда мы стали высаживаться, онъ завладѣлъ на одно мгновеніе вниманіемъ общества и просилъ насъ пожаловать. Я подумалъ: ишь ты, Эдварда выбрала его хозяиномъ.

Въ высшей степени любезно онъ поддерживалъ разговоръ съ дамами. По отношенію къ Эдвардѣ онъ былъ вѣжливъ и дружелюбенъ, часто отечески заботливъ и, какъ уже это было много разъ, педантически поучителенъ. Она заговорила о какой-то датѣ, она сказала, между прочимъ:—Я родилась въ тридцать восьмомъ,—и онъ спросилъ:—Тысяча восемьсотъ тридцать восьмомъ, вы хотите сказать?—Когда я что-нибудь начиналъ говорить, онъ вѣжливо и внимательно слушалъ и не смотрѣлъ на меня свысока.

Молодая дѣвушка подошла ко мнѣ и поздоровалась. Я не узналъ ея, я не могъ ее вспомнить и высказалъ свое удивленіе въ такихъ выраженіяхъ, что она разсмѣялась. Это была одна изъ дочерей пробста. Она была вмѣстѣ съ нами на мѣстѣ сушки, и я пригласилъ ее къ себѣ въ хижину. Мы немного поговорили.

Проходитъ часъ, два. Я скучаю, пью вино, которымъ меня угощаютъ, ко всѣмъ подхожу, со всѣми болтаю. Я снова дѣлаю нѣсколько промаховъ, теряю почву подъ ногами и въ нужное мгновеніе не знаю, какъ мнѣ отвѣчать на любезность; иногда я начинаю говорить безсвязно или даже молчу, и терзаюсь этимъ. Тамъ, у большого камня, который служитъ намъ столомъ, сидитъ докторъ и жестикулируетъ.

— Душа! Что такое собственно душа?—говорилъ онъ. Дочь пробста обвиняла его въ вольнодумствѣ; такъ, стало быть, нельзя думать свободно? Адъ представляли себѣ чѣмъ-то въ родѣ помѣщенья подъ землей и дьявола чѣмъ-то вродѣ столоначальника,—нѣтъ, онъ былъ величествомъ. Ему хотѣлось бы поговорить о заалтарномъ изображеніи филіальной церкви: фигура Христа, нѣсколько іудеевъ и іудеянокъ, превращеніе воды въ вино; хорошо. Но у Христа сіяніе вокругъ головы. Что такое это сіяніе? Желтый обручъ, который поддерживаютъ три волоса.

Двѣ дамы въ ужасѣ всплеснули руками. Но докторъ вывернулся и сказалъ, шутя:

— Не правда ли, это звучитъ ужасно? Согласенъ. Но если повторить себѣ это, повторить семь или восемь разъ и подумать немножко, то это уже не будетъ звучать такъ страшно... Осмѣлюсь просить о чести выпить съ дамами!

И онъ всталъ на колѣни передъ двумя дамами прямо на траву, снялъ шляпу, но не вытянулъ ее передъ собой, а держалъ высоко въ воздухѣ лѣвой рукой и осушилъ стаканъ, опрокинувъ голову назадъ.

Я самъ одушевился его непоколебимой увѣренностью и

выпилъ бы съ нимъ, если бы онъ уже не осушилъ своего стакана.

Эдварда не сводила съ него глазъ. Я приблизился къ ней и сказалъ:

— Мы будемъ играть въ женихи и невѣсты сегодня?

Она немного вздрогнула и встала.

— Помни, что мы не говоримъ теперь другъ другу ты,— прошептала она.

Я вовсе и не думалъ говорить ты. Я удалился назадъ.

Снова проходитъ часъ, день тянется, я давнымъ давно бы уѣхалъ домой одинъ, если бы только у меня была третья лодка; Эзопъ лежалъ привязанный въ хижинѣ; можетъ, онъ думалъ обо мнѣ. Мысли Эдварды, несомнѣнно, блуждали далеко отъ меня, она говорила о счастьѣ уѣхать прочь, въ другія мѣста; щеки у ней разгорѣлись при этомъ, и она стала даже дѣлать ошибки:

— Никто не былъ бы болѣе счастливѣе меня, въ тотъ день...

— Болѣе счастливѣе,—говоритъ докторъ.

— Что?—спрашиваетъ она.

— Болѣе счастливѣе.

— Я не понимаю.

— Вы сказали болѣе счастливѣе, вотъ и все.

— Развѣ я такъ сказала? Извините. Никого не было бы счастливѣе меня въ тотъ день, когда я очутилась бы на палубѣ корабля. Временами меня тянетъ, сама не знаю куда.

Ее тянуло отсюда, она болѣе не помнила обо мнѣ. Я по ея лицу видѣлъ, что она забыла обо мнѣ. Ну что же объ этомъ говорить? Но вѣдь я самъ это видѣлъ по ея лицу. И минуты печально тянулись. Я многихъ спрашивалъ, не пора ли намъ плыть домой; уже поздно, говорилъ я, а Эзопъ лежалъ привязанный въ хижинѣ. Но никому не хотѣлось домой

Я въ третій разъ подошелъ къ дочери пробста, я подумалъ: это она говорила о моемъ звѣриномъ взглядѣ. Мы чокнулись, у ней были бѣгающіе глаза, они никогда не были спокойны, она смотрѣла все время на меня.

— Скажите, мнѣ,—говорилъ я:—вамъ не кажется, фрёкенъ, что люди въ этихъ странахъ сами походятъ на короткое лѣто? Они также мимолетны и очаровательны, какъ оно?

Я говорилъ громко, очень громко, и дѣлалъ это нарочно. Я продолжалъ говорить громко и еще разъ предложилъ барышнѣ побывать у меня и посмотрѣть мою хижину.—Богъ васъ наградитъ за то,—сказалъ я, чувствуя себя совсѣмъ несчастнымъ, и уже думалъ, что мнѣ нужно будетъ что-нибудь подарить ей въ случаѣ, если она придетъ; вѣроятно, у меня не найдется ничего, кромѣ моей роговой пороховницы, думалъ я.

И барышня обѣщала прійти.

Эдварда сидѣла отвернувшись и предоставляла мнѣ говорить, сколько мнѣ было угодно. Однако, она прислушивалась ко всему, что говорилось, и время отъ времени вставляла свое слово. Докторъ гадалъ молодымъ дамамъ по рукамъ и далъ свободу своему языку; у него у самого были изящныя, маленькія руки съ кольцомъ на одномъ изъ пальцевъ. Я чувствовалъ себя лишнимъ и сидѣлъ нѣкоторое время въ сторонѣ на камнѣ. Наступилъ уже поздній вечеръ. Сижу я здѣсь теперь одинъ одинешенекъ на камнѣ, говорилъ я самъ себѣ, и единственный человѣкъ, который могъ бы меня отсюда извлечь, оставляетъ меня преспокойно сидѣть. Впрочемъ, и это даже для меня безразлично.

Чувство страшнаго одиночества овладѣло мной. Разговоръ за моей спиной долеталъ до моихъ ушей, и я слышалъ, что Эдварда засмѣялась; при этомъ смѣхѣ, я вдругъ всталъ и подошелъ къ обществу. Мое возбужденіе не покидало меня.

— Только на минутку,—сказалъ я.—Мнѣ пришло въ голову, когда я сидѣлъ тамъ въ сторонѣ, что, можетъ

вамъ хочется посмотрѣть на мою книгу съ мухами.—И я вынулъ книгу.—Простите, что я не вспомнилъ объ этомъ раньше. Пожалуйста, просмотрите ее, вы доставите мнѣ удовольствіе, вы все посмотрите, тутъ есть и красныя, и желтыя мухи.—И я держалъ въ рукахъ фуражку, говоря это. Я самъ замѣтилъ, что снялъ фуражку, и что это было глупо, а потому я тотчасъ же надѣлъ ее опять.

На нѣсколько мгновеній воцарилось глубокое молчаніе, и никто не потянулся за книжкой. Наконецъ, докторъ протянулъ за ней руку и вѣжливо замѣтилъ:

— Да-а, благодарю, позвольте намъ посмотрѣть вещицы. Для меня всегда было загадкой, какъ это составляются такія мухи.

— Я самъ ихъ дѣлаю,—говорилъ я, переполненный благодарностью къ нему, и въ то же время принялся объяснять, какъ я ихъ дѣлалъ. Это такъ просто, я покупалъ перьевъ и крючковъ; выходило не особенно хорошо, но вѣдь это только для собственнаго употребленія. Можно было получать готовыхъ мухъ, и тѣ были очень красивы.

Эдварда окинула равнодушнымъ взоромъ меня и книжку и продолжала разговаривать съ подругами.

— Тутъ же и матеріалы,—сказалъ докторъ. Посмотрите-ка, какія красивыя перья.

Эдварда взглянула.

— Зеленыя — красивы, — сказала она: дайте-ка посмотрѣть, докторъ

— Возьмите ихъ,—воскликнулъ я.—Да, возьмите, я прошу васъ о томъ сегодня. Тутъ два зеленыхъ птичьихъ пера. Доставьте мнѣ такое удовольствіе, это на память.

Она посмотрѣла на нихъ и сказала:

— Они кажутся зелеными или желтыми, смотря по тому, какъ ихъ держать на солнцѣ. Хорошо, благодарю, если вамъ такъ хочется мнѣ ихъ отдать.

— Да, мнѣ хочется вамъ ихъ отдать,—сказалъ я.

Она воткнула себѣ перья.

Немного спустя докторъ протянулъ мнѣ книгу обратно и поблагодарилъ. Онъ всталъ и спросилъ, не пора ли уже намъ подумывать о возвращеніи домой.

Я сказалъ:

— Конечно, ради Бога. У меня дома лежитъ собака; подумайте, у меня одна собака, она мой другъ; она лежитъ и думаетъ обо мнѣ; когда я приду, она встанетъ передними лапами на окно и встрѣтитъ меня. День былъ такой великолѣпный, онъ скоро кончится; поѣдемте домой. Благодарю васъ всѣхъ.

Я поджидалъ въ отдаленіи, чтобы видѣть, какую лодку выберетъ Эдварда, и я рѣшилъ сѣсть въ другую. Вдругъ она позвала меня. Я въ удивленіи посмотрѣлъ на нее, ея лицо было залито яркимъ румянцемъ. И вотъ она подошла ко мнѣ, протянула мнѣ руку и нѣжно сказала:

— Благодарю за перья... Послушайте, мы сядемъ вѣдь въ одну лодку?

— Если вы этого хотите, — отвѣчалъ я.

Мы усѣлись въ лодку, она заняла мѣсто рядомъ со мной, на моей скамьѣ, и касалась меня своимъ колѣномъ. Я посмотрѣлъ на нее, и она посмотрѣла на меня въ отвѣтъ одно мгновеніе. Мнѣ было пріятно прикосновеніе ея колѣна, я начиналъ уже чувствовать себя вознагражденнымъ за этотъ несчастный день, и прежняя веселость возвращалась ко мнѣ, какъ вдругъ она перемѣнила положеніе, повернулась ко мнѣ спиной и начала разговаривать съ докторомъ, сидѣвшимъ у руля. Цѣлыя четверть часа я не существовалъ для нея. Тогда я сдѣлалъ нѣчто, въ чемъ я раскаиваюсь и о чемъ я до сихъ поръ еще не забылъ. У ней упалъ съ ноги башмакъ, я схватилъ его и бросилъ далеко отъ себя въ воду отъ радости ли, что она была такъ близко, или желая дать о себѣ знать и напомнить ей о своемъ присутствіи, — самъ не знаю. Все это произошло такъ быстро, я

и не успѣлъ подумать, я слѣдовалъ только первому побужденію. Дамы подняли крикъ.

Я самъ чувствовалъ себя словно раздавленнымъ тѣмъ, что я сдѣлалъ; но какая была польза въ томъ? Что сдѣлано, то сдѣлано. Докторъ пришелъ мнѣ на помощь, онъ крикнулъ:—Греби къ нему! —и сталъ править на башмакъ; въ ближайшее мгновеніе гребецъ уже схватилъ его какъ разъ въ то время, когда онъ скрылся подъ водяной поверхностью; парень замочилъ рукавъ выше локтя. И вотъ громогласное ура раздалось съ обѣихъ лодокъ по случаю спасенія башмака.

Я былъ глубоко пристыженъ и чувствовалъ, что лицо у меня измѣнилось въ цвѣтѣ и исказилось, въ то время, какъ я вытиралъ башмакъ своимъ носовымъ платкомъ. Эдварда молча протянула за нимъ руку. Спустя лишь нѣкоторое время она сказала:

— Никогда ничего подобнаго не видала.

— Да, правда?—сказалъ я въ свою очередь. Я улыбнулся и выпрямился, дѣлалъ видъ, что эту штуку я выкинулъ по той или другой причинѣ, что подъ этимъ что-то кроется. Но что подъ этимъ могло крыться? Докторъ въ первый разъ посмотрѣлъ на меня презрительно.

Прошло нѣкоторое время, лодки плыли домой, непріятное настроеніе общества исчезло, мы пѣли, мы приближались къ пристани. Эдварда сказала:

— Послушайте-ка, мы не все вино выпили, много еще осталось. Мы устроимъ еще праздникъ, новый праздникъ, въ скоромъ времени, будемъ танцовать, у насъ будетъ балъ въ нашемъ залѣ.

Когда мы выходили на берегъ, я извинился передъ Эдвардой.

— Какъ мнѣ хочется назадъ къ себѣ въ хижину, — сказалъ я.—Какой мучительный былъ это день.

— Это былъ мучительный для васъ день, г-нъ лейтенантъ?

— Я полагаю,—сказалъ я и отвернулся въ сторону:—я полагаю, что я испортилъ день и себѣ, и другимъ. Я бросилъ въ воду вашъ башмакъ.

— Да, это была замѣчательная выдумка.

— Простите!—сказалъ я.

XVI.

Хуже, кажется, и быть не могло. Я рѣшилъ оставаться спокойнымъ, что бы ни произошло, Богъ въ томъ свидѣтель. Развѣ я первый навязался на знакомство съ ней? Нѣтъ, нѣтъ, никогда; я стоялъ только у ней на дорогѣ въ одинъ прекрасный день, когда она проходила мимо. Что за лѣто здѣсь на сѣверѣ! Майскіе жуки уже пропали, и люди становились для меня все болѣе и болѣе непонятными, хотя солнце освѣщало ихъ день и ночь. На что такое смотрѣли ихъ голубые глаза, и что за мысли таились за ихъ странными лбами? Впрочемъ мнѣ не было никакого дѣла до всѣхъ ихъ. Я бралъ свои лески и ловилъ рыбу два дня, четыре дня; но по ночамъ я лежалъ въ хижинѣ, не смыкая глазъ...

— Четыре дня я не видалъ васъ, Эдварда?

— Четыре дня, вѣрно. Знаете, я была очень занята. Подите посмотрите.

Она повела меня въ залу. Столы оттуда были вынесены, стулья разставлены по стѣнамъ, все было перемѣщено; люстра, печь и стѣны были фантастически задрапированы верескомъ и черной матеріей изъ лавки. Рояль стояла въ углу.

Такъ она готовилась къ „балу".

— Какъ вы это находите?—спросила она.

— Чудесно,—отвѣчалъ я. Мы вышли изъ комнаты.

Я сказалъ:

— Но послушайте Эдварда, вы совсѣмъ забыли меня?

— Я васъ не понимаю,—отвѣчала она удивленно.—Развѣ вы не видите, сколько мнѣ было дѣла? Такъ возможно ли мнѣ было прійти къ вамъ?

— Да,—отвѣчалъ я въ свою очередь:—можетъ, вамъ въ такомъ случаѣ и нельзя было ко мнѣ прійти.—Я не выспался и былъ измученъ, говорилъ бызсмысленно и безсвязно, я чувствовалъ себя несчастнымъ весь день.—Да, конечно, вамъ въ такомъ случаѣ нельзя было ко мнѣ прійти. Вотъ что я хотѣлъ сказать: однимъ словомъ, произошла какая-то перемѣна, что-то случилось. Да. Но я не могу прочесть на вашемъ лицѣ, что это такое. Какой у васъ странный лобъ, Эдварда! Я сейчасъ только замѣтилъ.

— Но я не забыла васъ!—воскликнула она, краснѣя, и вдругъ взяла меня подъ руку.

— Да, да, можетъ, вы и не забыли меня. Но въ такомъ случаѣ не знаю, что такое я говорю. Одно изъ двухъ.

— Завтра вы получите приглашеніе. Вы должны со мной танцовать. Какъ мы потанцуемъ!

— Вы проводите меня немножко?—спросилъ я.

— Сейчасъ? Нѣтъ, не могу,—отвѣчала она.—Скоро придетъ докторъ, онъ поможетъ мнѣ кой въ чемъ, осталось еще немного докончить. Да, вы находите, что комната такъ сойдетъ? Но не думаете вы...

Передъ домомъ остановился экипажъ.

— Докторъ нынче пріѣхалъ?—спрашиваю я.

— Да, я послала за нимъ лошадь, я хотѣла...

— Пощадить его больную ногу, да. Нѣтъ, позвольте мнѣ удалиться... Здравствуйте, здравствуйте, докторъ. Радъ васъ опять видѣть. Какъ всегда, здоровы и бодры? надѣюсь, вы извините, что я исчезаю.

На улицѣ, у крыльца, я разъ обернулся, Эдварда стояла въ окнѣ и смотрѣла мнѣ въ слѣдъ; чтобы видѣть, она раздвинула обѣими руками гардины, выраженіе ея лица было

задумчиво. Смѣшная радость стремительно овладѣваетъ мной, я поспѣшно удаляюсь отъ дому, не чуя подъ собой ногъ и видя все какъ въ туманѣ; ружье въ моей рукѣ казалось легкимъ, какъ тросточка. Если бы я ею обладалъ, я сталъ бы хорошимъ человѣкомъ, думалъ я. Я достигъ лѣса и продолжалъ думать: Если бы я ею обладалъ, я служилъ бы ей неустаннѣе, чѣмъ кто-либо другой, и если бы она даже оказалась недостойной меня, если бы она вздумала требовать отъ меня невозможнаго, я все бы сдѣлалъ, что могъ, да, больше чѣмъ могъ, и радовался бы на то, что она моя... Я остановился, сталъ на колѣни и, въ порывѣ смиренія и надежды, сталъ лизать какія-то травки на краю дороги, потомъ я снова всталъ.

Я чувствовалъ себя наконецъ почти увѣреннымъ.

Ея измѣнившееся за послѣднее время поведеніе было просто ея особенная манера; она стояла и смотрѣла мнѣ въ слѣдъ, когда я уходилъ, стояла въ окнѣ и провожала меня глазами, пока я не исчезъ, что же еще больше она могла сдѣлать? Мое восторженное настроеніе совершенно смутило меня, я былъ голоденъ, и я уже этого не ощущалъ.

Эзопъ побѣжалъ впередъ, мгновеніе спустя онъ началъ лаять. Я взглянулъ, женщина съ бѣлымъ платкомъ на головѣ стояла возлѣ угла хижины; то была Ева, дочь кузнеца.

— Здравствуй, Ева!—воскликнулъ я.

Она стояла у высокаго сѣраго камня, съ румянцемъ на всемъ лицѣ, и сосала свой палецъ.

— Это ты, Ева? Что тебѣ нужно?—спросилъ я.

— Эзопъ меня укусилъ,—отвѣчала она и застѣнчиво потупила глаза.

Я посмотрѣлъ на ея палецъ. Она сама себя укусила. Догадка мелькаетъ у меня въ головѣ, и я спрашиваю:

— Ты долго стояла здѣсь и ждала?

— Нѣтъ, недолго,—отвѣчала она.

И прежде чѣмъ кто-нибудь изъ насъ сказалъ еще слово, я взялъ ее за руку и провелъ въ хижину.

XVII.

Я пришелъ, какъ всегда, съ рыбной ловли и явился на „балъ“ съ ружьемъ и охотничьей сумкой, я только надѣлъ свою лучшую кожаную куртку. Было уже поздно, когда я подходилъ къ Сирилунду; я слышалъ, что въ домѣ танцовали; немного спустя раздались возгласы: Охотникъ пришелъ, лейтенантъ. Нѣсколько молодыхъ людей окружило меня, прося показать мою добычу; я застрѣлилъ пару морскихъ птицъ и поймалъ нѣсколько вохнъ. Эдварда встрѣтила меня съ привѣтливой улыбкой, она натанцовалась, лицо у ней раскраснѣлось.

— Первый танецъ со мной!—сказала она.

И мы стали танцовать. Все обошлось благополучно, у меня закружилась голова, но я не упалъ. Мои большіе сапоги производили шумъ, я самъ слышалъ этотъ шумъ и рѣшилъ не танцовать больше, я даже поцарапалъ крашеный полъ. Какъ я радовался, что не надѣлалъ еще чего-нибудь хуже!

Приказчики г-на Мака были на-лицо и танцовали основательно и серьезно; докторъ принималъ горячее участіе въ тяжелыхъ танцахъ. Кромѣ этихъ мужчинъ, было тамъ еще четверо совершенно молодыхъ людей, сыновья первыхъ лицъ при главной церкви, пробста и окружного врача. Съ ними пришелъ также незнакомый торговый агентъ, онъ выдѣлялся своимъ красивымъ голосомъ и напѣвалъ въ тактъ съ музыкой; временами онъ смѣнялъ дамъ у рояли.

Я уже не помню, какъ прошли первые часы, но я помню

почти все изъ послѣдней части. Багряное солнце свѣтило все время въ окна, и морскія птицы спали. Насъ угощали виномъ и пирожками, мы громко говорили и пѣли, смѣхъ Эдварды весело и беззаботно раздавался по комнатамъ. Но почему она ни слова больше не говорила со мной? Я приблизился къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла, и хотѣлъ было сказать ей какую-нибудь любезность, какую я только могъ; на ней было черное платье; это, можетъ, было ея платье, сшитое для конфирмаціи, и оно стало слишкомъ коротко для нея, но оно шло къ ней, когда она танцовала, и мнѣ хотѣлось сказать ей это.

— Какъ это черное платье...—началъ я.

Но она встала, взяла за талію одну изъ своихъ подругъ и ушла съ ней. Это повторялось дважды. Прекрасно, думалъ я, что же съ этимъ подѣлаешь? Но почему стоитъ она тогда у окна и грустно смотритъ мнѣ вслѣдъ, когда я ее покидаю? Ну, довольно объ этомъ!

Какая-то дама пригласила меня танцовать. Эдварда сидѣла по близости, и я громко отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я сейчасъ уйду.

Эдварда бросила вопросительный взглядъ на меня и сказала:

— Уйдете? Ахъ, нѣтъ, вы не уйдете.

Я остолбенѣлъ и чувствовалъ, какъ закусилъ губы. Я всталъ.

— Мнѣ кажется, Эдварда, что вы сказали это не спроста,—замѣтилъ я мрачно и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери.

Докторъ сталъ мнѣ на дорогѣ, и поспѣшно подошла сама Эдварда.

— Вы меня не поняли,—сказала она горячо.—Я хотѣла сказать, что вы уйдете, надѣюсь, послѣднимъ, самымъ послѣднимъ. Да, кромѣ того, всего только часъ... Послушайте,—прибавила она, и глаза у ней заблестѣли:—вы дали нашему

гребцу пять талеровъ за то, что онъ спасъ отъ потопленія мой башмакъ. Это слишкомъ высокая цѣна.—И она сердечно засмѣялась и повернулась кругомъ, обращаясь ко всѣмъ.

Я стоялъ съ открытымъ ртомъ, обезоруженный и сбитый съ толку.

— Вамъ угодно шутить,—сказалъ я.—Я вовсе не давалъ вашему гребцу никакихъ пяти талеровъ.

— Вотъ какъ, вы не давали?— Она открыла дверь въ кухню и позвала парня.—Ты помнишь нашу поѣздку на Корхольмы, Яковъ? Ты вѣдь спасъ мой башмакъ, упавшій въ воду?

— Да,—отвѣчалъ Яковъ.

— Ты получилъ пять талеровъ за то, что ты спасъ башмакъ?

— Да, вы мнѣ дали...

— Хорошо. Можешь уходить.

Чего она хочетъ достигнуть этой выходкой? подумалъ я. Хочетъ она меня пристыдить? Это ей не удастся, она не заставитъ меня покраснѣть. Я сказалъ громко и ясно:

— Я долженъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что это или недоразумѣніе, или ложь. Мнѣ никогда не приходило въ голову давать гребцу за вашъ башмакъ пять талеровъ; можетъ, я долженъ былъ сдѣлать это, но до сихъ поръ этого не случилось.

— А теперь будемъ продолжать танцы, — сказала она, наморщивъ лобъ.—Почему мы не танцуемъ?

Она должна дать мнѣ объясненіе относительно этого, сказалъ я самъ себѣ, и я ушелъ и сталъ искать случая завязать съ ней разговоръ. Она ушла въ сосѣднюю комнату, и я послѣдовалъ за ней.

— Ваше здоровье!—сказалъ я и хотѣлъ съ ней чокнуться.

— У меня ничего нѣтъ въ стаканѣ,—коротко отвѣчала она.

А между тѣмъ ея стаканъ стоялъ нетронутымъ передъ ней.

— Я полагалъ, что вотъ этотъ стаканъ вашъ?

— Нѣтъ, это не мой,—сказала она и съ занятымъ видомъ повернулась къ своему сосѣду.

— Въ такомъ случаѣ извините,—сказалъ я.

Тутъ было много гостей, которые обратили вниманіе на эту выходку.

Сердце во мнѣ заклокотало; я сказалъ, задѣтый за живое:

— Но вы все таки обязаны дать мнѣ объясненіе...

Она встала, взяла меня за обѣ руки и сказала умоляющимъ голосомъ:

— Но не сегодня, не теперь. Мнѣ такъ грустно. Боже, какъ вы на меня смотрите! А вѣдь когда-то мы были друзьями...

Окончательно сраженный, я сдѣлалъ направо кругомъ и снова вошелъ къ танцующимъ.

Немного спустя, вошла также и Эдварда, она помѣстилась у рояли, за которой сидѣлъ торговый агентъ и игралъ какой-то танецъ, на ея лицѣ въ это мгновеніе выражалась затаенная печаль.

— Я никогда не училась играть,—говоритъ она и смотритъ на меня потемнѣвшимъ взоромъ.—Ахъ, если бы я умѣла.

На это я ничего не могъ отвѣтить. Но мое сердце снова летѣло къ ней, и я спросилъ:

— Почему это вдругъ вы стали такъ печальны, Эдварда? Если бъ вы знали, какъ я страдаю отъ этого.

— Не знаю, почему,—отвѣчала та.—Быть можетъ, отъ всего, вмѣстѣ взятаго. Ахъ, если бы эти люди сейчасъ же всѣ ушли, всѣ одинъ за другимъ. Нѣтъ, не вы; помните, вы должны быть послѣднимъ.

И снова я ожилъ при этихъ словахъ, и мои глаза замѣ-

тили свѣтъ въ наполненной солнцемъ комнатѣ. Дочь пробста подошла ко мнѣ и стала со мной разговаривать, мнѣ хотѣлось, чтобъ она была далеко, далеко отъ меня, и я отвѣчалъ ей односложно. Я нарочно не смотрѣлъ на нее, такъ какъ это она говорила о моемъ звѣриномъ взглядѣ. Она обратилась къ Эдвардѣ и стала ей разсказывать, какъ однажды за границей—думаю, это было въ Ригѣ,—ее преслѣдовалъ на улицѣ какой-то господинъ.

— Онъ шелъ сзади меня изъ одной улицы въ другую и улыбался мнѣ,—говорила она.

— Былъ онъ слѣпъ, что ли?—воскликнулъ я, чтобы доставить удовольствіе Эдвардѣ. Въ то же время я пожалъ плечами.

Молодая дама сразу поняла мои грубыя слова и отвѣчала:

— Да, конечно, это должно было быть такъ, разъ онъ вздумалъ преслѣдовать такую старую и отвратительную особу, какъ я.

Но я не добился отъ Эдварды благодарности, она увлекла подругу съ собой, онѣ шептались и качали головой. Съ этого мгновенія я былъ совершенно предоставленъ самому себѣ.

Проходитъ еще часъ, морскія птицы начинаютъ просыпаться тамъ, на шхерахъ; ихъ крикъ доносится къ намъ черезъ открытыя окна. Порывъ радости пронесся во мнѣ, когда я услыхалъ эти первые птичьи крики, и меня потянуло вонъ, къ шхерамъ...

Докторъ снова пришелъ въ хорошее настроеніе и обращалъ на себя всеобщее вниманіе; дамы все время вертѣлись около него. Это онъ что-ль мой соперникъ? подумалъ я, и подумалъ также объ его хромой ногѣ и о всей его жалкой фигурѣ. У него появилось новое остроумное проклятье, онъ говорилъ: „смерть, возьми!“ и всякій разъ, какъ онъ употреблялъ это странное проклятіе, я громко смѣялся. Среди моихъ терзаній мнѣ вздумалось оказывать этому человѣку

всевозможныя преимущества только потому, что онъ былъ моимъ соперникомъ. Докторъ постоянно былъ у меня на первомъ планѣ, я кричалъ: слушайте же, что говоритъ докторъ! и заставлялъ себя громко смѣяться его выраженіямъ.

— Я люблю этотъ міръ,—говорилъ докторъ:—я цѣпляюсь руками и ногами за жизнь. И когда я, наконецъ, умру, надѣюсь получить мѣсто въ вѣчности, какъ разъ надъ Лондономъ или Парижемъ, чтобы можно было все время, все время слышать шумъ людского канкана.

— Великолѣпно!—воскликнулъ я и закашлялся отъ смѣха, хотя я ни капельки не былъ пьянъ.

Эдварда также, казалось, пришла въ восторгъ.

Когда гости начали уходить, я забрался въ сосѣднюю маленькую комнату и сталъ ждать. До меня долетало съ лѣстницы одно за другимъ: „до свиданья"! Докторъ также простился и ушелъ. Немного спустя замерли всѣ голоса. Сердце у меня сильно билось въ ожиданьѣ.

Эдварда вернулась назадъ. Увидавъ меня, она остановилась, изумленная, на одно мгновеніе, затѣмъ сказала, смѣясь:

— Ахъ да, вы здѣсь! Съ вашей стороны было очень мило остаться до самаго конца. А я смертельно устала.

Она продолжала стоять.

Я сказалъ, вставая въ свою очередь:

— Да, теперь вамъ нужно отдохнуть. Надѣюсь, Эдварда, ваше дурное расположеніе духа прошло. Вы незадолго передъ тѣмъ были такъ печальны, и это мучило меня.

— Все пройдетъ, когда я посплю.

Мнѣ больше было нечего прибавить; я направился къ выходу.

— Да, благодарю за сегодняшній вечеръ,—сказала она и протянула руку. И когда она захотѣла проводить также и меня въ переднюю, я пытался отклонить это.

— Напрасно, — говорилъ я: — не безпокойтесь, я могу прекрасно одинъ...

Но она все-таки проводила меня. Она стояла въ передней и терпѣливо дожидалась, пока я найду свою фуражку, ружье и сумку. Въ углу стояла палка, я тотчасъ ее замѣтилъ, я всматриваюсь въ нее и узнаю, это была палка доктора. Когда она замѣчаетъ направленіе моего взгляда, она краснѣетъ въ смущеніи; по ея лицу можно было ясно видѣть, что она тутъ не причемъ и не знала о палкѣ. Проходитъ цѣлая минута. Наконецъ, бѣшеное нетерпѣніе овладѣваетъ ею, и она говоритъ, вся дрожа:

— Ваша палка. Не забудьте вашей палки.

И она подаетъ мнѣ, вижу, палку доктора.

Я посмотрѣлъ на нее, она все еще держала палку, рука у ней дрожала. Чтобы покончить съ этимъ, я взялъ палку и поставилъ ее обратно въ уголъ. Я сказалъ:

— Это палка доктора. Не могу себѣ представить, какъ это хромой человѣкъ могъ забыть свою палку

— Вы тутъ еще, съ вашимъ хромымъ человѣкомъ!— воскликнула она съ горечью и сдѣлала еще шагъ по направленію ко мнѣ.—Вы не хромаете, нѣтъ, но если бы вы въ довершеніе всего хромали, то вамъ бы за нимъ не угоняться, нѣтъ, ни за что бы вамъ за нимъ не угоняться. Вотъ что!

Я искалъ отвѣта; но все вылетѣло у меня изъ головы, я молчалъ. Съ глубокимъ поклономъ вышелъ я, пятясь, изъ дверей и съ крыльца. Я постоялъ здѣсь немного и напряженно смотрѣлъ прямо передъ собой, потомъ поплелся прочь.

Да-а, онъ забылъ палку, думалъ я, и вернется за ней этой дорогой. Онъ не позволитъ выйти *мнѣ* послѣднимъ изъ дому... Я тащился по дорогѣ совсѣмъ потихоньку, пытливо смотря передъ собой и оглядываясь; на опушкѣ лѣса я остановился. Наконецъ, послѣ получасового ожиданья, показался докторъ, который шелъ по направленію ко мнѣ; онъ замѣтилъ меня и пошелъ быстрѣе. Еще не успѣлъ онъ ничего сказать, какъ я уже снялъ фуражку, чтобы его испытать.

Онъ также снялъ свою шляпу. Я подошелъ прямо къ нему и сказалъ:

— Я не кланялся.

Онъ отступилъ шагъ назадъ и уставился на меня:

— Вы не кланялись?

— Нѣтъ,—сказалъ я.

Молчаніе.

— Да, впрочемъ, мнѣ совершенно безразлично, что вы тамъ сдѣлали,—отвѣчалъ онъ, блѣднѣя.—Я шелъ за своей палкой, которую забылъ.

На это я ничего не сказалъ; но я отомстилъ за себя иначе; словно онъ былъ собака, я вытянулъ передъ нимъ ружье и сказалъ:

— Гопля!

И я свистнулъ и поманилъ его перепрыгнуть.

Нѣкоторое время происходила въ немъ внутренняя борьба: его лицо принимало самыя необыкновенныя выраженія, въ то время, какъ губы у него были сжаты и глаза прикованы къ землѣ. Вдругъ онъ посмотрѣлъ на меня пронзительнымъ взглядомъ, полуусмѣшка прояснила его черты, и онъ сказалъ:

— Зачѣмъ собственно вы все это дѣлаете?

Я не отвѣчалъ; но его слова подѣйствовали на меня.

Онъ протянулъ мнѣ вдругъ руку и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Съ вами что-то неладно. Если вы скажете мнѣ, что такое съ вами, такъ, можетъ...

Стыдъ и отчаянье овладѣли мной, эти спокойныя слова заставили меня потерять равновѣсіе. Мнѣ захотѣлось сдѣлать ему что-нибудь пріятное, я взялъ его за талію и разразился:

— Простите, слышите вы! Нѣтъ, что же со мной можетъ быть неладнаго? Все обстоитъ благополучно, я не нуждаюсь въ вашей помощи. Вы ищете, можетъ быть, Эдварду? Вы найдете ее дома. Но торопитесь, иначе она ляжетъ спать,

прежде чѣмъ вы придете; она такъ устала, я самъ это видѣлъ. Я говорю вамъ самое интересное для васъ изъ того, что мнѣ теперь извѣстно; это правда, вы найдете ее дома, идите только!

И я повернулся и поспѣшилъ прочь отъ него, помчался крупными шагами черезъ лѣсъ, домой, къ хижинѣ.

Нѣкоторое время просидѣлъ я на своихъ нарахъ совершенно въ томъ же самомъ видѣ, какъ вошелъ, съ сумкой черезъ плечо и ружьемъ въ рукахъ. Странныя мысли возникали у меня въ головѣ. Зачѣмъ это, однако, я выдалъ себя передъ докторомъ! Мнѣ было досадно, что я держалъ его за талію и смотрѣлъ на него со слезами на глазахъ; онъ порадуется этому, думалъ я; быть можетъ, онъ сидитъ теперь и хихикаетъ по поводу этого вмѣстѣ съ Эдвардой. Онъ оставилъ свою палку въ передней. Неправда ли, если бы я въ довершеніе всего хромалъ, то я не могъ бы угоняться за докторомъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ бы за нимъ угоняться, это были ея собственныя слова...

Я становлюсь среди хижины, поднимаю у ружья курокъ, приставляю дуло къ подъему своей лѣвой ноги и стрѣляю. Выстрѣлъ проходитъ черезъ плюсну и пробуравливаетъ полъ. Эзопъ издаетъ короткій испуганный лай.

Немного спустя, слышится стукъ въ дверь.

Это пришелъ докторъ.

— Простите, если я васъ потревожилъ,—началъ онъ.— Вы такъ поспѣшно удалились, я думалъ, было нелишнимъ немножко намъ поговорить другъ съ другомъ. Мнѣ кажется, здѣсь пахнетъ порохомъ?

Онъ былъ совершенно трезвъ.

— Отыскали вы Эдварду? Достали свою палку?—спросилъ я.

— Я досталъ свою палку. Нѣтъ, Эдварда уже легла... Что тутъ такое? Но, Боже мой, у васъ идетъ кровь?

— Нѣтъ, сущіе пустяки. Я хотѣлъ было поставить ружье, а оно выстрѣлило; это ничего не значитъ. Чортъ васъ возьми, почему это я обязанъ давать вамъ объясненія?... Такъ вы достали свою палку?

Онъ уставился неподвижно на мой прострѣленный сапогъ и на текущую кровь. Быстрымъ движеніемъ онъ опустилъ палку наземь и снялъ перчатки.

— Сидите спокойно, нужно снять сапогъ,—сказалъ онъ. Такъ это правда, мнѣ показалось, я слышалъ выстрѣлъ.

XVIII.

Какъ я потомъ раскаивался въ этомъ безумномъ выстрѣлѣ! Все это, вмѣстѣ взятое, не стоило того, ни къ чему не послужило, привязало меня только къ хижинѣ на много недѣль. Всѣ огорченія и непріятности стоятъ еще, какъ живыя, передо мной; моя прачка должна была каждый день приходить къ хижинѣ и почти все время тамъ находиться, дѣлать закупку съѣстныхъ припасовъ, вести хозяйство. Прошло много недѣль. Ну, что же дѣлать!

Докторъ какъ-то разъ заговорилъ объ Эдвардѣ. Я слышалъ ея имя, слышалъ, что она сказала, что сдѣлала, и это не имѣло уже для меня какого-нибудь особеннаго значенія; какъ будто говорили о чемъ-то далекомъ, совершенно постороннемъ. Какъ скоро забывается! думалъ я съ удивленіемъ.

— Ну, а что вы сами думаете объ Эдвардѣ, позвольте васъ спросить? Правду сказать, я не думалъ о ней уже много недѣль. Постойте, мнѣ представляется, что что-то было между вами, вы такъ часто бываете вмѣстѣ, вы были во время прогулки на островѣ хозяиномъ, она хозяйкой. Не отрицайте, докторъ, что-то было, нѣкоторая договоренность. Нѣтъ, ради Бога, не отвѣчайте, вы нисколько не обязаны

давать мнѣ объясненіе, я спрашиваю не затѣмъ, чтобы узнать что; поговоримте о чемъ-нибудь другомъ, если вамъ угодно. Когда моя нога заживетъ, и я начну ходить?

Оставшись одинъ, я продолжалъ думать о томъ, что я сказалъ. Почему я въ глубинѣ души боялся дать доктору высказаться? Какое мнѣ было дѣло до Эдварды? Я забылъ о ней.

Точно также, позже, какъ-то разъ зашелъ разговоръ про Эдварду, и я опять прервалъ доктора. Богъ знаетъ, что я боялся услыхать.

— Зачѣмъ вы меня прерываете?—спросилъ онъ. Или для васъ совершенно невыносимо слышать ея имя отъ меня?

— Скажите мнѣ,— спросилъ я: какое ваше собственное мнѣніе о йомфру Эдвардѣ? Мнѣ это интересно знать.

Онъ посмотрѣлъ недовѣрчиво на меня:

— Мое собственное мнѣніе?

— Вы, можетъ, сообщите мнѣ сегодня новости; быть можетъ, даже вы сдѣлали предложеніе и получили согласіе. Могу васъ поздравить? Нѣтъ? Ну, кто бы могъ повѣрить, ха-ха-ха.

— Такъ вотъ чего вы боялись!

— Боялся, милѣйшій докторъ?

Молчаніе.

— Нѣтъ, я не дѣлалъ предложенія и не получалъ согласія, — сказалъ онъ: можетъ быть, съ вами это случилось. За Эдварду не посватаешься, она беретъ, кого ей вздумается. Вы думаете, это деревенская дѣвушка? Вы встрѣтились съ ней здѣсь на далекомъ сѣверѣ Норвегіи и сами видѣли, такъ ли это. Она ребенокъ, котораго не такъ давно еще пороли, и женщина съ безчисленными прихотями. Холодна? Не бойтесь этого. Пылкая натура? Ледъ, скажу я вамъ. Что же она тогда? Маленькая дѣвочка шестнадцати, семнадцати лѣтъ, неправда-ли? Но попытайтесь только повліять на эту маленькую дѣвочку, и она посмѣется надъ

всѣми вашими усиліями. Самъ отецъ не можетъ сладить съ ней; она какъ будто повинуется ему, но въ дѣйствительности сама имъ помыкаетъ. Она говоритъ, что у васъ звѣриный взглядъ.

— Вы ошибаетесь, это кто-то другой говоритъ, что у меня звѣриный взглядъ.

— Другой? Кто же другой?

— Я этого не знаю. Одна изъ ея подругъ. Нѣтъ, это не Эдварда говоритъ. Впрочемъ, постойте немножко; можетъ быть, дѣйствительно, это и Эдварда...

— Когда вы смотрите на нее, это производитъ на нее такое и такое-то дѣйствіе, говоритъ она. Но вы думаете, станете вы отъ этого хоть на волосокъ ближе къ ней? Едва ли. Смотрите только на нее, не щадите своихъ глазъ; но стоитъ лишь ей замѣтить, что она для васъ не существуетъ, она скажетъ самой себѣ: вонъ тамъ стоитъ теперь этотъ человѣкъ, смотритъ на меня и думаетъ, что выигралъ игру! И однимъ взглядомъ или холоднымъ словомъ она удалитъ васъ на версту. Вы думаете, я ее не знаю! Ну, сколько ей, по вашему, лѣтъ?

— Она родилась въ тридцать восьмомъ?

— Неправда. Я ради шутки справился объ этомъ. Ей двадцать лѣтъ, хотя, впрочемъ, она прекрасно могла бы сойти за пятнадцатилѣтнюю. Нельзя сказать, чтобы она была счастлива; въ ея маленькой головкѣ вѣчная борьба. Когда она стоитъ и смотритъ на горы и на море, и около ея рта образуются страдальческія складки, тогда она несчастна; но она слишкомъ горда и упряма, чтобы плакать. Она довольно-таки сумасбродна, у ней пылкая фантазія, она ждетъ принца. Что это была за исторія съ пресловутыми пятью талерами, которые вы должны были дать на чай?

— Просто шутка. Это пустяки...

— Это также имѣло свое значеніе. Она продѣлала нѣчто подобное разъ и со мной. Тому уже съ годъ. Мы были на

палубѣ почтоваго парохода, когда онъ стоялъ здѣсь въ гавани. Шелъ дождь и было холодно. Какая-то женщина съ маленькимъ ребенкомъ сидитъ на палубѣ и мерзнетъ. Эдварда спрашиваетъ у ней: вы не озябли? Да, женщина озябла. А маленькій тоже озябъ? Да, маленькій тоже озябъ. Почему же вы не сойдете въ каюту? спрашиваетъ Эдварда. У меня мѣсто на палубѣ, отвѣчаетъ женщина. Эдварда смотритъ на меня. У женщины мѣсто только на палубѣ, говоритъ она. Что же тутъ подѣлаешь? отвѣчаю я про себя, но я понимаю взглядъ Эдварды. Я не родился богатымъ человѣкомъ, я вышелъ въ люди изъ ничтожества и веду счетъ деньгамъ, которыя трачу. Я отхожу отъ женщины и думаю: если нужно за нее заплатить, пусть платитъ сама Эдварда, у ней и у ея отца состояніе побольше моего. И Эдварда преспокойно платитъ сама. Въ этомъ отношеніи она великодушна; никто не скажетъ, что у ней нѣтъ сердца. Но такъ вѣрно, какъ я вотъ здѣсь сижу, она ждала, что я заплачу за мѣсто въ каютѣ для женщины и ребенка, я видѣлъ это по ея глазамъ. Такъ что же дальше? Женщина встала и поблагодарила за такую значительную помощь. Не меня благодари, а вонъ того господина, отвѣчаетъ Эдварда и преспокойно показываетъ на меня. Какъ вамъ это покажется? Слышу, женщина благодаритъ также меня, и я ничего не могу на это отвѣтить, я долженъ оставить это такъ, какъ есть. Вы видите, это одна черта, но я могъ бы разсказать много другихъ. А что касается этихъ пяти талеровъ на чай гребцу, такъ она сама дала парню эти деньги. Если бы вы это сдѣлали, она бросилась бы вамъ на шею; вы оказались бы знатной особой за то, что выкинули такую плоскую несуразную штуку изъ-за стоптаннаго башмака; это было бы въ ея духѣ, она раньше мечтала объ этомъ. А такъ какъ вы этого не сдѣлали, она это сдѣлала сама отъ вашего имени. Вотъ она какая, вздорная и расчетливая въ одно и то же время.

— Такъ никто не можетъ овладѣть ею?—спросилъ я.

— Ее слѣдовало бы держать построже,—отвѣчалъ докторъ уклончиво.—Очень скверно, что ей постоянно предоставляютъ свободу дѣйствій; она можетъ дѣлать все, что ей угодно, и одерживать столько побѣдъ, сколько ей захочется. Ею заняты, къ ней не выказываютъ равнодушія; всегда есть кто-нибудь подъ рукой, на комъ она можетъ испытать свое дѣйствіе. Обратили вы вниманіе на то, какъ я съ ней обращаюсь? Какъ со школьницей, какъ съ маленькой дѣвочкой, я руковожу ею, исправляю ея рѣчь, прислушиваюсь къ ней и ставлю ее въ затруднительныя положенія. Вы думаете, она не понимаетъ этого? Ахъ, она горда и упряма, это всегда задѣваетъ ее за живое; но она также слишкомъ горда для того, чтобы показать, что это задѣваетъ ее за живое. Но такъ ей и надо. Когда вы явились, я уже цѣлый годъ держалъ ее въ рукахъ, вліяніе начало сказываться, она плакала отъ боли и досады, она стала сравнительно сноснымъ человѣкомъ. Но вотъ явились вы, и все было уничтожено. Такъ и идетъ, одинъ оставляетъ ее, другой беретъ ее снова; за вами придетъ, вѣроятно, третій, кто знаетъ.

Ого, у доктора есть за что мстить, подумалъ я и сказалъ:

— Скажите мнѣ теперь еще, докторъ, зачѣмъ это вы утруждали себя, сообщая мнѣ все это? Долженъ я вамъ помочь что-ль овладѣть Эдвардой?

— Въ довершеніе всего, она пламенна, какъ вулканъ,— продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мой вопросъ.— Вы спрашивали, неужели никто не можетъ овладѣть ею. Конечно, можетъ, почему же нѣтъ? Она ждетъ своего принца, онъ еще не явился; она все разочаровывается, она думала также, что вы принцъ, въ особенности благодаря вашему звѣриному взгляду, ха-ха. Послушайте, лейтенантъ, вамъ во всякомъ случаѣ слѣдовало бы захватить съ собой

мундиръ, онъ сдѣлалъ бы свое дѣло теперь. Почему бы кому-нибудь и не завладѣть ею? Я видѣлъ, какъ она ломала руки въ ожиданіи того, кто долженъ былъ прійти и взять ее, увезти ее отсюда, властвовать надъ ея тѣломъ и душой. Да. Но онъ долженъ явиться извнѣ, вынырнуть въ одинъ прекрасный день, какъ совершенно особенное существо. У меня есть предчувствіе, что г-нъ Макъ предпринялъ экспедицію, что-нибудь да кроется подъ этимъ путешествіемъ. Какъ-то уже и раньше г-нъ Макъ отправлялся въ путешествіе, и когда онъ вернулся, его сопровождалъ какой-то господинъ.

— Его сопровождалъ господинъ?

— Но, увы, онъ не годился,—сказалъ докторъ съ горькой усмѣшкой.—Это былъ человѣкъ моихъ лѣтъ, онъ хромалъ такъ же, какъ я. То былъ не принцъ.

— А куда онъ уѣхалъ?—спросилъ я и пристально посмотрѣлъ на доктора.

— Куда онъ уѣхалъ? Отсюда? Этого не знаю,—отвѣчалъ онъ, смутившись. — Ну, мы слишкомъ долго занимались этимъ. Черезъ недѣлю ваша нога заживетъ, и вы начнете ходить. До свиданья.

XIX.

Я слышу женскій голосъ за дверью хижины, кровь бросается мнѣ въ голову, это голосъ Эдварды.

— Гланъ, Гланъ, слышу я, боленъ?

И моя прачка отвѣчаетъ за дверью:

— Онъ почти выздоровѣлъ.

Этотъ „Гланъ, Гланъ“, потрясъ меня до мозга костей, она повторила мое имя дважды, это подѣйствовало на меня, ея голосъ былъ ясный и взволнованный.

Она открыла дверь, не постучавъ, поспѣшно вошла и

взглянула на меня. Вдругъ я почувствовалъ себя, какъ въ былые дни; на ней была ея перекрашенная кофточка, и фартукъ былъ у ней завязанъ немного ниже на животѣ для того, чтобы талія была длиннѣе. Я тотчасъ все замѣтилъ; и ея взглядъ, ея смуглое лицо съ бровями, высоко изогнутыми на лбу, странное нѣжное выраженіе ея рукъ, все это съ такой силой ворвалось въ меня и такъ меня смутило. Ее я цѣловалъ! подумалъ я. Я всталъ и продолжалъ стоять.

— Вы встаете, вы можете стоять,—сказала она.—Сядьте же, у васъ болитъ нога, вы выстрѣлили въ себя. Боже мой, какъ это случилось? Я только теперь узнала объ этомъ. Я думала все время: гдѣ это пропадаетъ Гланъ? онъ больше совсѣмъ не приходитъ. Я ни о чемъ не знала. Вы выстрѣлили въ себя, много недѣль уже тому назадъ, слышу я, и я не слыхала ни слова объ этомъ. Какъ вы теперь? Вы поразительно блѣдны, я не узнаю васъ. А нога? Вы охромѣли? Докторъ говоритъ, что вы не охромѣли. Какъ искренно я рада за васъ, что вы не охромѣли, слава Богу. Надѣюсь, вы извините, что я пришла сюда, не долго думая, я не шла, а бѣжала...

Она наклонилась ко мнѣ, она была такъ отъ меня близко, я чувствовалъ ея дыханіе на своемъ лицѣ, я протянулъ къ ней руки. Тогда она отодвинулась. Ея глаза еще были влажны

— Вотъ какъ это случилось, — бормоталъ я:—я хотѣлъ поставить ружье сюда, въ уголъ; я неловко взялъ его, такъ вотъ, дуломъ внизъ; и вотъ я вдругъ слышу выстрѣлъ. Несчастный случай.

— Несчастный случай, — сказала она въ раздумьи и кивнула головой. — Позвольте мнѣ посмотрѣть, вѣдь это лѣвая нога; но почему именно лѣвая? Да, это была случайность...

— Да, случайность, — прервалъ я.—Какъ я могу знать, почему именно это оказалось лѣвая нога? Сами видите, я

вотъ такъ держалъ ружье, такъ что ни въ коемъ случаѣ не могла оказаться прострѣленной правая нога. Да, это было не особенно-то пріятно.

Она посмотрѣла задумчиво на меня.

— Такъ вы поправляетесь,—сказала она и осмотрѣлась кругомъ въ хижинѣ.—Почему вы не посылали женщины къ намъ за ѣдой? Чѣмъ же вы жили?

Мы поговорили еще нѣсколько минутъ. Я спросилъ ее:

— Когда вы пришли, ваше лицо было оживлено и глаза блестѣли, вы протянули мнѣ руку. Теперь опять въ вашихъ глазахъ равнодушіе. Я не ошибаюсь?

Молчаніе

— Нельзя всегда быть одинаковой...

— Скажите мнѣ только разъ,—продолжалъ я:—что, напримѣръ, въ данномъ случаѣ я сказалъ или сдѣлалъ непріятнаго для васъ. Это, быть можетъ, послужитъ мнѣ руководящей нитью на будущее время.

Она смотрѣла въ окно, на далекій горизонтъ, стояла и въ раздумьи смотрѣла прямо передъ собой и отвѣчала мнѣ, стоя ко мнѣ спиной.

— Ничего, Гланъ. Мало ли что иногда придетъ въ голову. Вы сегодня не въ духѣ? Помните, иные даютъ мало, и этого много для нихъ, другіе отдаютъ все, и это не стоитъ имъ никакихъ усилій; такъ кто же далъ больше? Вы стали такъ грустны во время вашей болѣзни. По какому это случаю мы завели объ этомъ разговоръ? — И вдругъ она взглядываетъ на меня; радость вызываетъ краску на ея лицѣ, она говоритъ:

— Ну, выздоравливайте поскорѣе. Мы опять будемъ видѣться.

Съ этими словами она протянула мнѣ руку.

И вотъ мнѣ пришло въ голову не принять ея руки. Я всталъ, сложилъ руки на спинѣ и глубоко поклонился; такъ я хотѣлъ поблагодарить ее за ея любезное посѣщеніе.

— Извините, что я не могу дальше проводить васъ,— сказалъ я.

Когда она ушла, я усѣлся, чтобы еще разъ обдумать все это. Я написалъ письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы мнѣ выслали мундиръ.

XX.

Первый день въ лѣсу.

Я былъ веселъ и утомленъ, всѣ животныя приближались ко мнѣ и смотрѣли на меня, на листвѣ деревьевъ сидѣли жуки, и майки ползали по дорогѣ. Добро пожаловать! думалъ я. Настроеніе лѣса мелькало въ моихъ чувствахъ, я плакалъ отъ любви и былъ отъ того совершенно счастливъ, я таялъ отъ благодарности. Мой милый лѣсъ, мое жилище, божья благодать, я скажу тебѣ отъ полноты моего сердца... Я останавливаюсь, поворачиваюсь во всѣ стороны и со слезами на глазахъ называю по имени птицъ, деревья, камни, траву и муравьевъ, осматриваюсь кругомъ и называю ихъ по порядку. Я смотрю вверхъ на горы и думаю: Да, я сейчасъ приду! словно я отвѣчаю на зовъ. Тамъ, высоко гнѣздятся соколадербники, я знаю, гдѣ ихъ гнѣзда. Но мысль о соколахъ, гнѣздящихся на высотахъ горъ, умчала мою фантазію далеко.

Около полудня я выплылъ въ море, присталъ къ маленькому островку, къ какой-то скалѣ, передъ входомъ въ гавань. Тамъ росли лиловые цвѣты съ длинными стеблями, достигавшими мнѣ до колѣнъ, я бродилъ среди странныхъ растеній, кустовъ малины, шероховатаго волоснеца; тамъ не было никакихъ животныхъ, и, быть можетъ, человѣкъ тамъ даже никогда не бывалъ. Море нѣжно пѣнилось у берега и окутывало меня пеленою шумовъ; далеко въ открытомъ морѣ съ крикомъ летали всевозможныя прибрежныя птицы у островковъ, гдѣ онѣ клали яйца.

Но море окружало меня со всѣхъ сторонъ, словно обнимая.

Благословенны будьте жизнь, земля и небо, благословенны будьте мои враги, я былъ бы въ этотъ мигъ милостивъ со своимъ злѣйшимъ врагомъ и завязалъ бы ему ремень у его обуви...

Громкая матросская пѣсня доносится до меня съ одной изъ яхтъ г-на Мака, и все внутри меня наполняется солнечнымъ блескомъ при этихъ знакомыхъ звукахъ. Я гребу къ пристани, прохожу мимо хижинъ рыбаковъ и отправляюсь домой. День прошелъ, я принимаюсь за ужинъ, раздѣляю свою трапезу съ Эзопомъ и снова иду въ лѣсъ. Нѣжные вѣтерки беззвучно вѣютъ мнѣ въ лицо. Благословенны будьте вы, говорю я вѣтрамъ, за то, что вы вѣете мнѣ въ лицо, благословенны будьте вы; кровь преклоняется у меня въ жилахъ, въ благодарности къ вамъ! Эзопъ кладетъ свою лапу мнѣ на колѣно.

Усталость овладѣваетъ мной, и я засыпаю.

Люль, люль! Что это: звенятъ колокольчики? Нѣсколько миль дальше въ морѣ стоитъ гора. Я творю двѣ молитвы, одну за собаку и другую за себя самого, и мы входимъ внутрь горы. Ворота запираются за нами, я вздрагиваю и просыпаюсь.

Огненно-красное небо, солнце стоитъ и попираетъ землю передъ моими глазами; ночь; горизонтъ дрожитъ отъ свѣта. Эзопъ и я входимъ въ тѣнь. Кругомъ тихо. Нѣтъ, намъ не хочется больше спать, говорю я Эзопу, мы станемъ охотиться сегодня утромъ, красное солнце свѣтитъ намъ, мы не внутри горы... И необыкновенныя настроенія пробуждаются во мнѣ, и кровь ударяетъ мнѣ въ голову. Разгоряченный и еще слабый, я чувствую, что кто-то цѣлуетъ меня, и поцѣлуй лежитъ у меня на губахъ. Я осматриваюсь, вижу: никого нѣтъ. Изелина! говорю я. Зашуршало въ травѣ; быть можетъ, это листъ упалъ на землю; быть можетъ, это и шаги.

Какой-то трепетъ проносится по лѣсу; быть можетъ, это дыханіе Изелины, думаю я. Въ этихъ лѣсахъ бродила Изелина, здѣсь она склонялась на мольбы охотниковъ въ желтыхъ сапогахъ и зеленыхъ мантіяхъ. Она жила въ своей усадьбѣ, полмили отсюда; она сидѣла у своего окна, тому уже будетъ четыре человѣческихъ возраста и слушала, какъ со всѣхъ сторонъ изъ лѣсу раздавались звуки охотничьяго рога. Здѣсь водились олени, волки, медвѣди; было много охотниковъ, и она росла у нихъ на глазахъ, и каждый изъ нихъ дожидался ея. Тотъ видѣлъ ея глаза, другой слышалъ ея голосъ; но разъ какой-то безсонный юноша всталъ ночью и пробуравилъ дыру въ комнату Изелины, ему удалось увидать ея бѣлый бархатистый животъ. Когда ей исполнялся двѣнадцатый годъ, пришелъ Дундасъ. Онъ былъ шотландецъ, торговалъ рыбой и владѣлъ множествомъ кораблей. У него былъ одинъ сынъ. Когда Изелинѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, она въ первый разъ увидала молодого Дундаса. Онъ былъ ея первой любовью...

И такія необыкновенныя настроенія овладѣваютъ мной, и голова у меня становится такой тяжелой, пока я тамъ сижу; я закрываю глаза и снова чувствую поцѣлуй Изелины. Изелина, ты здѣсь, ты возлюбленная жизни? говорю я, и Дидерикъ стоитъ у тебя за деревомъ?... Но голова тяжелѣетъ все больше, и больше, и я плыву по волнамъ сна.

Люль, люль! Слышится чей-то голосъ, какъ будто семизвѣздіе поетъ у меня въ крови, это голосъ Изелины:

Спи, спи! Я разскажу тебѣ о моей любви, пока ты спишь, и я разскажу тебѣ о моей первой ночи. Мнѣ помнится, я забыла запереть у себя дверь; мнѣ было шестнадцать лѣтъ, было весеннее время и теплый вѣтеръ; Дундасъ явился. Какъ орелъ онъ примчался. Я встрѣтила его утромъ, передъ тѣмъ, какъ ему итти на охоту; ему было двадцать пять лѣтъ, и онъ вернулся изъ дальнихъ странствій, онъ

гулялъ рядомъ со мной по саду, и когда онъ коснулся меня своею рукой, я полюбила его. У него на лбу появились два лихорадочно-воспламененныхъ пятна, и мнѣ хотѣлось поцѣловать эти два пятна.

Вечеромъ, какъ ему вернуться съ охоты, я пошла и взоромъ искала его въ саду, и такъ я боялась, что вдругъ найду его! Я потихоньку называла его имя для самой себя, и какъ я боялась, что вдругъ онъ услышитъ! И вотъ онъ выходитъ изъ-за кустовъ и шепчетъ: сегодня ночью, въ часъ! Затѣмъ онъ исчезаетъ.

Сегодня ночью, въ часъ, говорю я самой себѣ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Я ничего не понимаю. Онъ навѣрно хотѣлъ сказать, что онъ долженъ уѣхать сегодня ночью, въ часъ; но какое мнѣ дѣло до того, что онъ уѣзжаетъ.

Такъ-то вотъ я забыла запереть у себя дверь...

Въ часъ онъ входитъ.

Развѣ дверь у меня не была заперта?—спрашиваю я.

Я запру, отвѣчаетъ онъ.

И онъ запираетъ дверь, и мы въ замкнутомъ пространствѣ.

Я такъ боялась шума его огромныхъ сапогъ. Смотри, не разбуди мою дѣвушку! сказала я. Я тоже такъ боялась за скрипучій стулъ, и я сказала: нѣтъ, нѣтъ, не садись, на стулъ, онъ скрипитъ!

Такъ мнѣ сѣсть къ тебѣ на постель? спросилъ онъ.

Да, сказала я.

Но это я сказала потому только, что стулъ скрипѣлъ.

Мы усѣлись на моей постели. Я отодвинулась, онъ подвинулся за мной. Я посмотрѣла внизъ.

Ты озябла, сказалъ онъ и взялъ меня за руку. Немного спустя онъ сказалъ: Какъ ты озябла! и обвилъ меня рукой.

Мнѣ стало тепло отъ его руки. Мы сидимъ такъ немножко. Кричитъ пѣтухъ.

Ты слышала, сказалъ онъ: — прокричалъ пѣтухъ, уже скоро утро.

И онъ сильнѣе сжалъ меня, и у меня захватило духъ.

Если ты только совершенно увѣренъ, что прокричалъ пѣтухъ, залепетала я.

Я снова увидала два лихорадочно-воспламененныхъ пятна у него на лбу, и я хотѣла встать. Но онъ посадилъ меня опять, я поцѣловала два милыхъ пятна и закрыла глаза передъ ними...

И вотъ наступилъ день, было уже утро. Я проснулась и не узнавала стѣнъ у себя въ комнатѣ, я встала и не узнавала своихъ собственныхъ маленькихъ башмаковъ, что-то струилось во мнѣ. Что бы это могло струиться во мнѣ? подумала я, смѣясь. И сколько это сейчасъ пробило часовъ? Я ничего не знала; но я помнила только, что я забыла запереть у себя дверь.

Приходитъ моя дѣвушка.

Ты не полила своихъ цвѣтовъ, говоритъ она.

Я забыла про цвѣты.

Ты измяла свое платье, продолжаетъ она.

Какъ это я могла измять платье? думаю я, со смѣющимся сердцемъ; но это, конечно, я сдѣлала сегодня ночью.

Экипажъ подъѣзжаетъ къ садовой калиткѣ.

И ты не накормила свою кошку, говоритъ моя дѣвушка.

Но я забываю про свои цвѣты, про платье и про кошку и спрашиваю:

Что это Дундасъ остановился у дома? Попроси его прійти ко мнѣ тотчасъ же, я его жду, что такое... что такое... И я думаю про себя: запретъ онъ опять дверь на ключъ, когда придетъ?

Онъ стучится. Я отворяю ему и сама запираю дверь на ключъ, чтобы оказать ему маленькую услугу.

Изелина! восклицаетъ онъ и цѣлуетъ меня въ губы цѣлую минуту.

Я не посылала за тобой, шепотомъ говорю я.

Не посылала? спрашиваетъ онъ.

У меня опять захватываетъ духъ, и я отвѣчаю:

Нѣтъ, я посылала за тобой, мнѣ такъ ужасно опять захотѣлось увидать тебя. Побудь немножко здѣсь.

И я закрыла глаза отъ любви. Онъ не выпустилъ меня изъ рукъ, я опустилась и спряталась у него на груди.

Мнѣ кажется, опять поютъ пѣтухи? сказалъ онъ и сталъ прислушиваться.

Но когда я услыхала, что онъ говорилъ, я прервала его какъ можно скорѣе и отвѣчала:

Нѣтъ, какъ ты могъ подумать, что опять поютъ пѣтухи. Никто не пѣлъ.

Онъ поцѣловалъ меня въ грудь.

Это только курица закудахтала, сказала я въ послѣднее мгновеніе.

Подожди немножко, я запру дверь, сказалъ онъ и хотѣлъ встать.

Я удержала его и прошептала:

Она заперта...

И вотъ снова наступилъ вечеръ, и Дундасъ уѣхалъ. Точно какое золото струилось во мнѣ. Я стала передъ зеркаломъ, и два влюбленныхъ глаза смотрѣли прямо на меня; что-то шевельнулось во мнѣ при моемъ взглядѣ, и струйки, струйки забѣгали вокругъ моего сердца. Боже мой, я никогда не смотрѣла на самое себя такими глазами, и я поцѣловала отъ любви свои собственныя губы въ зеркалѣ...

Но вотъ я разсказала тебѣ о моей первой ночи, и о днѣ, и о вечерѣ послѣ нея. Какъ-нибудь въ другой разъ я разскажу тебѣ объ охотникѣ Херлуфсенѣ. Его я также любила, онъ жилъ въ милѣ отсюда, на островѣ, вонъ видишь тамъ, и я сама приплывала къ нему въ тихія лѣтнія ночи, такъ какъ я его любила. Я разскажу тебѣ также и о Стамерѣ. Онъ былъ священникъ, я любила его. Я люблю всѣхъ...

Сквозь сонъ я слышу, какъ поетъ пѣтухъ тамъ внизу у Сирилунда.

Ты слышала, Изелина, и намъ также пропѣлъ пѣтухъ!

Радостно восклицаю я и протягиваю руки. Я просыпаюсь. Эзопъ уже на ногахъ. Прочь! говорю я въ жгучей тревогѣ и осматриваюсь кругомъ; здѣсь нѣтъ никого, никого нѣтъ здѣсь! Разгоряченный и въ сильномъ возбужденіи, я иду домой. Утро, пѣтухъ все продолжаетъ пѣть въ Сирилундѣ.

У хижины стоитъ женщина, стоитъ Ева. У ней вязка въ рукахъ, и ей нужно въ лѣсъ, за дровами. Утро жизни—на молодой дѣвушкѣ, грудь у ней колышется, солнце золотитъ ее.

— Вы не повѣрите...—лепечетъ она.

— Чему я не повѣрю, Ева?

— Я пришла сюда вовсе не затѣмъ, чтобы съ вами встрѣтиться, я просто шла мимо...

И ея лицо меркнетъ отъ румянца.

XXI.

Нога все еще немного безпокоила и мучила меня, часто ночью она начинала зудѣть и не давала мнѣ спать, иногда въ нее стрѣляло, и къ перемѣнѣ погоды въ ней поднималась ломота. Это продолжалось долгое время. Но я не охромѣлъ.

Дни шли.

Г-нъ Макъ вернулся, и мнѣ тотчасъ же пришлось узнать, что онъ вернулся. Онъ взялъ у меня лодку, поставилъ меня въ затруднительное положеніе, время охоты еще не наступило, и я не могъ стрѣлять. Но почему онъ безо всякаго предупрежденія отнялъ у меня лодку? Двое изъ служащихъ въ магазинѣ Мака по утрамъ вывозили въ море какого-то незнакомаго мнѣ господина.

Я встрѣтилъ доктора.

— У меня взяли лодку,—сказалъ я.

— Сюда пріѣхалъ гость,—сказалъ онъ.—Его приходится каждый день возить на море и доставлять его вечеромъ обратно домой. Онъ изслѣдуетъ морское дно.

Гость былъ финляндецъ, г-нъ Макъ встрѣтился съ нимъ случайно, на кораблѣ, онъ пріѣхалъ съ Шпитцбергена съ коллекціями раковинъ и маленькихъ морскихъ животныхъ, его называли барономъ. Ему предоставили въ домѣ г-на Мака большую залу и еще другую комнату. Онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе.

У меня недостатокъ въ мясѣ, и я могъ попросить Эдварду дать мнѣ немного поѣсть сегодня вечеромъ, подумалъ я. Я отправляюсь внизъ въ Сирилундъ. Я тотчасъ замѣчаю, что Эдварда надѣла новое платье; въ немъ она кажется выросшей, платье ей слишкомъ длинно.

— Извините, что я сижу,—коротко сказала она и протянула мнѣ руку.

— Да, къ несчастью, моя дочь несовсѣмъ здорова,—сказалъ г-нъ Макъ.—Простудилась, все это ея неосторожность... Вы вѣроятно пришли, чтобы справиться относительно вашей лодки? Я принужденъ одолжить вамъ другую, маленькую; она несовсѣмъ новая, но если вы станете прилежно вычерпывать... Да, вѣдь у насъ въ домѣ теперь ученый, и вы должны понять, что такого рода человѣкъ... У него рѣшительно нѣтъ свободнаго времени, онъ работаетъ цѣлый день и возвращается домой къ вечеру. Подождите до его прихода, такъ вы его увидите, вамъ будетъ интересно познакомиться съ нимъ. Вотъ его карточка, видите: корона, баронъ. Достойный уваженія человѣкъ. Я встрѣтился съ нимъ совершенно случайно.

Вотъ какъ, подумалъ я, тебя не оставляютъ ужинать. Слава Богу, я тоже сюда пришелъ, только чтобъ попытать почву, я могу вернуться домой, у меня есть еще въ хижинѣ немножко рыбы. Что-нибудь да найдется для ужина. Баста

Явился баронъ, мужчина невысокаго роста, лѣтъ подъ сорокъ; длинное худое лицо съ выдающимися скулами и жиденькой, черной бородкой. Взглядъ у него былъ острый и пронзительный, но онъ носилъ сильные очки. На запонкахъ у него точно такъ же, какъ и на карточкѣ, были короны съ пятью зубцами. Онъ былъ немного сутуловатъ, и на его исхудалыхъ рукахъ виднѣлись голубыя жилы; а ногти у него было словно изъ желтаго металла.

— Очень пріятно, г-нъ лейтенантъ. Вы уже давно здѣсь?

— Нѣсколько мѣсяцевъ.

Пріятный человѣкъ. Г-нъ Макъ вызвалъ его на разговоръ о раковинахъ и маленькихъ морскихъ животныхъ, и тотъ охотно сталъ объ этомъ разсказывать, давалъ пояснѣнія относительно сортовъ глины изъ окрестностей Корхольмовъ, вошелъ въ залу и принесъ образецъ водорослей изъ Бѣлаго моря. Онъ постоянно оттопыривалъ указательный палецъ правой руки и передвигалъ толстыя золотыя очки съ одного конца носа на другой. Г-нъ Макъ былъ заинтересованъ въ высшей степени. Прошелъ часъ.

Баронъ завелъ разговоръ про случившуюся со мной непріятность, про этотъ несчастный выстрѣлъ. Я уже выздоровѣлъ? Въ самомъ дѣлѣ? Онъ очень радъ.

Кто это разсказалъ ему про мой несчастный случай? подумалъ я. Я спросилъ:

— Отъ кого это вы, баронъ, слышали про мое несчастіе?

— Отъ... да, отъ кого это такое! Отъ фрёкенъ Макъ, кажется. Не правда ли, фрёкенъ Макъ?

Эдварда вспыхнула, какъ огонь.

Я пришелъ такимъ жалкимъ, въ продолженіе многихъ дней мрачное отчаяніе удручало меня, но при послѣднихъ словахъ этого посторонняго человѣка какая-то радость промелькнула вдругъ во мнѣ. Я не посмотрѣлъ на Эдварду,

но подумалъ: благодарю тебя, что ты хоть поговорила обо мнѣ, называла мое имя, хотя оно для тебя навѣки потеряло всякое значеніе. Покойной ночи. Я простился. Эдварда и теперь продолжала сидѣть, изъ вѣжливости извиняясь своимъ нездоровьемъ. Равнодушно она подала мнѣ руку.

А г-нъ Макъ стоялъ, занятый горячимъ разговоромъ съ барономъ. Онъ говорилъ о своемъ покойномъ отцѣ, консулѣ Макѣ:

— Не знаю, разсказывалъ ли я вамъ, баронъ, вотъ эту застежку Карлъ Іоганъ собственными руками застегнулъ на груди моего покойнаго отца.

Я сошелъ по лѣстницѣ, никто не проводилъ меня. Я бросилъ мелькомъ взглядъ въ окно залы, тамъ стояла Эдварда, выпрямившись во весь ростъ; она раздвинула обѣими руками гардины и смотрѣла въ окно. Мнѣ не пришло въ голову поклониться, я все забылъ, замѣшательство, какъ волна, овладѣло мной и быстро понесло меня оттуда.

Стой, остановись на минутку!—сказалъ я самому себѣ, достигнувъ лѣса. Боже мой, когда же все это кончится! Меня вдругъ бросило въ жаръ отъ бѣшенства, и я застоналъ. Ахъ, у меня въ груди не оставалось больше никакого чувства чести, я пользовался благосклонностью Эдварды самое большее съ недѣлю, теперь все это уже давнымъ давно прошло, а я никакъ не могъ примириться съ этимъ. Отнынѣ мое сердце должно было бы взывать къ ней: пыль, воздухъ, земля на моей дорогѣ, клянусь Всевышнимъ...

Я добрался до хижины, разыскалъ свою рыбу и сталъ ужинать.

Ты вотъ бродишь здѣсь и прожигаешь свою жизнь изъза какой-то ничтожной школьницы, и твои ночи полны дикихъ сновидѣній. И удушливый вѣтеръ застылъ вокругъ головы твоей, пахучій старый вѣтеръ. А небо трепещетъ чудесной синевой, и горы зовутъ. Сюда, Эзопъ, идемъ!

XXII.

Прошла недѣля. Я нанялъ лодку у кузнеца и ловилъ себѣ для ѣды рыбу. Эдварда и гостившій у нихъ баронъ всегда бывали вмѣстѣ по вечерамъ, когда тотъ возвращался домой съ моря, однажды я видѣлъ ихъ у мельницы. Разъ вечеромъ они оба прошли мимо моей хижины, я отодвинулся отъ окна и на всякій случай потихоньку заперъ дверь. На меня не произвело рѣшительно никакого впечатлѣнія то, что они были вмѣстѣ; я пожалъ плечами. Въ другой разъ вечеромъ я встрѣтилъ ихъ на дорогѣ, и мы поклонились другъ другу, я далъ барону поклониться первому и самъ взялся за фуражку двумя пальцами. Я медленно прошелъ мимо и равнодушно посмотрѣлъ на нихъ.

Прошелъ еще день.

Сколько ихъ тутъ прошло этихъ длинныхъ дней! Подавленное состояніе духа владѣло мной, мое сердце безмолвно думало о различныхъ вещахъ, даже дружелюбный сѣрый камень около моей хижины стоялъ, какъ будто выражая страданіе и отчаяніе, когда я проходилъ мимо. Собирался дождь, въ воздухѣ парило и, куда ни повернешься, отовсюду тебя обдавало горячимъ дыханіемъ; у меня ломило лѣвую ногу; я видѣлъ, какъ утромъ металась въ оглобляхъ одна изъ лошадей г-на Мака; все это имѣло для меня значеніе. Хорошо было бы запастись пищей для дома, пока хорошая погода, подумалъ я.

Я привязалъ Эзопа, взялъ свои рыболовныя снасти и ружье и отправился къ пристани. Я чувствовалъ себя необыкновенно угнетеннымъ.

— Когда придетъ почтовый пароходъ?—спросилъ я рыбака.

— Почтовый пароходъ? Онъ придетъ недѣли черезъ три,—отвѣчалъ тотъ.

— Я жду своего мундира,—сказалъ я.

Потомъ я встрѣтилъ одного изъ приказчиковъ г-на Мака. Я взялъ его за руку и сказалъ:

— Скажите мнѣ, ради Бога, что это вы больше совсѣмъ не играете въ вистъ въ Сирилундѣ?

— О, нѣтъ, часто,—отвѣчаетъ онъ.

Молчаніе.

— Я все не могъ собраться туда за послѣднее время,—сказалъ я.

Я поплылъ къ своему обыкновенному мѣсту рыбной ловли. Въ воздухѣ было душно, комары собирались стаями, и я долженъ былъ для предохраненія отъ нихъ все время курить. Треска клевала, я ловилъ на удочку съ двумя крючками, уловъ былъ прекрасный. На обратномъ пути я застрѣлилъ двухъ гагарокъ.

Когда я достигнулъ пристани, тамъ стоялъ кузнецъ. Онъ былъ занятъ работой. У меня мелькаетъ мысль, я спрашиваю его:

— Проводите вы меня до дому?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.—Г-нъ Макъ далъ мнѣ работы до самой полночи.

Я кивнулъ и подумалъ про себя, что это было хорошо.

Я взялъ съ собой свой уловъ и пошелъ, я направилъ свой путь мимо дома кузнеца. Ева была дома одна.

— Какъ страстно я тосковалъ по тебѣ! — сказалъ я, обращаясь къ ней. И я былъ взволнованъ при видѣ ея, она едва могла смотрѣть на меня отъ удивленія.—Я люблю въ тебѣ юность и твои добрые глаза—сказалъ я.—Накажи меня теперь сегодня за то, что я о другой думалъ больше, чѣмъ о тебѣ. Послушай, я пришелъ къ тебѣ, чтобы только на тебя посмотрѣть, мнѣ такъ хорошо съ тобой, ты такъ мнѣ дорога. Ты слышала, какъ я звалъ тебя сегодня ночью?

— Нѣтъ,—отвѣчала она въ ужасѣ.

— Я звалъ Эдварду, йомфру Эдварду, но я подразумѣ-

валъ тебя. Я проснулся отъ этого. Да, я подразумѣвалъ тебя, мнѣ можно простить, я оговорился, если я звалъ Эдварду. Но не будемъ больше о ней говорить. Боже, какая ты у меня милая дѣвушка, Ева! У тебя сегодня такія красныя губы. У тебя ноги красивѣе, чѣмъ у Эдварды, посмотри сама.—Я поднялъ у ней платье и показалъ ей ея ноги.

Радость, какой я еще никогда не замѣчалъ у ней, промелькнула по ея лицу: она хочетъ отвернуться, но передумываетъ и одной рукой обвиваетъ мнѣ шею.

Время идетъ. Мы разговариваемъ, сидимъ все время на длинной скамьѣ и разговариваемъ другъ съ другомъ о множествѣ вещей. Я говорилъ:

— Повѣришь ли, йомфру Эдварда не научилась еще до сихъ поръ говорить, она говоритъ словно ребенокъ, она употребляетъ выраженіе „болѣе счастливѣе“, я самъ это слышалъ. По твоему, у ней красивый лобъ? По моему, вовсе нѣтъ. У ней лобъ смуглый. Она даже не можетъ вымыть себѣ рукъ.

— Вѣдь мы не хотѣли было больше о ней говорить?

— Въ самомъ дѣлѣ. Я совсѣмъ и забылъ.

Проходитъ еще нѣсколько времени. Я о чемъ-то думаю, умолкаю.

— Почему у тебя на глазахъ показались слезы,—спрашиваетъ Ева.

— У ней, впрочемъ, красивый лобъ,—говорю я:—и руки у ней всегда чисты. Это совершенно случайно, какъ-то разъ они у ней были грязныя. Я это только и хотѣлъ сказать.—Но вотъ я продолжаю съ жаромъ и стиснувъ зубы: Я все сижу и думаю о тебѣ, Ева; но мнѣ приходитъ въ голову, ты, можетъ быть, не слыхала, что я хочу разсказать тебѣ. Въ первый разъ, какъ Эдварда увидала Эзопа, она сказала: Эзопъ, вѣдь это былъ мудрецъ, онъ былъ фригіецъ. Какъ это глупо. Она вычитала это въ книжкѣ, какъ разъ въ тотъ самый день, я въ этомъ увѣренъ.

— Да,—говоритъ Ева:—ну и что же?

— Насколько я помню, она говорила также о томъ, что у Эзопа былъ учителемъ Ксанеъ. Ха-ха-ха!

— Да-а-а.

— Къ какому это дьяволу разсказывать въ обществѣ, что у Эзопа былъ учителемъ Ксанеъ? Я спрашиваю только. Ахъ, ты не расположена сегодня, Ева, а то ты животики бы надорвала отъ смѣха.

— Да, по моему также, это смѣшно, — говоритъ Ева и въ недоумѣніи начинаетъ натянуто смѣяться.—Но я не понимаю этого такъ хорошо, какъ ты.

Я молчу и думаю, молчу и думаю.

— Тебѣ хочется, чтобы мы спокойно посидѣли и ничего не говорили?—потихоньку спрашиваетъ Ева. Доброта свѣтилась у ней въ глазахъ, она провела мнѣ по волосамъ своей рукой.

— Добрая, добрая душа,—восклицаю я и крѣпко прижимаю ее къ себѣ.

— Я увѣренъ, что я изнываю отъ любви къ тебѣ, я люблю тебя все больше и больше; ты, наконецъ, будешь со мной, когда я поѣду. Подумай только. Ты хотѣла бы уѣхать со мной?

— Да,—отвѣчаетъ она.

Я едва слышу это „да“, но я чувствую его по ея дыханію, замѣчаю его по всему ея существу, мы бѣшено сжимаемъ другъ друга въ объятіяхъ, и она отдается мнѣ, все позабывъ.

Часъ спустя я цѣлую Еву на прощанье и ухожу. Я встрѣчаюсь съ г-нъ Макомъ въ дверяхъ.

Съ самимъ г-номъ Макомъ.

Онъ вздрагиваетъ и неподвижно смотритъ въ комнату, останавливается тамъ на порогѣ и неподвижно смотритъ.

— Ну-ну!—говоритъ онъ и больше не можетъ сказать ни слова, какъ будто его оглушили ударомъ.

— Вы не ожидали найти меня здѣсь? — говорю я и кланяюсь.

Ева не двигается съ мѣста.

Г-нъ Макъ приходитъ въ себя, необыкновенная увѣренность овладѣваетъ имъ, онъ отвѣчаетъ:

— Вы ошибаетесь, васъ-то я и ищу. Я хочу обратить ваше вниманіе на то, что съ перваго апрѣля по пятнадцатое августа запрещено стрѣлять на разстояніи, меньшемъ одной восьмой мили отъ мѣстъ кладки яицъ и нахожденія гагачьихъ гнѣздъ. Сегодня вы застрѣлили двухъ птицъ около самаго острова; васъ видѣли.

— Я застрѣлилъ двухъ гагарокъ,—сказалъ я, совершенно сраженный. Мнѣ вдругъ стало ясно, что этотъ человѣкъ былъ правъ.

— Двухъ гагарокъ или двухъ гагаръ, это рѣшительно все равно. Вы были въ области, подлежащей охранѣ.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ я. — Это мнѣ сейчасъ только пришло въ голову.

— Но это должно было бы прійти вамъ въ голову немножко пораньше.

— Въ маѣ мѣсяцѣ я тоже выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ какъ разъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Это было во время поѣздки на островъ. Я выстрѣлилъ по вашей личной просьбѣ.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—сказалъ г-нъ Макъ рѣзко.

— Но такъ, чортъ возьми, у васъ были что-ль достаточныя основанія такъ дѣйствовать?

— Конечно, были, — отвѣчалъ онъ.

Ева была на-готовѣ; когда я вышелъ, она послѣдовала за мной, накинула на себя платокъ и вышла изъ дому; я видѣлъ, какъ она направилась къ амбарамъ. Г-нъ Макъ поплелся домой.

Я обдумалъ все это. Какъ это ловко онъ сумѣлъ вывернуться! Какъ онъ уставился глазами! Выстрѣлъ, два выстрѣла, пара гагарокъ, штрафъ, уплата. И вотъ все, все кончено съ г-номъ Макомъ и его домомъ. Въ сущности дѣло шло необыкновенно хорошо и быстро...

Уже начиналъ накрапывать дождь большими, мягкими каплями. Сороки летали низко надъ землей, и, когда я пришелъ домой и отвязалъ Эзопа, онъ сталъ ѣсть траву. Вѣтеръ начиналъ шумѣть.

XXIII.

На милю внизъ подъ собой я вижу море. Идетъ дождь, а я въ горахъ, нависшая скала защищаетъ меня отъ дождя. Я курю свою носогрѣйку, курю трубку за трубкой, и всякій разъ, какъ я закуриваю, табакъ ползетъ маленькими раскаленными червячками изъ золы. Точно также мысли кишатъ у меня въ головѣ. На землѣ, передо мной, лежитъ разоренное гнѣздо; все оно сплетено изъ сухихъ вѣточекъ. И душа моя, какъ это гнѣздо.

Я помню каждый мельчайшій пустякъ изъ пережитаго мной въ этотъ послѣдній и предыдущій день. Н-да-а, по дурной пошелъ я дорогѣ...

Я сижу здѣсь въ горахъ, и море, и воздухъ шумятъ; какое-то ужасное кипѣніе и жалобный вой раздается у меня въ ушахъ отъ вѣтра и непогоды. Далеко въ открытомъ морѣ виднѣются каботажныя суда и яхты съ зарифленными парусами, на палубѣ у нихъ — народъ; этимъ людямъ нужно куда-нибудь, и, Богъ знаетъ, куда попадутъ всѣ эти жизни, думаю я. Море, пѣнясь, вздымается въ воздухъ и движется, движется; словно оно населено громадчыми, дикими призраками, которые сталкиваются тѣлами и рычатъ другъ на друга; нѣтъ, это какое-то торжество справляютъ десять тысячъ визжащихъ дьяволовъ, они прячутъ голову въ плечи и рыскаютъ всюду кругомъ, до-бѣла стегая море концами своихъ крыльевъ. Далеко, далеко въ морѣ лежитъ подводная

шхера, бѣлый водяной встаетъ съ этой шхеры и отряхиваетъ свою голову надъ получившимъ течь кораблемъ, который вѣтромъ относитъ въ открытое море, н-да, въ открытое море, туда, въ пустынное море...

Я радуюсь тому, что я одинъ, что никто не можетъ видѣть моихъ глазъ; я довѣрчиво прислоняюсь къ скалѣ и знаю, что никто не стоитъ и не смотритъ на меня сзади. Птица проносится надъ вершиной съ надорваннымъ крикомъ, въ то же самое мгновенье недалеко отъ меня каменная глыба отрывается отъ скалы и катится внизъ къ морю. И я продолжаю тамъ тихо сидѣть нѣкоторое время, мной овладѣваетъ спокойствіе, теплое ощущеніе уютности поднимается во мнѣ при мысли, что я могу такъ спокойно сидѣть въ этомъ укромномъ уголкѣ, между тѣмъ какъ тамъ, снаружи, не переставая, идетъ дождь. Я застегнулъ свою куртку и благодарилъ Бога за то, что у меня теплая куртка. Прошло еще нѣкоторое время. Я заснулъ.

За полдень, я иду домой, дождь еще не переставалъ. Вдругъ мнѣ встрѣчается нѣчто необыкновенное: Эдварда стоитъ передо мною на тропинкѣ. Она насквозь промокла, какъ будто она долго была снаружи, подъ дождемъ, но она улыбается. Ну-ну! тотчасъ же думаю я, и злоба овладѣваетъ мной, я бѣшено сжимаю пальцами ружье и такъ иду къ ней на встрѣчу, хотя она улыбается.

— Здравствуйте!—кричитъ она первая.

Я дожидаюсь, пока не подошелъ къ ней еще на нѣсколько шаговъ ближе, и говорю:

— Привѣтъ вамъ, прекрасная дѣва!

Она удивлена моимъ шутливымъ тономъ. Ахъ, я самъ не зналъ, что говорилъ. Она робко улыбается и смотритъ на меня.

— Вы были въ горахъ сегодня? — спрашиваетъ она.— Какъ вы промокли! У меня есть здѣсь платокъ, если хотите,

возьмите его себѣ, мнѣ его не нужно... Нѣтъ, вы меня не узнаете. И она потупляетъ взоръ и качаетъ головой.

— Платокъ? — спрашиваю я и отъ злобы и удивленія стискиваю зубы.—А у меня есть здѣсь куртка, хотите взять ее? Мнѣ она не нужна, мнѣ хотѣлось кому-нибудь отдать ее, такъ что вы преспокойно можете взять ее. Жена какого-нибудь рыбака съ радостью возьметъ ее.

Я видѣлъ, она напряженно старалась понять, что я хотѣлъ сказать; она слушала съ такимъ нетерпѣніемъ, что стала вдругъ какой-то противной и забыла закрыть ротъ. Она стоитъ съ платкомъ въ рукахъ, это бѣлый шелковый платокъ, она сняла его у себя съ шеи. Я тоже стаскиваю свою куртку.

— Ради Бога, надѣньте ее опять! — восклицаетъ она.— Зачѣмъ вы это дѣлаете? Неужели вы такъ на меня злы? Нѣтъ, Боже мой, надѣньте же ее опять, а то вы насквозь промокнете.

Я надѣлъ куртку.

— Куда это вы?—глухо спросилъ я.

— Такъ, никуда... Я не понимаю, какъ это вы могли снять куртку...

— Куда вы дѣли сегодня барона? — продолжалъ я спрашивать.—Въ такую погоду графъ, конечно, не можетъ быть на морѣ...

— Гланъ, я хотѣла только кой-что сказать вамъ...

Я прерываю ее:

— Осмѣлюсь просить васъ засвидѣтельствовать герцогу мое почтеніе.

Мы смотримъ другъ на друга. Я готовъ безъ конца прерывать ее, какъ только она откроетъ ротъ. Наконецъ, страдальческое выраженіе проскальзываетъ по ея лицу, я отворачиваюсь и говорю:

— Откровенно говоря, совѣтую вамъ отпустить принца на всѣ четыре стороны, йомфру Эдварда. Онъ не годится вамъ въ мужья. Увѣряю васъ, въ эти послѣдніе дни онъ все

ходитъ и размышляетъ, жениться ему на васъ или нѣтъ, а этого вы вовсе не заслужили.

— Нѣтъ, не будемъ объ этомъ говорить, хорошо? Гланъ, я думала о васъ, вы могли снимать свою куртку, чтобы ради какой-нибудь другой промокнуть насквозь, я пришла къ вамъ...

Я пожимаю плечами и продолжаю:

— Вмѣсто того я предлагаю вамъ доктора. Въ чемъ вы его можете упрекнуть? Мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, превосходная голова. Подумайте объ этомъ.

— Послушайте меня хоть минутку...

— Моя собака, Эзопъ, ждетъ меня въ хижинѣ.- -Я снялъ фуражку, поклонился ей и снова сказалъ:- -Привѣтъ вамъ, прекрасная дѣва.

Съ этими словами я пошелъ.

Она закричала.

— Нѣтъ, не разрывай моего сердца на части. Я пришла къ тебѣ сегодня, подстерегала здѣсь тебя и я улыбалась, когда ты пришелъ. Вчера я чуть съ ума не сошла оттого, что все время думала объ одной вещи; комната ходила передо мной кругомъ, и я все думала о тебѣ. Сегодня я сидѣла у себя, кто-то вошелъ; я не посмотрѣла, но знала, кто это пришелъ. Вчера я гребъ цѣлые полфьердинга, — сказалъ онъ.—Неужели вы не устали?—спросила я.—Ахъ, конечно, очень усталъ; и у меня на рукахъ образовались волдыри—, сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, и онъ былъ очень этимъ огорченъ. Я подумала: Вотъ чѣмъ онъ теперь огорченъ! Нѣкоторое время спустя онъ сказалъ: — Сегодня ночью я слышалъ шопотъ подъ моими окнами, это ваша горничная была занята интимной бесѣдой съ кѣмъ-то изъ вашихъ приказчиковъ. Да, они намѣреваются вступить въ бракъ,— сказала я. — Да, но вѣдь это было въ два часа!--Такъ что же?—спросила я и сказала немного спустя:—Ночь принадлежитъ имъ. Тутъ онъ передвинулъ на носу свои золотыя

очки и замѣтилъ:— Но неправда ли, развѣ, по вашему, это прилично, такъ поздно ночью?—Я все не поднимала глазъ, и мы такъ просидѣли минутъ десять.-- Не принести ли вамъ шаль на плечи?—спросилъ онъ.—Нѣтъ, благодарю,—отвѣчала я.—Кто-то завладѣетъ вашей маленькой ручкой? — сказалъ онъ.—Я не отвѣчала, моя мысль была совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ положилъ мнѣ на колѣни маленькую коробочку, я открыла коробку и нашла въ ней булавку, на булавкѣ была корона, и я въ ней насчитала десять камней... Гланъ, булавка у меня здѣсь, хочешь ее посмотрѣть? Она растоптана; поди только и посмотри, какъ она растоптана... Ну, такъ что же мнѣ съ ней дѣлать,—спросила я.—А вы воткните ее себѣ,—отвѣчалъ онъ. Но я протянула ему булавку обратно и сказала:—Оставьте меня въ покоѣ, я думаю больше о другомъ человѣкѣ. Кто этотъ другой?—спросилъ онъ. — Одинъ охотникъ,—отвѣчала я; онъ далъ мнѣ на память только два прекрасныхъ пера; но возьмите же обратно вашу булавку. Но онъ не хотѣлъ брать булавки обратно. Я въ первый разъ взглянула на него, глаза у него такъ и пронизывали.— Я не возьму булавки обратно, дѣлайте съ ней, что хотите, раздавите ее, —сказалъ онъ. Я встала, положила булавку себѣ подъ каблукъ и наступила на нее. Это было сегодня утромъ... Четыре часа я все ходила и ждала; послѣ обѣда я отправилась изъ дому. Онъ встрѣтился со мной на дорогѣ. Куда это вы? — спросилъ онъ. Къ Глану, — отвѣчала я, я попрошу его не забывать меня... Съ часу ждала я здѣсь, я стояла у дерева и видѣла, какъ ты пришелъ; ты былъ, какъ какой-то богъ. Я любила весь твой образъ, твою бороду и твои плечи, все въ тебѣ я любила... Ты сгораешь нетерпѣніемъ, ты хочешь уйти, просто уйти, я для тебя не существую, ты не смотришь на меня...

Я все стоялъ. Когда она умолкла, я снова пошелъ... Отчаяніе лишило меня послѣднихъ силъ, и я улыбался; сердце мое окаменѣло.

— Да, правда, — сказалъ я и опять остановился: — вы что-то вѣдь хотѣли сказать мнѣ?

Эта насмѣшка отняла у нея охоту заниматься мной дальше.

— Я хотѣла вамъ что-то сказать? — Да, но я уже сказала; вы не слыхали? Нѣтъ, больше ничего, ничего мнѣ не остается вамъ сказать...

Голосъ у нея странно дрожитъ, но это меня не трогаетъ.

XXIV.

На слѣдующее утро, когда я выхожу, Эдварда стоитъ у хижины.

Въ теченіе ночи я все взвѣсилъ и принялъ рѣшеніе. Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ было дольше позволять ослѣплять себя этому своенравному человѣку, какой-то рыбачкѣ, неучу; уже не слишкомъ ли долго ея имя сидѣло у меня въ сердцѣ и высасывало его? Довольно съ меня! Мнѣ пришло даже въ голову, что я могу подойти къ ней поближе только для того, чтобы показать ей свое равнодушіе и посмѣяться надъ ней. Ахъ, какъ я восхитительно посмѣялся надъ ней: послѣ того, какъ она говорила въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, я преспокойно замѣчаю ей:—Да, правда, вы что-то вѣдь хотѣли сказать мнѣ...—Она стояла у камня. Она была въ высшей степени возбуждена и хотѣла было бѣжать мнѣ на встрѣчу, она уже раскрыла объятія, но не сдвинулась съ мѣста и начала ломать себѣ руки. Я взялся за фуражку и молча ей поклонился.

— Сегодня мнѣ нужно отъ васъ, Гланъ, только одного,— сказала она съ какой-то особенной силой. Но я не тронулся изъ-за того только, чтобы слышать, что она хотѣла сказать.—Я слышала, вы были у кузнеца. Это было какъ-то вечеромъ. Ева одна была дома.

Я пришелъ въ величайшее изумленіе и отвѣчалъ:

— Отъ кого это вы получили такія свѣдѣнія?

— Я не шпіоню, — воскликнула она: — я слышала это вчера вечеромъ, мнѣ разсказалъ отецъ. Когда я вчера вечеромъ, промокшая насквозь, вернулась домой, отецъ сказалъ:—Ты нынче позволила себѣ издѣваться надъ барономъ.—Вовсе нѣтъ,—отвѣчала я.—Гдѣ ты сейчасъ была? — продолжалъ онъ спрашивать. Я отвѣчала:—У Глана. Тогда отецъ разсказалъ мнѣ объ этомъ.

Я преодолѣваю отчаяніе и говорю:

— Ева бывала даже здѣсь.

— Она даже и здѣсь бывала? Въ хижинѣ?

— Много разъ. Я заставлялъ ее войти. Мы разговаривали.

— И здѣсь бывала!

Молчаніе.—Будь твердъ!—думаю я и говорю:

— Если вы простираете вашу любезность до того, что вмѣшиваетесь въ мои дѣла, я не хочу отъ васъ отставать. Я предлагалъ вамъ вчера доктора; вы подумали объ этомъ? Принцъ, правду сказать, совершенно невозможенъ.

Гнѣвъ зажигается у нея въ глазахъ.

— Знаете что, онъ вовсе не невозможенъ! — говоритъ она, вспыливъ.—Да, онъ лучше васъ, онъ можетъ находиться въ домѣ, не разбивая чашекъ и стакановъ, онъ оставляетъ въ покоѣ мои башмаки. Да. Онъ умѣетъ обходиться съ людьми, но вы смѣшны, мнѣ стыдно за васъ, вы невыносимы, понимаете вы это!

Ея слова задѣли меня за-живое, я наклонилъ голову и отвѣчалъ:

— Вы совершенно правы въ томъ, что я уже разучился обходиться съ людьми. Будьте сострадательны; вы меня не понимаете, я все живу въ лѣсу, это для меня наслажденіе. Здѣсь, въ моемъ уединеніи, никто не страдаетъ отъ того, что я такой, какой я есть; но когда я прихожу въ соприкосновеніе съ другими, я долженъ употребить всѣ свои уси-

лія для того, чтобы вести себя должнымъ образомъ. За послѣдніе два года я такъ мало бывалъ въ обществѣ людей.

— Каждую минуту отъ васъ приходится ожидать какой-нибудь нелѣпой выходки, — продолжала она.—Въ концѣ-концовъ становится утомительнымъ имѣть съ вами дѣло.

Какія это были жестокія слова! Какая-то особенная горькая боль пронизываетъ меня, я почти отшатнулся передъ напоромъ ея горячности. Эдварда еще не кончила, она прибавила:

— Можетъ, Ева захочетъ имѣть съ вами дѣло. Жаль только, что она замужемъ.

— Ева? Вы говорите, Ева замужемъ?—спросилъ я.

— Да, замужемъ.

— За кѣмъ же она замужемъ?

— Вы должны это прекрасно знать. Ева замужемъ за кузнецомъ.

— Развѣ она не дочь кузнеца?

— Нѣтъ, она ему жена. Ужъ не думаете ли вы, что это я вамъ лгу?

Я ничего подобнаго не думалъ, просто только меня это такъ сильно поразило. Я продолжалъ стоять и думалъ: Неужели Ева замужемъ?

— Вы, однако, удачно выбрали,—говоритъ Эдварда.

Ну, однако этому конца не будетъ! Меня начала пробирать гнѣвная дрожь, и я сказалъ:

— Но возьмите же доктора, говорю я вамъ. Послушайтесь дружескаго совѣта; вѣдь принцъ не болѣе, какъ престарѣлый дуракъ.—И я наговаривалъ на него въ своемъ раздраженьи всякую неправду, преувеличилъ его возрастъ; сказалъ, что онъ плѣшивый, что онъ почти совершенно слѣпъ; я заявилъ также, что онъ носитъ запонки съ короной единственно только для того, чтобы похвастать своимъ дворянствомъ.—Я впрочемъ не имѣлъ особеннаго желанія хорошенько познакомиться съ нимъ,—сказалъ я.—Въ немъ нѣтъ ничего выдающагося, ему недостаетъ характерныхъ чертъ, онъ ничего собой не представляетъ.

— Нѣтъ, представляетъ, представляетъ! — восклицаетъ она, и голосъ у нея прерывается отъ гнѣва.—Онъ представляетъ собой нѣчто гораздо большее, чѣмъ ты это, дикарь, думаешь. Но подожди только, о-о, онъ съ тобой поговоритъ, я его объ этомъ попрошу. Ты не вѣришь, что я его люблю, но ты увидишь, что ты ошибаешься; я выхожу за него замужъ, буду думать о немъ день и ночь. Помни же, что я говорю: я люблю его. Пусть только Ева придетъ, ха-ха, Боже мой, пусть ее только придетъ, это для меня совершенно безразлично. Да, мнѣ нужно уходить отсюда прочь...—Она пошла отъ хижины внизъ, по тропинкѣ, сдѣлала нѣсколько маленькихъ поспѣшныхъ шаговъ, обернулась, все еще съ мертвенной блѣдностью на лицѣ, и простонала:—Слышишь, никогда больше не попадайся мнѣ на глаза.

XXV.

Листва желтѣла, картофельная зелень высоко выросла и стояла въ цвѣту, снова наступило время охоты, я стрѣлялъ бѣлыхъ куропатокъ, тетерекъ и зайцевъ, разъ застрѣлилъ орла. Тихое, высокое небо, холодныя ночи, множество ясныхъ гуловъ и милыхъ звуковъ въ лѣсу и въ полѣ. Широко и мирно раскинувшись, покоился міръ...

— Я ничего больше не слыхалъ отъ г-на Мака относительно тѣхъ двухъ гагарокъ, которыхъ я застрѣлилъ, сказалъ я доктору.

— Вы можете поблагодарить за это Эдварду,—отвѣчалъ онъ.—Я знаю это, я слышалъ, какъ она воспротивилась этому.

— Не за что благодарить,—сказалъ я.

Бабье лѣто, бабье лѣто, тропинки лежатъ, какъ пояса,

среди желтѣющаго лѣса, каждый день появляется по новой звѣздѣ, мѣсяцъ мерцаетъ, словно какая-то тѣнь, золотая тѣнь, погруженная въ серебро...

— Богъ съ тобой, Ева, ты, оказывается, замужемъ?

— А ты не зналъ?

— Нѣтъ, я не зналъ.

Она молча сжимаетъ мнѣ руку.

— Господь съ тобой, мое дитя, что же намъ теперь дѣлать?

— Что *ты* хочешь. Ты, можетъ быть, еще не уѣзжаешь; мнѣ будетъ хорошо, пока ты здѣсь.

— Нѣтъ, Ева.

— Да, да, пока только ты здѣсь!

Она безпомощно смотритъ въ даль и все время жметъ мнѣ руку.

— Нѣтъ, Ева, уходи! Навсегда!

И ночи проходятъ, и дни наступаютъ; уже третій день со времени этого разговора. Ева идетъ по дорогѣ съ ношей. Какъ много, однако, дровъ несъ этотъ ребенокъ домой изъ лѣсу, среди лѣта!

— Положи свою ношу, Ева, на земь, и дай мнѣ посмотрѣть, все такіе ли же у тебя голубые глаза.

Глаза у нея красные.

— Нѣтъ, улыбнись опять, Ева. Я не могу больше тебѣ противостоять, я твой, я твой...

Вечеръ. Ева поетъ, я слышу ея пѣнье, и какая-то теплота разливается по всему моему тѣлу.

— Ты поешь сегодня вечеромъ, Ева?

— Да, мнѣ весело.

И такъ какъ она меньше меня ростомъ, она подпрыгиваетъ немножко вверхъ, чтобы достать до моей шеи.

— Но ты, Ева, исцарапала себѣ всѣ руки? Боже мой, зачѣмъ ты ихъ себѣ исцарапала!

— Это ничего не значитъ.

Лицо у ней также какъ-то странно сіяетъ.

— Ева, ты разговаривала съ г-номъ Макомъ?

— Одинъ разъ

— Что онъ сказалъ, и что ты сказала?

— Онъ сталъ ужасно суровъ по отношенію къ намъ, онъ заставляетъ моего мужа день и ночь работать въ амбарѣ, меня онъ тоже сажаетъ за всевозможныя работы. Онъ приказалъ мнѣ исполнять самую тяжелую работу.

— Почему онъ это дѣлаетъ?

Ева потупляетъ глаза.

— Почему онъ это дѣлаетъ, Ева?

— Потому что я тебя люблю.

— Но какимъ образомъ онъ можетъ это знать?

— Я сама ему это сказала.

Молчаніе.

— Дай Богъ, чтобъ онъ не былъ съ тобой суровъ, Ева.

— Но это ничего не значитъ. Ничего не значитъ теперь!

И ея голосъ прозвучалъ въ лѣсу, совсѣмъ какъ переливчатая пѣсенка.

А листва все желтѣетъ и желтѣетъ, дѣло идетъ къ осени, еще больше звѣздъ появилось на небѣ, и мѣсяцъ теперь уже похожъ на серебряную тѣнь, погруженную въ золото. Вовсе не было холодно, ничуть, только въ лѣсу была прохладная тишина, и кипѣла жизнь. Каждое дерево стояло и думало. Ягоды поспѣли.

И вотъ наступило двадцать второе августа и съ нимъ три желѣзныхъ ночи.

XXVI.

Первая желѣзная ночь.

Въ девять часовъ заходитъ солнце. Полупрозрачный мракъ ложится на землю, показываются двѣ-три звѣзды, два часа спустя показывается серпъ луны. Я брожу по лѣсу со своимъ ружьемъ и собакой, развожу огонекъ, и свѣтъ отъ моего костра проникаетъ въ глубь лѣса между стволами сосенъ. Мороза нѣтъ.

Первая желѣзная ночь, говорю я. И безумная жгучая радость какъ-то странно потрясаетъ меня всего, при мысли о времени и мѣстѣ...

Вы, люди, звѣри и птицы, я пью съ вами за уединенную ночь въ лѣсу, въ лѣсу! Пью за мракъ и шопотъ бога среди деревьевъ; за нѣжное, простое благозвучіе, слышимое мной въ молчаніи; за зеленую листву и за желтую листву! Пью за звукъ жизни, который я слышу; за собаку, которая, съ фыркающей мордой въ травѣ, нюхаетъ землю! Съ бурною радостью пью за дикую кошку, которая вытянулась всѣмъ тѣломъ, высматриваетъ и готовится прыгнуть на воробья во мракѣ, во мракѣ! Пью за кроткую тишину въ земномъ царствѣ, за звѣзды и за полумѣсяцъ, да и за нихъ, и за него!..

Я встаю и прислушиваюсь. Никто не слыхалъ меня. Я снова сажусь.

Благодареніе за уединенную ночь, за горы, за мракъ и за шумъ моря, что шумитъ у меня въ сердцѣ! Благодареніе за жизнь, за дыханіе, за счастье жить ночью, я благодарю за это ото всего сердца! Послушай на востокъ и послушай на западъ, нѣтъ, послушай только! Это вѣчный Богъ! Эта тишина, что шепчетъ мнѣ на ухо,—кипучая кровь великой природы, Богъ, пронизывающій міръ и меня. Я вижу блестящую нить паутины при свѣтѣ моего костра, я слышу плывущую по морю лодку, сѣверное сіяніе ползетъ вверхъ

по небу на сѣверѣ. Клянусь своей безсмертною душой, о, какъ благодаренъ я и за то, что это я здѣсь сижу!..

Тишина. Сосновая шишка глухо падаетъ на земь. Упала шишка! думаю я. Мѣсяцъ—высоко, огонь мигаетъ на полусгорѣвшихъ полѣньяхъ и вотъ-вотъ погаснетъ. И поздней ночью я бреду домой.

Вторая желѣзная ночь; такая же тишина и мягкая погода. Моя душа созерцаетъ. Я машинально подхожу къ дереву, надвигаю фуражку низко на лобъ и прислоняюсь спиной къ этому дереву, заложивъ руки за голову. Я пристально смотрю и думаю; пламя моего костра слѣпитъ мнѣ глаза, а я этого не чувствую. Я стою въ этомъ безчувственномъ состояніи довольно-таки долго и смотрю на огонь; ноги у меня начинаютъ подгибаться отъ усталости; совершенно оцѣпенѣлый, я сажусь наземь. Теперь только я соображаю, что я сдѣлалъ. Зачѣмъ это, однако, смотрѣть такъ пристально и долго на огонь?

Эзопъ поднимаетъ голову и присматривается, онъ слышитъ шаги, показывается Ева.

— Я сегодня вечеромъ какъ-то особенно задумчивъ и печаленъ,—говорю я.

И она отъ состраданія ничего на это не отвѣчаетъ.

— Я люблю три вещи,—продолжаю я говорить.—Люблю сонъ, въ которомъ мнѣ разъ пригрезилась любовь, люблю тебя и люблю этотъ клочекъ земли.

— А что ты больше всего любишь?

— Сонъ.

Опять наступаетъ молчаніе. Эзопъ узнаетъ Еву, наклоняетъ голову на бокъ и смотритъ на нее. Я шепчу:

— Я видѣлъ сегодня дѣвушку на дорогѣ, она шла подъ руку со своимъ возлюбленнымъ. Дѣвушка показала на меня глазами и едва могла удержаться отъ смѣха, когда я проходилъ мимо.

— Надъ чѣмъ же она смѣялась?

— Этого я не знаю. Она смѣялась, конечно, надо мной. Почему ты объ этомъ спрашиваешь?

— Ты ее узналъ?

— Да. Я поклонился.

— А она тебя не узнала?

— Нѣтъ... Но зачѣмъ ты все выспрашиваешь у меня? Это нехорошо съ твоей стороны. Ты не заставишь меня сказать ея имя.

Молчаніе.

Я снова шепчу:

— Надъ чѣмъ она смѣялась? Она кокетка; но надъ чѣмъ она смѣялась? Боже мой, что же я ей сдѣлалъ?

Ева отвѣчаетъ:

— Это было нехорошо съ ея стороны смѣяться надъ тобой...

— Нѣтъ, вовсе это не было нехорошо съ ея стороны!— восклицаю я.—Зачѣмъ ты все ее бранишь, она ничего нехорошаго не сдѣлала, она имѣла полное право смѣяться надо мной. Замолчи, чортъ возьми, и оставь меня въ покоѣ, слышишь!

И Ева, перепуганная, оставляетъ меня въ покоѣ; я смотрю на нее и въ то же самое мгновеніе раскаиваюсь въ своихъ грубыхъ словахъ, я падаю передъ ней на колѣни и ломаю руки.

— Иди домой, Ева. Я тебя больше всего люблю; какъ я могъ бы любить сонъ? Я просто пошутилъ, я люблю тебя. Но сейчасъ иди домой, я приду къ тебѣ завтра; помни, я твой, да, не забывай этого. Покойной ночи!

И Ева идетъ домой.

Третья желѣзная ночь, ночь крайней напряженности. Хоть бы чуточку мороза! Вмѣсто мороза неподвижная теплота послѣ дневного солнца; ночь была, словно душное болото. Я развелъ свой костеръ...

— По временамъ, Ева, можно находить извѣстнаго рода удовольствіе въ томъ, что тебя тащутъ за волосы. До такой степени извращенности можетъ дойти человѣческая душа. Тебя тащутъ за волосы внизъ, въ долину, и вверхъ, въ гору; и если кто-нибудь спроситъ тебя, что тутъ, однако, происходитъ, — ты отвѣтишь въ совершенномъ восторгѣ: Меня тащутъ за волосы! И если при томъ спросятъ: Не помочь ли тебѣ, не освободить ли тебя? то ты отвѣтишь: Нѣтъ. И если спросятъ: Но выдержишь ли ты это? то ты отвѣтишь: Да, я это выдержу; такъ какъ я люблю руку, которая меня тащитъ... Знаешь ли ты, Ева, что такое значитъ надѣяться?

— Да, мнѣ кажется.

— Видишь-ли, Ева, надежда это нѣчто удивительное, нѣчто ужасно странное. Ты идешь утромъ гдѣ-нибудь по дорогѣ и надѣешься встрѣтиться на этой дорогѣ съ человѣкомъ, который тебѣ дорогъ. И что же, встрѣчаешь этого человѣка? Нѣтъ. Почему же нѣтъ? А потому, что человѣкъ занятъ въ это утро и находится въ совершенно другомъ мѣстѣ... Я познакомился въ горахъ со слѣпымъ старикомъ, лопаремъ. Пятидесяти - восьми лѣтъ онъ уже совершенно потерялъ зрѣніе, и теперь ему было за семьдесятъ. Ему представилось, что съ теченіемъ времени онъ видѣлъ все лучше и лучше, выздоровленіе постепенно подвигалось впередъ, казалось ему; если ничто не помѣшаетъ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ въ состояніи опять видѣть солнце. У него были еще черные волосы, но глаза у него были совершенно бѣлые. Когда мы сидѣли вмѣстѣ въ его землянкѣ и курили, онъ разсказывалъ обо всемъ, что онъ видѣлъ, прежде чѣмъ ослѣпъ. Онъ былъ крѣпокъ и здоровъ, несмотря на потерю этого чувства; онъ былъ непобѣдимъ и хранилъ свою надежду. Когда мнѣ нужно было уходить, онъ послѣдовалъ за мной изъ хижины и началъ показывать въ различныхъ направленіяхъ. Тамъ —югъ, говорилъ онъ,

а тамъ—сѣверъ. Теперь ты пойдешь сначала въ этомъ направленіи, а когда спустишься по горѣ немного внизъ, то свернешь въ эту сторону, говорилъ онъ. Совершенно вѣрно, отвѣчалъ я. И тутъ лопарь самодовольно засмѣялся и сказалъ: вотъ видишь, этого я не зналъ, когда мнѣ было сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ; значитъ, теперь я вижу лучше, чѣмъ тогда; зрѣніе все улучшается и улучшается. И вотъ онъ нагнулся и снова вползъ въ землянку, въ эту вѣчную землянку, его земную обитель. И онъ снова усѣлся у огня попрежнему, полный надежды на то, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ уже въ состояніи различать блескъ солнца... Ева, это необыкновенно странная вещь — надежда. Напримѣръ, я все хожу теперь и надѣюсь забыть про того человѣка, съ которымъ мнѣ не удалось встрѣтиться сегодня утромъ на дорогѣ.

— Какъ ты чудно говоришь!

— Теперь третья желѣзная ночь. Я обѣщаю тебѣ, Ева, стать совершенно другимъ человѣкомъ завтра. Оставь меня только теперь одного. Ты просто не узнаешь меня завтра, когда я приду, я буду смѣяться и стану цѣловать тебя, красота моя. Подумай мнѣ осталась только эта ночь, а тамъ я стану совершенно другимъ человѣкомъ, еще нѣсколько часовъ — и я совсѣмъ другой. Покойной ночи, Ева.

— Покойной ночи.

Я ложусь поближе къ своему костру и разсматриваю пламя. Еловая шишка падаетъ съ вѣтки, вмѣстѣ съ ней падаетъ на землю одинъ-два сухихъ сучка. Глубокая ночь. Я закрываю глаза.

Черезъ часъ мои чувства начинаютъ колебаться опредѣленнымъ ритмомъ, я образую одно созвучье съ великимъ безмолвіемъ, одно созвучье. Я смотрю на полумѣсяцъ, онъ стоитъ въ небѣ, словно какая бѣлая чешуя, и мнѣ кажется, что я его люблю; я чувствую, какъ я краснѣю. Вотъ онъ

мѣсяцъ! говорю я тихо и страстно, вотъ онъ мѣсяцъ! И мое сердце бьется ему навстрѣчу въ сладостномъ трепетѣ. Это продолжается нѣсколько минутъ. Слабое дуновеніе; какой-то особенный вѣтеръ долетаетъ до меня, странное движеніе воздуха, что это такое? Я оглядываюсь кругомъ и никого не вижу. Вѣтеръ зоветъ меня, и моя душа покорно склоняется на зовъ, я чувствую себя выхваченнымъ изъ обыденной связи моихъ мыслей, прижатымъ къ чьей то невидимой груди, мои глаза увлажняются, я дрожу, — Богъ стоитъ гдѣ-нибудь по близости и смотритъ на меня. Это продолжается опять нѣсколько минутъ. Я поворачиваю голову, странное движеніе воздуха прекращается, и я вижу что-то, какъ бы духа, обращеннаго ко мнѣ спиной, который беззвучно проходитъ черезъ лѣсъ...

Нѣкоторое время я борюсь съ тяжелымъ оцѣпенѣніемъ, я совершенно обезсиленъ этимъ возбужденіемъ, смертельная усталость овладѣваетъ мной, и я засыпаю.

Когда я проснулся, ночь уже прошла. Ахъ, я долгое время бродилъ въ мрачномъ настроеніи, весь въ лихорадкѣ, постоянно ожидая, что я заболѣю той или другой болѣзнью. Предметы неоднократно представлялись мнѣ опрокинутыми, я на все смотрѣлъ воспаленными глазами, глубокая печаль владѣла мной.

Теперь все это прошло.

XXVII.

Осень. Лѣто прошло, оно исчезло такъ же быстро, какъ пришло; ахъ, какъ оно быстро пролетѣло! Теперь наступили холодные дни, я охочусь, ловлю рыбу и пою пѣсни въ лѣсу. И бываютъ дни съ густымъ туманомъ, онъ несется на землю съ моря и все окутываетъ мракомъ. Въ одинъ изъ такихъ дней вотъ что со мной случилось. Во время моихъ странствованій, заблудившись, я попалъ прямо въ приходскій

лѣсъ и вышелъ къ дому доктора. Тамъ были гости, молодыя дамы, съ которыми мнѣ приходилось бывать раньше, танцующая молодежь, настоящіе саврасы безъ узды.

Подкатилъ экипажъ и остановился у садовой ограды; въ экипажѣ сидѣла Эдварда. Она ужасно удивилась, увидавъ меня. Прощайте!—сказалъ я среди всеобщаго молчанія. Но докторъ удержалъ меня. Эдварда въ началѣ была стѣснена моимъ присутствіемъ и потупила глаза, когда я заговорилъ; но потомъ она обошлась и обратилась даже ко мнѣ съ двумя-тремя пустячными вопросами. Она была поразительно блѣдна; сѣдой, холодный туманъ ложился ей на лицо. Она не вышла изъ экипажа.

— Я по дѣлу,—сказала она, смѣясь.—Я сюда прямо отъ приходской церкви, гдѣ я никого изъ васъ не могла найти; мнѣ сказали, что вы здѣсь. Я цѣлые часы проѣздила, чтобы васъ разыскать. У насъ собирается завтра вечеромъ небольшое общество,—по случаю того, что баронъ уѣзжаетъ на слѣдующей недѣлѣ,—мнѣ поручили всѣхъ васъ пригласить. Будутъ и танцы. Завтра вечеромъ.

Всѣ кланялись и благодарили.

Мнѣ она сказала, кромѣ того:

— Пожалуйста, приходите и вы. А то пришлете въ послѣднюю минуту письмо съ извиненіями. Этого она никому другому не говорила. Немного спустя она уѣхала.

Я такъ былъ тронутъ этимъ неожиданнымъ дружелюбнымъ обращеніемъ, я отошелъ на минуту въ сторону и радовался. Затѣмъ я простился съ докторомъ и съ его гостями и отправился домой. Какъ она была ко мнѣ благосклонна, какъ она была ко мнѣ благосклонна! Чѣмъ мнѣ отблагодарить ее за это? Руки у меня ослабли, пріятный холодъ пробѣжалъ по кистямъ. Боже мой, я вотъ иду и, совершенно обезсиленный, шатаюсь отъ радости, думалъ я, и не могу сложить рукъ, а на глазахъ у меня появляются слезы отъ чувства безпомощности; что тутъ подѣлаешь?.. Только поздно вечеромъ я пришелъ домой. Я выбралъ путь мимо пристани и спросилъ какого-то рыбака, не придетъ ли почтовый пароходъ къ завтрашнему вечеру. Ахъ, нѣтъ, почтовый пароходъ долженъ прійти какъ-нибудь на слѣдующей недѣлѣ. Я поспѣшилъ къ хижинѣ и занялся изслѣдованіемъ своей лучшей одежды. Я ее чистилъ и приводилъ въ порядокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней оказались дыры, и я плакалъ и зашивалъ дыры.

Когда я кончилъ съ этимъ, я улегся на нарахъ. Одно мгновеніе длился этотъ покой, вдругъ мнѣ приходитъ мысль, я вскакиваю и, пораженный, останавливаюсь посреди хижины.. Все это опять — однѣ только хитрости, шепчу я. Меня не пригласили бы, если бы я случайно не оказался тутъ же, когда приглашали другихъ; мало того, она совершенно ясно намекнула мнѣ, что я не долженъ приходить, что я долженъ прислать письмо съ извиненіями...

Я не спалъ всю ночь и, когда наступило утро, я пошелъ въ лѣсъ, прозябшій, не выспавшись и чувствуя ознобъ. Хе, теперь въ Сирилундѣ готовятся къ гостямъ! Ну что жъ? Я не пойду туда и не пошлю никакихъ извиненій. Г-нъ Макъ необыкновенно умный человѣкъ, теперь онъ устраиваетъ въ честь барона это празднество; но я не явлюсь, понимаете вы это?..

Густой туманъ лежалъ въ долинѣ и на горахъ, влажная изморозь осѣдала на мою одежду и отягощала ее, лицо у меня захолодало и было мокрое. Только изрѣдка налеталъ порывъ вѣтра и заставлялъ спящіе туманы подниматься и опускаться, подниматься и опускаться.

Наступалъ вечеръ, смеркалось, туманъ все заволакивалъ у меня передъ глазами, и я не могъ ориентироваться по солнцу. Временами я подумывалъ о возвращеніи домой; но мнѣ нечего было спѣшить, я преспокойнѣйшимъ образомъ ошибся въ направленіи и вышелъ къ незнакомой мнѣ части лѣса. Наконецъ, я прислоняю ружье къ стволу дерева и

соображаюсь по своему компасу. Я точно опредѣляю себѣ дорогу и снова начинаю итти. Времени могло быть около восьми, девяти часовъ.

И вотъ что случилось.

Спустя какіе-нибудь полчаса я слышу черезъ туманъ музыку, еще нѣсколько минутъ, и я узнаю мѣсто, я какъ разъ у главнаго зданія Сирилунда. Что это—компасъ своими невѣрными показаніями привелъ меня прямо къ тому самому мѣсту, котораго я хотѣлъ избѣгнуть? Знакомый голосъ зоветъ меня, это голосъ доктора. Немного спустя меня вводятъ въ домъ.

Ахъ, это ружейный стволъ, должно быть, подѣйствовалъ на компасъ и заставилъ его неправильно показывать. Это со мной случилось еще разъ потомъ, въ нынѣшнемъ году. Не знаю, что и подумать.

XXVIII.

Въ продолженіе всего вечера меня не покидало непріятное ощущеніе, что мнѣ не слѣдовало являться въ это общество. Мое прибытіе осталось почти незамѣченнымъ, всѣ такъ были заняты другъ другомъ. Эдварда еле поздоровалась со мной. Я началъ безъ конца пить, такъ какъ я понялъ, что былъ здѣсь лишнимъ, и все-таки не ушелъ.

Г-нъ Макъ все время улыбался, и на лицѣ у него выражалось величайшее удовольствіе, онъ нарядился во фракъ и имѣлъ очень представительный видъ. Его можно было видѣть то тамъ, то здѣсь, въ различныхъ комнатахъ, онъ всюду появлялся среди этой полсотни гостей, иногда танцовалъ какой-нибудь танецъ, шутилъ и смѣялся. Въ глазахъ у него крылось что-то затаенное.

Шумъ отъ музыки и голосовъ раздавался по всему дому. Пять комнатъ было занято гостями, и, кромѣ того,

танцовали въ большой залѣ. Когда я пришелъ, былъ ужинъ. Дѣвушки хлопотливо бѣгали туда и сюда со стаканами и винами, блестящими мѣдными кофейниками, сигарами, трубками, пирожками и фруктами. Всего было вдоволь. Люстры во всѣхъ комнатахъ были въ изобиліи снабжены толстыми свѣчами, отлитыми для этого случая; кромѣ того, были зажжены новыя парафиновыя лампы.

Ева помогала на кухнѣ, я мелькомъ видѣлъ ее.

Баронъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія, хотя онъ велъ себя тихо и скромно и ничуть не выставлялся. Онъ тоже былъ во фракѣ, фалды котораго самымъ жалкимъ образомъ были измяты упаковкой. Онъ то и дѣло разговаривалъ съ Эдвардой, слѣдилъ за ней глазами, чокался съ ней и называлъ ее „Фрёкенъ“, точно такъ же, какъ дочерей пробста и окружного врача. Я все время чувствовалъ къ нему какое-то отвращеніе и просто не могъ даже взглянуть на него безъ того, чтобы тотчасъ же не отвернуться съ печальной и глупой гримасой. Когда онъ обращался ко мнѣ, я отвѣчалъ кратко и затѣмъ сжималъ губы.

Мнѣ кой-что вспоминается изъ этого вечера. Я стоялъ, занятый разговоромъ съ молодой дѣвушкой, блондинкою, и вотъ я что-то сказалъ или разсказалъ ей какую-то исторію, заставившую ее разсмѣяться. Это вовсе не была какая-нибудь замѣчательная исторія; но, можетъ быть, я въ своемъ немного опьяненномъ состояніи разсказалъ ее гораздо забавнѣе, чѣмъ я теперь могу припомнить; это во всякомъ случаѣ вылетѣло у меня изъ головы. Но дѣло въ томъ, что, когда я обернулся, Эдварда стояла сзади меня. Она бросила на меня дружелюбный взглядъ. Потомъ я замѣтилъ, что она увлекла блондинку съ собой, съ намѣреніемъ узнать отъ нея, что я такое сказалъ. Я сказать не могу, какъ благотворно на меня подѣйствовалъ взглядъ Эдварды, послѣ того, какъ я цѣлый вечеръ прослонялся изъ комнаты въ комнату; у меня тотчасъ же на душѣ стало свѣтлѣе, я началъ съ

этихъ поръ больше разговаривать, и со мной поддерживали разговоръ. Насколько мнѣ извѣстно, я не сдѣлалъ никакой оплошности...

Я стоялъ на лѣстницѣ. Изъ комнатъ вышла Ева съ какими-то вещами. Она меня увидала, вышла на лѣстницу и поспѣшно провела своей рукой по моимъ рукамъ, потомъ она улыбнулась и вошла въ комнаты. Никто изъ насъ не заговорилъ. Когда я было пошелъ за ней, Эдварда стояла въ проходѣ и смотрѣла на меня. Она смотрѣла прямо на меня. Впрочемъ, она ничего не сказала. Я вошелъ въ залу.

— Представьте себѣ, лейтенантъ Гланъ для препровожденія времени устраиваетъ свиданія съ прислугой, тамъ, на лѣстницѣ, — вдругъ громко сказала Эдварда. Она стояла въ дверяхъ. Многіе слышали, что она сказала. Она смѣялась, какъ будто она шутила, но лицо у нея было ужасно блѣдно.

Я на это ничего не отвѣтилъ, я только пробормоталъ:

— Это было совершенно случайно, она только что вошла, мы встрѣтились въ передней...

Прошло нѣсколько времени, быть можетъ, съ часъ. Одна дама опрокинула стаканъ себѣ на платье. Лишь только Эдварда увидала это, она воскликнула:

— Что тутъ такое? Это, конечно, Гланъ натворилъ.

Я тутъ былъ не при чемъ, я стоялъ на другомъ концѣ залы, когда случилось несчастье. Съ этихъ поръ я снова началъ пить безо всякой мѣры и держался болѣе у дверей, чтобы быть въ сторонѣ отъ танцующихъ.

Около барона не переставали толпиться дамы; онъ жалѣлъ, что его коллекціи уже упакованы, такъ что онъ не могъ показать кой-что изъ нихъ, этотъ кустикъ водорослей изъ Бѣлаго моря, глину съ Корхольмовъ, необыкновенно интересныя каменныя образованія съ морского дна. Дамы съ любопытствомъ разсматривали его запонки, эти короны съ пятью зубцами, которыя также обозначали баронство. Между тѣмъ докторъ не имѣлъ никакого успѣха, даже его

остроумое проклятіе, это: „Смерть, возьми!“, уже не производило больше никакого впечатлѣнія. Но когда говорила Эдварда, онъ всегда былъ на готовѣ, снова исправлялъ ея рѣчь, ставилъ ее втупикъ мелочными придирками, принижалъ ее своимъ спокойнымъ превосходствомъ.

Она сказала:

— ...Вплоть до тѣхъ поръ, пока мнѣ не придется итти черезъ долину смерти.

— Черезъ что такое?

— Черезъ долину смерти. Развѣ это не такъ называется?

— Я слыхалъ про рѣку смерти. Вы это, навѣрное, хотите сказать.

Потомъ она разсказывала, что она отдала приказаніе стеречь какую-то вещь, какъ стережетъ...

— Драконъ,—подсказалъ докторъ.

— Ну да. Какъ драконъ стережетъ,—отвѣтила она.

Но докторъ сказалъ:

— Вы должны быть мнѣ благодарны за то, что я васъ спасъ. Я увѣренъ, что вы хотѣли сказать—Аргусъ.

Баронъ поднялъ вверхъ брови и бросилъ на него черезъ свои толстые очки удивленный взглядъ; но докторъ не обратилъ на это никакого вниманія. Какое ему было дѣло до барона!

Я все стою у дверей. Въ залѣ танцуютъ кадриль.

Мнѣ удается завязать разговоръ съ приходской учительницей. Мы говоримъ про войну, про положеніе дѣлъ въ Крыму, про событія во Франціи, про Наполеона въ санѣ императора, про его помощь туркамъ; молодая дама читала лѣтомъ газеты и могла мнѣ сообщить новости. Въ концѣ концовъ мы усаживаемся на софѣ и разговариваемъ.

Эдварда проходитъ мимо, она останавливается передъ нами. Вдругъ она говоритъ:

— Г-нъ лейтенантъ извинитъ, что я его накрыла тамъ, на лѣстницѣ. Я никогда этого больше не буду дѣлать.

Она и теперь смѣялась и не смотрѣла на меня.

— Эдварда, перестаньте,—сказалъ я.

Она называла меня „г-нъ лейтенантъ“, это было не къ добру, и выраженіе лица у ней было злое. Я подумалъ о докторѣ и презрительно пожалъ плечами, какъ онъ это бы сдѣлалъ. Она сказала:

— Но почему г-нъ лейтенантъ не отправится на кухню? Ева тамъ. Мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы тамъ быть.

Послѣ этого она съ ненавистью посмотрѣла на меня.

Я сказалъ:

— А вы не слишкомъ ли рискуете быть дурно понятой, йомфру Эдварда?

— Нисколько, какъ это такъ? Впрочемъ, это вполнѣ возможно, но въ чемъ тутъ дѣло?

— Вы иногда говорите такъ необдуманно. Сейчасъ вотъ, напримѣръ, мнѣ показалось, что вы совершенно серьезно отсылали меня на кухню, и это, понятно, недоразумѣніе. Я вѣдь превосходно знаю, что вовсе не было въ вашихъ намѣреніяхъ показаться наглой.

Она отходитъ отъ насъ на нѣсколько шаговъ. Я могъ заключить по ея внѣшнему виду, она все время думала о томъ, что я такое сказалъ. Она повертывается и возвращается назадъ; она говоритъ, тяжело переводя дыханіе:

— Тутъ не было вовсе никакого недоразумѣнія, г-нъ лейтенантъ, вы не ослышались, я отсылала васъ на кухню.

— Ну нѣтъ, Эдварда!—въ ужасѣ восклицаетъ учительница.

И я снова началъ разговоръ про войну и про положеніе дѣлъ въ Крыму; но мои мысли были далеко ото всего этого. Я уже больше не чувствовалъ себя опьянѣвшимъ, только совершенно ошеломленнымъ; почва ускользала у меня изъ-подъ ногъ, и я снова потерялъ равновѣсіе, какъ это со мной, увы, не разъ и раньше случалось. Я поднимаюсь съ софы и хочу уходить. Докторъ останавливаетъ меня.

— Я только-что слышалъ по вашему адресу хвалебную рѣчь,—говоритъ онъ.

— Хвалебную рѣчь? Отъ кого это?

— Отъ Эдварды. Она все еще стоитъ тамъ, въ углу, и пламеннымъ взоромъ смотритъ на васъ. Я никогда этого не забуду, у ней были совершенно влюбленные глаза, и она громко заявила, что она въ восхищеніи отъ васъ.

— Это хорошо,—отвѣчалъ я, смѣясь. Ахъ, у меня въ головѣ не было ни одной ясной мысли.

Я подошелъ къ барону, наклонился къ нему, какъ будто я что-то хотѣлъ ему шепнуть, и когда я былъ достаточно близко отъ него, я плюнулъ ему въ ухо. Онъ вскочилъ и, какъ идіотъ, уставился на меня, въ недоумѣніи отъ моего поступка. Позже я видѣлъ, какъ онъ докладывалъ Эдвардѣ о происшедшемъ и какъ она опечалилась. Она подумала про свой башмакъ, брошенный мною въ воду; про чашки и стаканы, которые я имѣлъ несчастіе разбить; про всѣ остальныя преступленія, совершенныя мною противъ хорошаго тона; все это, непремѣнно, ожило снова въ ея воспоминаніи. Мнѣ стало стыдно за самого себя, со мной было все кончено; куда я ни обращался, я всюду встрѣчалъ боязливые и удивленные взгляды, и я ускользнулъ изъ Сирилунда, ни съ кѣмъ не простившись и никого не поблагодаривъ.

XXIX.

Баронъ уѣзжалъ; прекрасно! Я заряжу ружье, и взберусь на горы, и сдѣлаю громкій выстрѣлъ въ честь его и Эдварды. Я пробуравлю глубокую дыру въ скалѣ и на куски разорву гору въ честь его и Эдварды. И громадный обломокъ скалы покатится внизъ съ горы и съ силой погрузится въ море, когда мимо будетъ проходить его пароходъ. Я знаю одно мѣсто, лощину въ горѣ, гдѣ раньше уже скатывались камни

и образовали свободный путь вплоть до самаго моря. Глубоко внизу находится мѣсто для храненія лодокъ:

— Два бурава!—говорю я кузнецу.

И кузнецъ выковываетъ два бурава...

Евѣ было поручено ѣздить съ одной изъ лошадей г-на Мака взадъ и впередъ по дорогѣ между мельницей и амбаромъ. Она должна была исполнять мужскую работу, — перевозить мѣшки съ зерномъ и мукой. Я встрѣчаю ее, какъ она прекрасна со своимъ свѣжимъ лицомъ! Боже мой, какъ нѣжно пылаетъ ея улыбка! Каждый вечеръ я видался съ ней.

— У тебя такой видъ, Ева, какъ будто ты не знаешь никакихъ заботъ, милая моя.

— Ты называешь меня своей милой! Я необразованная женщина, но останусь тебѣ вѣрна. Я останусь тебѣ вѣрна, хотя бы мнѣ изъ-за этого пришлось умереть. Г-нъ Макъ становится съ каждымъ днемъ все строже и строже, но это меня не безпокоитъ; онъ приходитъ въ бѣшенство, но я ему не отвѣчаю. Онъ схватилъ меня за руку и почернѣлъ отъ ярости. У меня только одна забота.

— Какая же это забота?

— Г-нъ Макъ грозитъ тебѣ. Онъ мнѣ говоритъ:—Ага, это тебѣ лейтенантъ засѣлъ въ голову!—Я отвѣчаю:—Да, я ему принадлежу.—Тогда онъ говоритъ:—Вотъ подожди только, я его спроважу отсюда!—Это онъ говорилъ вчера.

— Это ничего не значитъ; пусть его грозитъ... Ева, я могу посмотрѣть, все такія же у тебя маленькія ноги? Закрой глаза и дай мнѣ посмотрѣть!

И она бросается съ закрытыми глазами мнѣ на шею. Дрожь пронизываетъ ее.

XXX.

Я сижу въ горахъ и буравлю. Меня окружаетъ кристально-прозрачный осенній воздухъ, удары по моему бураву раздаются равномѣрно и строго въ тактъ, Эзопъ смотритъ на меня удивленными глазами. Потокъ удовлетворенности проскальзываетъ по временамъ въ моей груди; никто не знаетъ, что я здѣсь, въ этихъ пустынныхъ горахъ.

Перелетныя птицы теперь отлетѣли, счастливаго пути и благополучнаго возвращенія! Сѣрыя и черныя синицы, да кой-гдѣ горные воробьи—одни остались на пустынныхъ, каменистыхъ обрывахъ и среди кустарника; пипъ—пипъ! Все такъ странно измѣнилось, карликовая береза красной кровью выдѣляется на сѣромъ камнѣ; здѣсь колокольчикъ, тамъ купена поднимаются изъ вереска, и качаются, и тихо напѣваютъ пѣсенку; слышишь? Но надъ всѣмъ паритъ цапля съ вытянутой шеей, направляя свой путь въ горы.

И наступаетъ вечеръ, я прячу свой буравъ и долото подъ камень и отдыхаю. Все дремлетъ, мѣсяцъ поднимается на сѣверѣ, горы бросаютъ гигантскія тѣни. Полнолуніе, мѣсяцъ похожъ на пылающій островъ, онъ похожъ на круглую загадку изъ латуни, вокругъ которой я хожу и дивлюсь. Эзопъ встаетъ и безпокоится.

Чего тебѣ надо, Эзопъ? А мнѣ надоѣла моя печаль, я хочу забыть о ней, утопить ее. Я приказываю тебѣ лежать спокойно, Эзопъ; я не хочу, чтобы меня безпокоили. Ева спрашиваетъ: Думаешь ты иногда обо мнѣ? Я отвѣчаю: Все время о тебѣ. Ева опять спрашиваетъ: И тебѣ доставляетъ радость думать обо мнѣ? Непремѣнно радость, всегда только радость. И вотъ Ева говоритъ: У тебя волоса сѣдѣютъ. И я отвѣчаю: Да, они начинаютъ сѣдѣть. Но Ева спрашиваетъ: Ты о чемъ-нибудь думаешь, оттого они и сѣ-

дѣютъ? И на это я отвѣчаю: Можетъ быть. Потомъ Ева говоритъ: Такъ ты не обо мнѣ одной думаешь...

Эзопъ, лежи себѣ спокойно, я лучше разскажу тебѣ что-нибудь другое...

Но Эзопъ стоитъ и напряженно нюхаетъ по направленію къ долинѣ; онъ визжитъ и тянетъ меня за одежду. Когда я наконецъ встаю и слѣдую за нимъ, онъ бросается оттуда со всѣхъ ногъ. На небѣ, надъ лѣсомъ показывается зарево, я ускоряю шаги въ этомъ направленіи, передъ моими глазами показывается огонь, огромный костеръ. Я останавливаюсь и пристально смотрю, дѣлаю нѣсколько шаговъ и смотрю,—моя хижина вся въ огнѣ.

XXXI.

Пожаръ этотъ былъ дѣломъ рукъ г-на Мака,—я понялъ это съ перваго же мгновенія. Я потерялъ свои звѣриныя шкуры и птичьи крылья, я потерялъ чучело орла; все сгорѣло. Ну что же теперь дѣлать? Я провелъ двѣ ночи подъ открытымъ небомъ, не желая отправляться въ Сирилундъ попросить пристанища, наконецъ я нанялъ покинутую рыбачью хижину у пристани и проконопатилъ ее высушенымъ мохомъ. Я спалъ на подстилкѣ изъ краснаго вереска, принесеннаго мною съ горъ. У меня снова былъ кровъ.

Эдварда прислала нарочнаго съ порученіемъ сказать, что она слышала о моемъ несчастіи и что она теперь предлагаетъ мнѣ отъ имени отца комнату въ Сирилундѣ. Эдварда тронута? Эдварда великодушна? Я не послалъ никакого отвѣта. Слава Богу, я уже больше не былъ безпріютнымъ, и мнѣ это доставило гордую радость—отвѣтить молчаніемъ на приглашеніе Эдварды. Я встрѣтилъ ее на дорогѣ вмѣстѣ съ барономъ, они шли подъ руку, я посмотрѣлъ имъ обоимъ въ лицо и поклонился мимоходомъ. Она остановилась и спросила:

— Вы не хотите жить у насъ, г-нъ лейтенантъ?

— У меня уже готово мое новое помѣщеніе,—отвѣчалъ я и тоже остановился.

Она посмотрѣла на меня, грудь у ней сильно работала.

— И у насъ вамъ ничего бы дурного не сдѣлали,— сказала она.

Въ сердцѣ у меня проснулась благодарность; но я былъ не въ состояніи что-нибудь сказать.

Баронъ незамѣтно отошелъ въ сторону.

— Вы, можетъ, теперь никогда больше не хотите меня видѣть?—спрашиваетъ она.

— Благодарю васъ, іомфру Эдварда, что вы предложили мнѣ помѣщеніе, когда у меня сгорѣла хижина,—сказалъ я.— Это было тѣмъ болѣе благородно, что едва ли вы имѣли на это согласіе вашего отца.—И я благодарилъ ее, снявъ фуражку, за ея приглашеніе.

— Боже мой, неужели вы никогда больше не хотите меня видѣть?—сказала она вдругъ.

Баронъ позвалъ.

— Баронъ зоветъ,—сказалъ я и снова съ низкимъ поклономъ снялъ фуражку.

И я побрелъ въ горы къ своей минѣ. Ничто, ничто не могло уже больше смутить меня. Я встрѣтилъ Еву. Вотъ видишь? воскликнулъ я, г-нъ Макъ никакъ не можетъ меня извести. Онъ сжегъ мою хижину, а у меня теперь уже другая... Въ рукахъ у ней была мазилка и ведро со смолой. Ну какъ дѣла, Ева?

Г-нъ Макъ приказалъ положить тамъ подъ скалой, у лодочной пристани, лодку и велѣлъ ей осмолить ее. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, она должна была повиноваться.

Но почему именно тамъ? Почему не у пароходной пристани?

— Господинъ Макъ такъ приказалъ...

Ева, Ева, моя милая, тебя сдѣлали рабой, и ты не жалуешься. Вотъ теперь ты опять улыбаешься, и жизнь бьетъ ключемъ въ твоей улыбкѣ, хоть ты и раба!

Когда я пришелъ къ моей минѣ, я былъ пораженъ неожиданностью. Я увидалъ, что туда кто-то приходилъ, я сталъ разсматривать слѣды на травѣ и призналъ отпечатки длинныхъ съ острыми носками штиблетъ г-на Мака. Чего это онъ здѣсь рыщетъ и вынюхиваетъ? подумалъ я и оглядѣлся кругомъ. Никого не было видно. Никакого подозрѣнія не пробудилось во мнѣ.

И я усѣлся, чтобы продолжать долбить своимъ бураномъ, не предчувствуя, что за безуміе я дѣлалъ.

XXXII.

Пришелъ почтовый пароходъ, онъ привезъ мнѣ мой мундиръ, онъ долженъ былъ увезти съ собой барона и всѣ его ящики, набитые раковинами и различными породами водорослей. Теперь онъ нагружался у пристани бочками съ сельдью и ворванью, къ вечеру онъ долженъ былъ отплыть.

Я беру ружье и кладу массу пороха въ его оба ствола. Сдѣлавъ это, я киваю самому себѣ. Я иду въ горы и наполняю порохомъ также мою мину и опять киваю. Теперь все готово. Я улегся въ ожиданіи.

Я ждалъ цѣлые часы. Я все время слышалъ, какъ пароходъ, поднимаясь и опускаясь, звенѣлъ цѣпями у пристани. Уже начало смеркаться. Наконецъ, раздается свистокъ, грузъ принятъ, пароходъ отплываетъ. Теперь мнѣ остается ждать всего нѣсколько минутъ. Мѣсяцъ еще не всходилъ, а я, какъ безумный, впивался глазами въ вечерній сумракъ.

Какъ только самый кончикъ бугшприта показался изъ-за островка, я зажегъ свой фитиль и поспѣшно удалился. Про-

ходитъ минута. Вдругъ раздается взрывъ, столбъ каменныхъ осколковъ поднимается въ воздухъ, гора содрагается, и скала съ грохотомъ катится внизъ въ пропасть. Окрестныя горы даютъ отзвукъ. Я хватаюсь за ружье и дѣлаю выстрѣлъ изъ одного ствола; эхо отвѣчаетъ безъ конца многократно. Спустя мгновенье я дѣлаю выстрѣлъ также и изъ другого ствола; воздухъ дрогнулъ отъ моего привѣтствія, и эхо забило тревогу по широкому свѣту; какъ будто горы сговорились всѣ вмѣстѣ громко крикнуть въ честь уходящаго корабля. Проходитъ нѣкоторое время, воздухъ успокаивается, эхо умолкаетъ повсюду въ горахъ, и снова земля лежитъ безмолвной. Корабль исчезаетъ въ сумеркахъ.

Я все еще дрожу отъ какого-то необыкновеннаго напряженія, беру свои бурава и ружье подмышку и начинаю спускаться внизъ, подъ гору, съ ослабѣвшими колѣнями. Я отправился кратчайшимъ путемъ, не отрывая глазъ отъ дымящагося слѣда, оставленнаго моимъ обваломъ. Эзопъ все время идетъ и трясетъ головой, и чихаетъ отъ запаха гари.

Когда я спустился внизъ, къ лодочной пристани, передъ моими глазами предстало зрѣлище, которое привело меня въ ужаснѣйшее волненіе: лежала лодка, совершенно раздробленная скатившимся обломкомъ скалы, и Ева, Ева лежала рядомъ съ ней вся изуродованная и скомканная, вся избитая, съ истерзаннымъ до неузнаваемости бокомъ и животомъ. Ева умерла тутъ же на мѣстѣ.

XXXIII.

Что мнѣ еще писать? Въ продолженіе многихъ дней я не сдѣлалъ ни единаго выстрѣла, мнѣ нечего было ѣсть, и я не ѣлъ, я сидѣлъ въ своемъ сараѣ. Еву отвезли въ церковь на бѣлой домашней лодкѣ г-на Мака, я шелъ берегомъ и встрѣтился съ трупомъ у могилы...

Ева умерла. Ты помнишь ея маленькую дѣвичью головку съ волосами, какъ у монахини? Она появлялась такъ тихо, складывала наземь свою ношу и улыбалась. И ты видѣлъ, какъ эта улыбка кипѣла жизнью? Тише, Эзопъ, мнѣ припоминается странная сага, это было четыре человѣческихъ возраста тому назадъ, во времена Изелины, когда священнослужителемъ былъ Стамеръ.

Одна дѣвушка была заключена въ башню съ крѣпкими стѣнами. Она любила. Почему? Спроси у вѣтра и звѣздъ, спроси у бога жизни; ибо никто другой не знаетъ про то. И онъ былъ ея другомъ и возлюбленнымъ; но время шло, и какъ-то разъ онъ увидалъ другую, и его чувства измѣнились.

Какъ юноша, любилъ онъ дѣвушку. Онъ называлъ ее часто своимъ благословеніемъ и своей голубкой, и у ней была горячая, трепещущая грудь. Онъ сказалъ: Отдай мнѣ свое сердце! И она это сдѣлала. Онъ сказалъ: Могу ли я тебя о чемъ-нибудь просить, возлюбленная? И она отвѣчала, опьяненная, да. Она все ему отдала, и онъ все-таки ее не благодарилъ.

Другую онъ любилъ, какъ рабъ, какъ безумецъ и какъ нищій. Почему? Спроси дорожную пыль и листья, что падаютъ на землю, спроси загадочнаго бога жизни; ибо никто иной не знаетъ про то. Она ему ничего не давала, нѣтъ, ничего она ему не давала, и онъ, однако, ее благодарилъ. Она сказала: Отдай мнѣ твой покой и твой разумъ! И онъ печалился только о томъ, что она не попросила у него жизни.

И его дѣвушку посадили въ башню...

Что ты дѣлаешь, дѣвушка, ты сидишь и улыбаешься?

Я думаю про то, что было десять лѣтъ тому назадъ. Тогда я его встрѣтила.

Ты его еще помнишь?

Я его еще помню.

А время идетъ...

Что ты дѣлаешь, дѣвушка? И почему ты сидишь и улыбаешься!

Я вышиваю его имя на платкѣ.

Чье имя? Того, кто заключилъ тебя здѣсь?

Да, того, кого я встрѣтила двадцать лѣтъ тому назадъ.

Ты его еще помнишь?

Я его помню, какъ прежде.

А время идетъ...

Что ты дѣлаешь, узница?

Я старѣю и мое зрѣніе больше мнѣ не позволяетъ шить, я выскребываю известку изъ стѣны. Изъ извести я лѣплю кувшинъ, посильный даръ для него.

О комъ ты говоришь?

О моемъ возлюбленномъ, что заперъ меня въ башню.

Ты улыбаешься тому, что онъ заперъ тебя здѣсь?

Я думаю о томъ, что онъ теперь скажетъ. Смотрите-ка, скажетъ онъ, моя дѣвушка прислала мнѣ кувшинчикъ, она не забыла меня за эти тридцать лѣтъ.

А время идетъ...

Что ты, узница, сидишь и ничего не дѣлаешь, и улыбаешься?

Я старѣю, старѣю, глаза у меня ослѣпли, я только думаю.

О томъ, кого ты встрѣтила сорокъ лѣтъ тому назадъ?

О томъ, кого я встрѣтила, когда я была молода. Можетъ быть, тому и сорокъ лѣтъ.

Такъ ты не знаешь, что онъ умеръ? Ты блѣднѣешь, старая, ты не отвѣчаешь, губы у тебя побѣлѣли, ты больше не дышишь...

Вотъ она—эта странная сага о дѣвушкѣ въ башнѣ. Подожди немного, Эзопъ, я что-то забылъ: разъ она услыхала на дворѣ голосъ своего возлюбленнаго, и она упала на колѣни и покраснѣла. Тогда ей было сорокъ лѣтъ...

Я погребаю тебя, Ева, и въ смиреніи цѣлую песокъ на твоей могилѣ. Густое, алое воспоминаніе проскальзываетъ внутри меня, при мысли о тебѣ; я весь какъ будто переполняюсь благословеніемъ, при воспоминаніи о твоей улыбкѣ. Ты отдала все, все отдала ты, это тебѣ не стоило никакихъ усилій; ибо ты была опьяненное дитя самой жизни. Но та, другая, что точно ведетъ счетъ даже каждому своему взгляду, можетъ владѣть всѣми моими мыслями. Почему? Спроси у двѣнадцати мѣсяцевъ и у кораблей на морѣ, спроси у загадочнаго бога сердца.

XXXIV.

Кто-то сказалъ:

— Вы больше не стрѣляете? Эзопъ бѣгаетъ на свободѣ по лѣсу, онъ гоняетъ зайца.

Я сказалъ:

— Подите и застрѣлите его для меня.

Прошло нѣсколько дней, меня посѣтилъ г-нъ Макъ; глаза у него ввалились, лицо потемнѣло. Я подумалъ: Правда что-ль я могу видѣть людей насквозь, или это не правда? Я самъ не знаю.

Г-нъ Макъ говорилъ про обвалъ, про эту катастрофу. Это былъ несчастный случай, печальная случайность, я тутъ былъ не при чемъ.

Я сказалъ:

— Если кто-нибудь, во что бы то ни стало, хотѣлъ разлучить меня съ Евой, то онъ этого достигъ. Господь его накажетъ за то!

Г-нъ Макъ недовѣрчиво покосился на меня. Онъ пробормоталъ что-то насчетъ пышности погребенья, для котораго ничего не пожалѣли.

Я сидѣлъ и удивлялся его необыкновенной изворотливости.

Онъ не требуетъ никакого вознагражденія за лодку, разбитую произведеннымъ мною обваломъ.

— Такъ въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я:—вы не желаете взять никакого вознагражденія за лодку и за бадью со смолой, за мазилки?..

— Нѣтъ, милѣйшій г-нъ лейтенантъ,—отвѣчалъ онъ:—какъ это вы могли подумать! — И онъ посмотрѣлъ на меня полными ненависти глазами.

Въ продолженіе трехъ недѣль я не видалъ Эдварды. Впрочемъ, какъ-то разъ я встрѣтился съ ней въ лавкѣ, куда я пришелъ купить себѣ хлѣба, она стояла за прилавкомъ и рылась въ различныхъ матеріяхъ. Кромѣ нея, тамъ было еще двое приказчиковъ.

Я громко поздоровался, и она подняла голову, но не отвѣчала на мое привѣтствіе. Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что я никакъ не могу спросить хлѣба въ ея присутствіи, я обратился къ приказчикамъ и потребовалъ дроби и пороху. Пока мнѣ отвѣшивали, я смотрѣлъ на нее.

Сѣрое, слишкомъ узкое платье съ обтрепанными петлями; плоская грудь сильно работала. Какъ она выросла за лѣто! Ея лобъ думалъ, эти далеко раздвинутыя, изогнутыя брови выдѣлялись у ней на лицѣ, словно какія двѣ загадки; всѣ ея движенія стали болѣе зрѣлыми. Я посмотрѣлъ на ея руки, выраженіе этихъ длинныхъ, тонкихъ пальцевъ подѣйствовало на меня со страшной силой и вызвало во мнѣ дрожь. Она продолжала рыться въ матеріяхъ.

Я стоялъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы Эзопъ забѣжалъ за прилавокъ, прямо къ ней, и призналъ бы ее; тогда я сейчасъ же позвалъ бы его къ себѣ и попросилъ извиненія; что бы она на это отвѣтила?

— Пожалуйте! — говорилъ приказчикъ.

Я заплатилъ, взялъ свои свертки и опять поклонился. Она взглянула, но и теперь не отвѣтила на поклонъ. Пре-

красно! думалъ я; можетъ быть, она уже невѣста барона. И я ушелъ безъ хлѣба.

Когда я вышелъ наружу, я бросилъ взглядъ на окно. Никто не смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ.

XXXV.

И вотъ разъ ночью пошелъ снѣгъ, и въ моей хижинѣ стало холодно. Тамъ былъ очагъ, на которомъ я готовилъ себѣ ѣду, но дрова горѣли очень плохо, и отъ стѣнъ страшно дуло, хотя я ихъ и проконопатилъ какъ можно лучше. Осень прошла, и дни стали короче. Первый снѣгъ, однако, стаялъ на солнцѣ, и земля опять обнажилась, но по ночамъ было холодно, и вода замерзала. И всѣ растенія и насѣкомыя умерли.

Таинственная тишина ложилась на людей, они думали и молчали, ихъ глаза ждали зимы. Никакихъ криковъ не раздавалось больше съ мѣста сушки, и гавань лежала спокойной, все готовилось встрѣтить сѣверное сіянье вѣчной ночи, когда солнце спитъ въ морѣ. Глухо, глухо раздавались удары веселъ отъ какой-то одинокой лодки.

Подплываетъ дѣвушка въ лодкѣ.

— Гдѣ ты была, моя милая.

— Нигдѣ.

— Нигдѣ? Послушай, я тебя узнаю, я тебя встрѣтилъ разъ лѣтомъ.

Она пристала, вышла на берегъ и привязала лодку.

— Ты была пастушкой, ты вязала чулокъ, я встрѣтилъ тебя разъ ночью.

Слабый румянецъ показывается у ней на щекахъ, и она смущенно смѣется.

— Дорогая моя, войди въ хижину и дай мнѣ на тебя посмотрѣть. Тебя вѣдь зовутъ Генріеттой.

Но она молча проходитъ мимо меня. Осень, зима овладѣли ей, ея чувства уже спали.

Солнце уже ушло въ море.

XXXVI.

И я въ первый разъ надѣлъ свой мундиръ, и отправился въ Сирилундъ. Сердце у меня усиленно билось. Я вспоминалъ все съ самаго перваго дня, когда Эдварда поспѣшно подошла ко мнѣ и обняла меня на виду у всѣхъ; и вотъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ она бросала меня то туда, то сюда, и волосы у меня начали сѣдѣть. Самъ виноватъ? Да, моя звѣзда завела меня. Я думалъ: какъ она обрадуется, если я сегодня брошусь передъ ней на колѣни и открою ей тайну своего сердца! Она попроситъ меня сѣсть и велитъ принести вина, и въ то самое мгновеніе, какъ она поднесетъ къ губамъ стаканъ, чтобы выпить вмѣстѣ со мною, она скажетъ: Г-нъ лейтенантъ, благодарю васъ за тѣ минуты, которыя мы провели вмѣстѣ, я никогда ихъ не забуду! Но когда я обрадуюсь и во мнѣ зажжется искорка надежды, она сдѣлаетъ видъ, что пьетъ, и поставитъ стаканъ нетронутымъ назадъ. И она не станетъ скрывать отъ меня, что она только дѣлаетъ видъ, что пьетъ,— наоборотъ, она дастъ мнѣ это понять. Вотъ она какая.

Прекрасно, теперь скоро пробьетъ послѣдній часъ!

И въ то время, какъ я шелъ внизъ по дорогѣ, я продолжалъ думать: мундиръ произведетъ на нее впечатлѣніе, галуны на немъ новенькіе и красивые, сабля будетъ звенѣть по полу. Нервная радость заструилась во мнѣ, и я шепталъ самому себѣ: кто знаетъ, что еще можетъ произойти! Я поднялъ голову и развелъ руками. Довольно униженій, нужно знать себѣ цѣну! Мнѣ все равно, что бы ни случилось, я больше не собирался дѣлать попытокъ къ сбли-

женію. Извините, что я не дѣлаю вамъ предложенія, красавица...

Г-нъ Макъ встрѣтилъ меня наружи, на дворѣ; глаза у него еще больше ввалились, лицо еще больше потемнѣло.

— Уѣзжаете? Ну, ну. Да, за послѣднее время вамъ было не особенно-то уютно; а? Сгорѣла ваша хижина.

И г-нъ Макъ улыбался.

Мнѣ вдругъ представилось, какъ будто я вижу передъ собой умнѣйшаго человѣка во всемъ свѣтѣ.

— Войдите, г-нъ лейтенантъ, Эдварда дома. Ну, прощайте, прощайте. Мы встрѣтимся вѣдь, впрочемъ, на пристани, когда будетъ отходить пароходъ. Онъ удалился, повѣсивъ голову, думая о чемъ-то и насвистывая.

Эдварда сидѣла, въ комнатѣ, она читала. Когда я вошелъ, она на одно мгновенье была поражена видомъ моего мундира, она смотрѣла на меня сбоку, какъ птица, и даже покраснѣла. Ротъ у нея раскрылся.

— Я пришелъ проститься,—произнесъ, наконецъ, я.

Она вдругъ встала, и я видѣлъ, что мои слова произвели на нее нѣкоторое дѣйствіе.

— Гланъ, вы уѣзжаете? Сейчасъ?

— Какъ только придетъ пароходъ.

Я схватываю ея руку, обѣ ея руки, безумный восторгъ овладѣваетъ мной, я восклицаю: Эдварда! и впиваюсь въ нее глазами.

И въ то же самое мгновеніе она становится холодной, холодной и упрямой. Все въ ней—противъ меня, она выпрямилась. Я стоялъ передъ ней, какъ нищій, я выпустилъ ея руки и далъ ей уйти. Я вспоминаю, что съ этого мгновенія я стоялъ и повторялъ машинально: Эдварда! Эдварда! нѣсколько разъ, совершенно не думая о томъ, и когда она спросила: Ну? Что вы хотите сказать? Я ничего ей не могъ сказать

— Подумать только, вы уже уѣзжаете!—повторяла она.— Кто это теперь явится на будущій годъ?

— Кто-нибудь другой,—отвѣчалъ я.—Хижину вѣдь опять выстроятъ.

Молчаніе. Она уже взялась за свою книгу.

— Очень жаль, что моего отца нѣтъ дома, — сказала она.—Но я передамъ ему отъ васъ поклонъ.

На это я не отвѣчалъ. Я выступилъ впередъ, взялъ ея руку еще разъ и сказалъ:

— Да, прощайте, Эдварда.

— Прощайте,—отвѣчала она.

Я открылъ дверь и сдѣлалъ видъ, что ухожу. Она уже сидѣла съ книгой въ рукахъ и читала, въ самомъ дѣлѣ читала и перелистывала.

Никакого, никакого впечатлѣнія не произвела на нее разлука со мной.

Я кашлянулъ.

Она обернулась и сказала, пораженная:

— Вы еще не ушли? Мнѣ показалось, вы ушли.

Богъ знаетъ, но ея удивленіе было слишкомъ велико, она не разсчитала и преувеличила свое изумленіе, и у меня явилась мысль, что она, можетъ быть, все время знала, что я стоялъ сзади нея.

— Теперь я уйду,—сказалъ я.

Тутъ она встала и подошла ко мнѣ.

— Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть что-нибудь отъ васъ на память, разъ вы ужъ уѣзжаете,—сказала она.—Я думала попросить васъ объ одной вещи; но это, конечно, я слишкомъ многаго захотѣла. Отдадите вы мнѣ Эзопа?

Я не успѣлъ подумать, но отвѣчалъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ, вы, можетъ, придете съ нимъ завтра,—сказала она.

Я ушелъ.

Я взглянулъ вверхъ на окно. Тамъ никого не было.

Теперь—все кончено...

Послѣдняя ночь въ хижинѣ. Я былъ въ мечтательномъ настроеніи, я считалъ часы; когда наступило утро, я приготовилъ себѣ въ послѣдній разъ обѣдъ. День былъ холодный.

Зачѣмъ она просила, чтобы я самъ доставилъ ей Эзопа? Хотѣла что-ль она поговорить со мной, сказать мнѣ что-нибудь въ послѣдній разъ? Мнѣ нечего было больше ждать. И какъ она стала бы обращаться съ Эзопомъ? Эзопъ, Эзопъ, она станетъ тебя мучить! Изъ-за меня она будетъ бить тебя, быть можетъ, также и ласкать, но непремѣнно будетъ бить тебя, когда ей вздумается, и въ концѣ испортитъ тебя.

Я подозвалъ Эзопа къ себѣ, поласкалъ его, положилъ наши головы рядышкомъ и взялся за ружье. Онъ уже началъ визжать отъ радости, думая, что мы отправляемся на охоту. Я опять положилъ наши головы рядышкомъ, приставилъ ружейное дуло къ затылку Эзопа и спустилъ курокъ.

Я нанялъ человѣка отнести Эдвардѣ трупъ Эзопа.

XXXVII.

Почтовый пароходъ отходилъ къ вечеру.

Я спустился къ пристани, мой багажъ былъ уже сданъ. Г-нъ Макъ пожалъ мнѣ руку и порадовалъ меня тѣмъ, что мнѣ предстоитъ хорошая погода, пріятная погода, онъ самъ былъ бы не прочь проѣхаться въ такую погоду. Докторъ пришелъ пѣшкомъ, его сопровождала Эдварда; я чувствовалъ, какъ колѣни у меня начинали дрожать.

— Намъ хотѣлось посмотрѣть, какъ вы будете уѣзжать,— сказалъ докторъ.

И я поблагодарилъ.

Эдварда посмотрѣла мнѣ прямо въ лицо и сказала:

— Я должна поблагодарить г-на лейтенанта за его со-

баку. Она крѣпко сжала губы, онѣ были у нея совсѣмъ бѣлыя. Снова она называла меня „г-нъ лейтенантъ".

— Когда отходитъ пароходъ?—спросилъ кого-то докторъ.

— Черезъ полчаса.

Я ничего не сказалъ.

Эдварда въ возбужденіи оборачивалась то туда, то сюда.

— Не пора ли намъ, докторъ, возвращаться домой?— спросила она.—Я сдѣлала свое дѣло.

— Вы исполнили свою обязанность,—сказалъ докторъ.

Она засмѣялась, приниженная его этими постоянными поправками, и отвѣчала:

— Ну да, развѣ я не то же самое сказала?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ коротко и внушительно.

Я посмотрѣлъ на него. Маленькій человѣчекъ стоялъ съ равнодушнымъ и увѣреннымъ видомъ; онъ составилъ себѣ планъ и слѣдовалъ ему до самаго конца. А если онъ все-таки терпѣлъ неудачу? Въ такомъ случаѣ онъ не подавалъ даже и виду, его лицо никогда не искажалось.

Начало смеркаться.

— Ну, прощайте,—сказалъ я:—благодарю васъ за все.

Эдварда, молча, взглянула на меня. И вотъ она повернула голову и стала смотрѣть въ море, по направленію къ пароходу.

Я вошелъ въ лодку. Эдварда все еще стояла на набережной. Когда я прибылъ на пароходъ, докторъ крикнулъ: Прощайте! Я посмотрѣлъ на берегъ, какъ разъ въ это мгновеніе Эдварда повернулась и торопливо уходила съ набережной домой, оставивъ далеко за собой доктора. Такъ я ее видѣлъ въ послѣдній разъ.

Волна грусти пробѣжала въ моемъ сердцѣ...

Пароходъ началъ двигаться; я еще видѣлъ вывѣску г-на Мака: Складъ соли и пустыхъ бочекъ; но скоро и она стушевалась. Выступилъ мѣсяцъ и звѣзды, повсюду кругомъ поднялись горы, и я видѣлъ безконечные лѣса. Вонъ тамъ—

мельница, тамъ, тамъ стояла моя хижина, которая теперь сгорѣла; высокій сѣрый камень одинъ остался на пожарищѣ. Изелина, Ева...

Полярная ночь разстилается надъ горами и долинами.

XXXVIII.

Я писалъ это, чтобы скоротать время. Мнѣ было пріятно вспоминать объ этомъ лѣтѣ въ Сѣверной Норвегіи, когда я часто считалъ часы, но время все-таки летѣло. Все измѣнилось, дни не хотятъ уже больше проходить.

У меня бываютъ еще иногда веселыя минуты, но время стоитъ неподвижно, и я не понимаю, какъ это оно можетъ стоять такъ неподвижно. Я оставилъ военную службу и теперь свободенъ, какъ принцъ, все—какъ нельзя лучше, я встрѣчаюсь съ людьми, разъѣзжаю въ экипажахъ; по временамъ я закрываю одинъ глазъ и пишу на небѣ указательнымъ пальцемъ, я щекочу подъ шейкой мѣсяцъ, и, мнѣ кажется, онъ смѣется, надрывается отъ смѣха, радуясь, словно дурачокъ, что ему щекочутъ подъ шейкой. Все улыбается. Я пускаю пробку въ потолокъ и сзываю веселыхъ людей.

Что касается Эдварды, то я о ней и не думаю. Почему бы мнѣ и не забыть о ней совершенно за такой долгій срокъ? Жизнь мнѣ улыбается. И спроси меня кто-нибудь, есть ли у меня какія заботы,—безъ малѣйшаго колебанія отвѣчу нѣтъ, у меня никакихъ нѣтъ заботъ...

Кора лежитъ и смотритъ на меня, часы тикаютъ на каминѣ, въ открытыя окна ко мнѣ долетаетъ шумъ городской сутолоки. Стучатъ въ дверь, и почтальонъ подаетъ мнѣ письмо. На письмѣ корона. Я знаю, отъ кого оно, я сейчасъ же сообразилъ, или, быть можетъ, это пригрезилось мнѣ раньше какъ-нибудь въ безсонную ночь. Но въ письмѣ ничего не написано, въ немъ лежатъ только два зеленыхъ птичьихъ пера.

Леденящій ужасъ пронизываетъ меня, я холодѣю. Два зеленыхъ пера! говорю я про себя. Ну, что-жъ съ этимъ подѣлаешь! Но почему я холодѣю? Все это проклятый сквознякъ вонъ изъ тѣхъ оконъ.

И я закрываю окна.

Вотъ два птичьихъ пера, продолжаю я думать; мнѣ кажется, я долженъ ихъ знать, они напоминаютъ мнѣ объ одной незначущей шуткѣ на далекомъ сѣверѣ Норвегіи,—пустячное воспоминаніе среди множества другихъ воспоминаній; было пріятно снова увидать эти два пера. И вдругъ, мнѣ кажется, я вижу лицо и слышу голосъ, и голосъ говоритъ: Пожалуйста, г-нъ лейтенантъ, вотъ ваши птичьи перья!

Ваши птичьи перья...

Кора, лежи спокойнѣе, слышишь, я изобью тебя на смерть, пошевелись только! Погода теплая, невыносимая жара; что это мнѣ вздумалось закрыть окна! Раскрыть опять окна, настежь всѣ двери; сюда, веселые люди, входите. Эй, посыльный, сходи-ка, тутъ у меня есть одно дѣльце...

И дни идутъ, но время стоитъ неподвижно.

Все это я писалъ ради своего только удовольствія и развлекался этимъ, насколько могъ. Никакая забота меня не тяготитъ, мнѣ только ужасно хочется уѣхать отсюда, куда, я самъ не знаю, но далеко, далеко, въ Африку что-ль, въ Индію; ибо я принадлежу лѣсамъ и одиночеству.

СМЕРТЬ ГЛАНА.

ЗАПИСКА ОТЪ 1861 Г.

I.

Семейству Главновъ долго еще придется дѣлать въ газетахъ объявленія объ исчезнувшемъ лейтенантѣ Томасѣ Гланѣ, но онъ никогда уже больше не вернется, такъ какъ онъ умеръ, и я знаю даже, какъ онъ умеръ.

По правдѣ сказать, меня ничуть не удивляетъ, что его семейство такъ упорно продолжаетъ свои поиски, ибо Томасъ Гланъ во многихъ отношеніяхъ былъ необыкновеннымъ, да, избраннымъ человѣкомъ. Я упоминаю объ этомъ, чтобы быть справедливымъ, и это, несмотря на то, что Гланъ все еще вызываетъ вражду въ моей душѣ, и воспоминаніе о немъ пробуждаетъ во мнѣ ненависть. Онъ былъ великолѣпенъ, въ расцвѣтѣ молодости, и все существо его имѣло въ себѣ нѣчто обольстительное. Когда онъ смотрѣлъ на кого-нибудь своимъ горячимъ звѣринымъ взглядомъ, совершенно ясно чувствовали его могущество, даже я чувствовалъ это. Кажется, какая-то дама сказала про него: когда онъ на меня смотритъ, я совершенно теряюсь; я испытываю при этомъ такое волненіе, какъ будто онъ прикасается ко мнѣ.

Но у Томаса Глана были свои недостатки, и я не намѣренъ скрывать ихъ, такъ какъ я его ненавижу. Онъ бывалъ временами наивенъ, какъ ребенокъ, такимъ добродушнымъ онъ бывалъ, и, быть можетъ, это-то въ немъ такъ и очаровывало женщинъ, кто знаетъ. Онъ могъ болтать съ

женщинами и смѣяться ихъ безсмысленнымъ глупостямъ, этимъ производилъ онъ на нихъ впечатлѣніе. Онъ сказалъ про одного очень толстаго господина въ городѣ, что онъ имѣетъ такой видъ, какъ будто у него жиръ въ штанахъ, и онъ самъ смѣялся надъ этой остротой, хотя мнѣ лично было бы стыдно за нее. Потомъ какъ-то разъ, когда намъ пришлось жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ, онъ также выказалъ вооЧію свою ребячливость: моя хозяйка пришла разъ утромъ ко мнѣ и спросила, что я хотѣлъ на завтракъ, и впопыхахъ я отвѣтилъ: яйцо и ломоть хлѣба. Томасъ Гланъ какъ разъ въ это время сидѣлъ у меня въ комнатѣ—онъ жилъ въ слѣдующемъ этажѣ, подъ самой крышей—и онъ началъ, какъ младенецъ, смѣяться надъ моей нетребовательностью и радоваться ей. Яйцо и ломоть хлѣба, повторялъ онъ безпрестанно, пока я не посмотрѣлъ на него въ удивленіи, что заставило его замолчать.

Быть можетъ, я припомню также впослѣдствіи многія другія его смѣшныя черты, и въ такомъ случаѣ я упомяну также и о нихъ и не пощажу его, такъ какъ онъ мой непримиримый врагъ. Зачѣмъ мнѣ было бы выказывать свое благородство? Но я долженъ признаться, что онъ глупилъ, только когда бывалъ пьянъ, и въ обоихъ вышеприведенныхъ случаяхъ онъ былъ мертвецки пьянъ. Но напиваться пьянымъ, само-по-себѣ,—развѣ не есть уже большой недостатокъ?

Когда я встрѣтился съ нимъ осенью 1859 г., ему было тридцать два года, мы оба были однихъ лѣтъ. Въ это время онъ былъ съ бородой и носилъ шерстяныя охотничьи рубашки съ преувеличенно вырѣзаннымъ воротомъ, и иногда еще онъ оставлялъ незастегнутой верхнюю пуговицу. Его шея показалась мнѣ въ началѣ необыкновенно красивой, но вскорѣ послѣ того онъ сдѣлалъ меня своимъ смертельнымъ врагомъ, и тогда мнѣ уже не казалось, что его шея красивѣе моей, хотя я и не выставлялъ своей такъ сильно

напоказъ. Я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ на рѣчномъ суднѣ, и мнѣ нужно было на охоту въ то же самое мѣсто, какъ и ему, и мы тотчасъ рѣшили вмѣстѣ продолжать путь внутрь страны на волахъ, такъ какъ по желѣзной дорогѣ мы не могли проѣхать дальше. Я съ намѣреніемъ не называю мѣста, куда мы ѣхали, чтобы не навести когонибудь на слѣдъ; но семейство Главновъ съ спокойнымъ сердцемъ можетъ прекратить свои объявленія относительно ихъ родственника; ибо онъ умеръ въ томъ самомъ мѣстѣ, куда мы ѣхали, и котораго я не хочу назвать.

Впрочемъ, я слыхалъ разговоры о Томасѣ Гланѣ раньше встрѣчи съ нимъ, его имя мнѣ было небезызвѣстно. Я слыхалъ, что онъ находился въ связи съ одной молодой норвежской дѣвушкой изъ хорошей семьи, и что онъ ее скомпрометировалъ такъ или иначе, послѣ чего она порвала съ нимъ. И вотъ онъ въ своемъ глупомъ упорствѣ поклялся выместить это на самомъ себѣ, и дама преспокойно предоставила дѣлать, что ему было угодно, съ такимъ видомъ, какъ будто это совершенно ея не касалось. Съ этихъ поръ впервые имя Томаса Глана сдѣлалось довольно извѣстнымъ; онъ велъ себя дико, нелѣпо; сталъ пить, дѣлалъ скандалъ за скандаломъ и подалъ въ отставку изъ военной службы. Также довольно странный способъ мстить за отказъ!

Ходилъ еще другой слухъ объ его отношеніяхъ къ молодой дамѣ: онъ вовсе и не думалъ ее компрометировать, но ея семейство указало ему дверь, и она сама способствовала этому, послѣ того какъ за нее посватался одинъ шведскій графъ, имени котораго я не хочу называть. Но я меньше довѣряю этому слуху и первый признаю болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ я ненавижу Томаса Глана и считаю его способнымъ на самое худшее. Но было ли это такъ или иначе, онъ самъ никогда не говорилъ объ этой связи съ высокопоставленной дамой, да я и не разспрашивалъ его. Какое мнѣ было дѣло?

Когда мы сидѣли тамъ на палубѣ рѣчного судна, мнѣ помнится, мы не говорили ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о той маленькой деревушкѣ, куда мы тогда направлялись, и гдѣ раньше никто изъ насъ не бывалъ.

— Тамъ должно быть нѣчто въ родѣ отеля, — сказалъ Гланъ и посмотрѣлъ на карту.—Можетъ, на наше счастье, мы найдемъ тамъ помѣщеніе; хозяйка — старая англійская halfbreed *), разсказывали мнѣ. Вождь живетъ въ сосѣдней деревнѣ, у него должно быть много женъ, инымъ только десять лѣтъ.

Ну, этого я не зналъ, много ли было женъ у вождя, и имѣлся ли отель въ деревнѣ, на это я ничего не сказалъ, но Гланъ засмѣялся, и его улыбка мнѣ показалась прекрасной.

Впрочемъ, я забылъ, что его ни въ коемъ случаѣ нельзя было назвать безукоризненнымъ во всѣхъ отношеніяхъ мужчиной, хотя онъ и имѣлъ такую представительную наружность; онъ самъ разсказывалъ, что у него была старая огнестрѣльная рана въ лѣвой ногѣ, и что эта рана вызывала ломоту при малѣйшей перемѣнѣ погоды.

II.

Недѣлю спустя мы уже расположились въ большой хижинѣ, извѣстной подъ именемъ отеля, у старой англійской *halfbreed*. Ну, ужъ и отель! Стѣны были изъ глины и небольшого количества дерева, и дерево было насквозь изъѣдено бѣлыми муравьями, ползавшими повсюду кругомъ; я жилъ въ помѣщеніи рядомъ съ залой, въ немъ было окно на улицу, съ зеленымъ стекломъ, въ одну оконницу, не особенно-то много дававшее свѣта; а Гланъ выбралъ

*) Полукровка.

крошечную каморку на верху, на чердакѣ, откуда у него также выходило на улицу окно съ однимъ стекломъ, но эта каморка была еще темнѣе и неудобнѣе для жилья. Солнце пекло у него сквозь соломенную крышу, и отъ этого въ его комнатѣ и днемъ и ночью была почти невыносимая жара: въ довершеніе всего къ нему вела вовсе не настоящая лѣстница, но жалкая лѣсенка въ четыре ступеньки. Развѣ это была моя вина? Я предоставилъ выборъ Глану, я сказалъ:

— Тутъ двѣ комнаты, наверху и внизу, выбирайте!

И Гланъ смотрѣлъ обѣ комнаты и выбралъ верхнюю, можетъ быть для того, чтобы мнѣ оставить лучшую; но, можетъ, я даже долженъ былъ поблагодарить его за то? Я ничѣмъ ему не обязанъ.

Пока стояла нестерпимая жара, мы не ходили на охоту, а преспокойно находились около хижины, такъ какъ жара была слишкомъ ужъ невыносима. Ночью мы спали, окруживъ нары сѣткой для предохраненія отъ насѣкомыхъ; но иногда все-таки слѣпая летучая мышь налетала безъ шума, но съ бѣшенствомъ, на наши сѣтки и разрывала ихъ; съ Гланомъ это случалось очень часто, такъ какъ ему постоянно приходилось держать открытымъ отверстіе въ крышѣ изъ-за жары, но со мной этого не случалось. Днемъ мы лежали на цыновкахъ передъ своей хижиной, курили и наблюдали жизнь у другихъ хижинъ. Туземцы были смуглы и съ толстыми губами, всѣ съ кольцами въ ушахъ и мертвенными карими глазами; они ходили почти голыми, имѣя только у пояса полоску хлопчато-бумажной ткани или плетенку изъ листьевъ, а женщины кромѣ того также носили для прикрытія короткую бумажную юбку. Всѣ дѣти и днемъ, и ночью ходили совершенно голыми съ ужасно большими выпяченными животами, лоснящимися отъ сала.

— Женщины слишкомъ жирны,—говорилъ Гланъ.

И по-моему также женщины были слишкомъ жирны, и,

быть можетъ, даже не Глану, а мнѣ первому пришла эта мысль; но я не оспариваю у него этой мысли и охотно уступаю ему честь первенства. Впрочемъ, не всѣ женщины были отвратительны, хотя лица у нихъ и были такія жирныя и обрюзглыя; я встрѣтилъ въ деревнѣ одну дѣвушку, молодую тамиліинку-метиску, съ длинными волосами и бѣлоснѣжными зубами, она была самой красивой изъ всѣхъ. Я натолкнулся на нее разъ вечеромъ на опушкѣ рисоваго поля, она лежала на животѣ въ высокой травѣ и болтала въ воздухѣ ногами. Она могла со мной разговаривать, и мы проговорили даже до тѣхъ поръ, пока мнѣ не надоѣло; было уже почти утро, когда мы разстались, и она не пошла прямо домой, но сдѣлала видъ, какъ будто она провела всю ночь въ сосѣдней деревнѣ. Гланъ просидѣлъ этотъ вечеръ посреди деревни, передъ какой-то маленькой хижиной, въ обществѣ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ; онѣ были очень молоды; можетъ, имъ было не больше, чѣмъ по десяти лѣтъ; онъ сидѣлъ съ ними и болталъ, и пилъ вмѣстѣ съ ними рисовую водку, это было въ его духѣ.

Два дня спустя мы пошли на охоту. Мы прошли чайныя плантаціи, рисовыя поля и луга, оставили городъ позади себя и пошли по направленію къ рѣкѣ; мы вошли въ лѣсъ странныхъ, незнакомыхъ намъ деревьевъ: бамбука, манговаго, гамаринда, тика, сала, маслины и камеднаго дерева; да, Богъ знаетъ, что это были за деревья, мы оба мало понимали въ этомъ. Но въ рѣкѣ воды было мало, и въ ней постоянно была низкая вода вплоть до дождливаго времени. Мы стрѣляли дикихъ голубей и пѣтуховъ, а подъ вечеръ мы увидали двухъ пантеръ; надъ нашими головами летали также и попугаи. Гланъ стрѣлялъ ужасно мѣтко, онъ никогда не давалъ промаха, но это происходило также оттого, что его ружье было лучше моего, я также не разъ стрѣлялъ ужасно мѣтко. Я никогда не хвасталъ этимъ, но Гланъ часто говаривалъ: этой я попаду въ хвостъ, этой я влѣплю въ голову;

такъ онъ говорилъ, не спуская еще курка, и когда птица падала, дѣйствительно оказывалось, что онъ попалъ ей въ хвостъ или въ голову. Когда мы наткнулись на двухъ пантеръ, Гланъ непремѣнно хотѣлъ напасть и на нихъ также со своимъ охотничьимъ ружьемъ, но я заставилъ его отказаться отъ этого, такъ какъ начало смеркаться, и у насъ оставалось въ запасѣ всего пара патроновъ. Онъ кичился также и тѣмъ, что выказалъ достаточно мужества, намѣреваясь стрѣлять по пантерамъ дробью.

— Досадно, что я все-таки не выстрѣлилъ, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Почему это вы такъ дьявольски осторожны? Вамъ хочется что-ль долго прожить?

— Очень радъ, что вы находите меня благоразумнѣе себя самихъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, чего ссориться изъ-за такихъ пустяковъ,—сказалъ онъ на это.

Это были его слова, а не мои: если кто хотѣлъ ссориться, то, во всякомъ случаѣ, не я первый. Я началъ чувствовать къ нему недоброжелательство за его легкомысленное поведеніе и обольстительныя наклонности. Наканунѣ вечеромъ я шелъ преспокойно съ Маггіэ, съ тамиліинкой, которая была моей подругой, и оба мы были въ прекрасномъ расположеніи духа. Гланъ сидитъ у хижины, кланяется и улыбается намъ, когда мы проходимъ мимо; но Маггіэ увидала его тогда въ первый разъ и съ любопытствомъ стала разспрашивать о немъ. Онъ произвелъ на нее такое сильное впечатлѣніе, что, когда намъ пришло время разставаться, каждый изъ насъ пошелъ въ свою сторону; она не проводила меня до дому.

Когда я завелъ съ Гланомъ разговоръ по этому поводу, онъ хотѣлъ повернуть дѣло такъ, какъ будто это не имѣло никакого значенія. Но я этого не забылъ. Онъ вовсе не мнѣ смѣялся и улыбался, когда мы проходили мимо хижины, а Маггіэ.

— Чего это она все ходитъ и жуетъ? — спросилъ онъ меня.

— Не знаю,—отвѣчалъ я:—на то ей и зубы даны, чтобы жевать.

И это вовсе не было для меня новостью, что Маггіэ постоянно что-нибудь жуетъ, я уже давно замѣтилъ это. Но она жевала вовсе не бетель, такъ какъ зубы у ней были совершенно бѣлые; напротивъ, она имѣла привычку жевать всевозможныя другія вещи, запихивать ихъ въ ротъ и жевать, какъ будто это было что-нибудь вкусное. Ей было рѣшительно все равно, что жевать: монету ли, кусочекъ бумаги или птичье перо. Но это во всякомъ случаѣ ничуть не могло унизить ее, такъ какъ все-таки она была самой красивой дѣвушкой въ деревнѣ; но Гланъ мнѣ завидовалъ, вотъ въ чемъ было дѣло.

На слѣдующій вечеръ, впрочемъ, мы снова помирились съ Маггіэ, и намъ не было никакого дѣла до Глана.

III.

Прошла недѣля, мы каждый день ходили на охоту и стрѣляли множество дичи. Разъ утромъ, только что мы вступили въ лѣсъ, Гланъ схватилъ меня за руку и прошепталъ: Стойте! Въ то же мгновенье онъ вскидываетъ винтовку къ щекѣ и палитъ. Это онъ стрѣлялъ по молодому леопарду. Я также могъ бы выстрѣлить въ тотъ разъ, но Гланъ оставилъ честь за собой и выстрѣлилъ первый. Какъ онъ теперь опять будетъ хвастать! подумалъ я. Мы приближаемся къ мертвому звѣрю, онъ убитъ наповалъ, лѣвый бокъ разорванъ, и пуля засѣла въ спинѣ.

Я терпѣть не могу, чтобы меня хватали за руку, а потому я сказалъ:

— Я также могъ бы сдѣлать такой выстрѣлъ.

Гланъ посмотрѣлъ на меня.

Я повторяю:

— Можетъ, вы думаете, я не могу сдѣлать такого выстрѣла?

Гланъ не отвѣчаетъ даже и на это. Вмѣсто того онъ еще разъ показываетъ свою ребячливость и снова простреливаетъ уже мертваго леопарда, на этотъ разъ въ голову. Я смотрю на него, какъ съ неба свалившись.

— Да,—говоритъ онъ въ объясненіе:—я не хочу, чтобы узнали, что я попалъ леопарду въ бокъ.

Это было слишкомъ для его тщеславія, что онъ сдѣлалъ такой простой выстрѣлъ, всегда ему хотѣлось быть первымъ. Какъ онъ былъ глупъ! Но это было не мое дѣло, я не намѣревался изобличать его.

Вечеромъ, когда мы вернулись въ деревню съ мертвымъ леопардомъ, множество туземцевъ собралось посмотрѣть на него. Гланъ сказалъ между прочимъ только, что мы застрѣлили его утромъ и больше объ этомъ тогда не распространялся. Маггіэ также явилась.

— Кто его застрѣлилъ?—спросила она.

И Гланъ отвѣчалъ:

— Сама видишь: двѣ раны, мы застрѣлили его утромъ, только что вышли.—И онъ перевернулъ звѣря и показалъ ей обѣ раны, и въ боку, и въ головѣ.—Сюда вотъ попала моя пуля,—сказалъ онъ и показалъ на рану въ боку, такъ какъ онъ въ своей дурачливости хотѣлъ оставить за мной выстрѣлъ въ голову. Мнѣ не хотѣлось поправлять его, я такъ и оставилъ это. Потомъ Гланъ началъ угощать туземцевъ рисовой водкой, да, каждому, кто только хотѣлъ, онъ позволялъ пить безъ конца.

— Вы его застрѣлили оба,—сказала Маггіэ про себя, и однако она смотрѣла все время на Глана.

Я отвелъ ее съ собой къ сторонкѣ и сказалъ:

— Почему ты все время смотришь на него? Я тоже стою совсѣмъ рядомъ съ тобой.

— Да,—отвѣчала она.—Послушай, я приду сегодня вечеромъ.

Какъ разъ на слѣдующій день Гланъ получилъ письмо. А именно, нарочный привезъ ему письмо съ почтовой пристани, и оно должно было сдѣлать обходъ въ сто восемьдесятъ миль. Письмо было написано дамской рукой, и я подумалъ про себя, что, быть можетъ, оно было отъ его прежней подруги, высокопоставленной дамы. Прочитавъ его, Гланъ нервно засмѣялся и далъ посыльному на чай бумажку за то, что онъ принесъ письмо. Но немного спустя онъ сдѣлался молчаливымъ и мрачнымъ; только и дѣлалъ, что смотрѣлъ прямо передъ собой. Вечеромъ онъ напился пьянъ въ обществѣ стараго карлика-туземца и его сына, онъ обнималъ также и меня и непремѣнно хотѣлъ заставить меня пить вмѣстѣ съ нимъ.

— Вы такъ любезны сегодня вечеромъ,—сказалъ я.

На это онъ преувеличенно громко разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Вотъ лежимъ мы теперь здѣсь оба въ самой глубинѣ Индіи и стрѣляемъ дичь, какъ вамъ это кажется? Ужасно чудно! Такъ за здоровье всѣхъ царствъ и странъ земныхъ, за здоровье всѣхъ красивыхъ женщинъ, дамъ и дѣвицъ, близкихъ и далекихъ. Ха, ха! Подумать только: мужчина, и вдругъ ему дѣлаетъ предложеніе женщина, замужняя женщина!

— Графиня!—сказалъ я насмѣшливо; я сказалъ ужасно насмѣшливо, и это задѣло его за живое, онъ взвылъ, какъ собака, такъ его это задѣло. И вотъ онъ вдругъ наморщилъ лобъ, и началъ мигать глазами и внимательно припоминать, не сказалъ ли онъ слишкомъ много, — такъ торжественно онъ оберегалъ свою ничтожную тайну. Но въ то же мгновеніе появилось нѣсколько ребятишекъ, которые бѣжали по направленію къ нашей хижинѣ, звали и кричали:

— Тигры, ой, ой, тигры!—Ребенокъ былъ захваченъ тигромъ почти у самой деревни, въ кустарникѣ, между селеніемъ и рѣкой.

Этого было достаточно для Глана, онъ былъ пьянъ и въ растерзанномъ состояніи духа, онъ схватилъ свою винтовку и въ то же мгновеніе бросился бѣжать внизъ къ кустарнику; онъ не надѣлъ даже шляпы. Но зачѣмъ же онъ теперь взялъ винтовку, вмѣсто охотничьяго ружья, если ужъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такой храбрецъ? Онъ долженъ былъ перейти вбродъ рѣку, что было не безопасно, но рѣка впрочемъ, тоже бывала почти безъ воды до самаго періода дождей; нѣкоторое время спустя я услыхалъ два выстрѣла и непосредственно вслѣдъ затѣмъ еще третій выстрѣлъ. Три выстрѣла по одному звѣрю! думалъ я, левъ пошатнулся бы отъ двухъ выстрѣловъ, а тутъ всего только тигръ. Но даже и эти три выстрѣла были безполезны, ребенокъ все-таки былъ разорванъ въ клочья и наполовину съѣденъ, когда Гланъ явился; если бы онъ не былъ такъ пьянъ, онъ бы даже и не сдѣлалъ попытки спасти ребенка.

Ночь онъ провелъ въ пьянствѣ, въ хижинѣ, сосѣдней съ нашей, въ обществѣ вдовы и ея двухъ дочерей, неизвѣстно съ кѣмъ изъ нихъ именно.

Цѣлыхъ два дня Гланъ не протрезвлялся ни на одно мгновенье, и онъ пріобрѣлъ также много товарищей по выпивкѣ. Тщетно онъ уговаривалъ меня принять участіе въ пьянствѣ; онъ уже не обращалъ вниманія на то, что говорилъ, и упрекалъ меня въ томъ, что я ревную къ нему.

— Ваша ревность васъ ослѣпляетъ,—говорилъ онъ.

Моя ревность! Я ревную къ нему!

— Что еще выдумали,—говорилъ я:—я ревную къ вамъ! За что же мнѣ ревновать къ вамъ?

— Ну хорошо, стало быть вы не ревнуете ко мнѣ,—отвѣчалъ онъ.—Да, между прочимъ, я встрѣтилъ Маггіэ сегодня вечеромъ, она жевала, какъ всегда.

Я затаилъ отвѣтъ въ себѣ и отошелъ отъ него.

IV.

Мы снова начали ходить на охоту. Гланъ чувствовалъ что онъ несправедливо поступилъ по отношенію ко мнѣ, и просилъ у меня прощенія.

— Въ концѣ концовъ мнѣ ужасно надоѣло все это,— говорилъ онъ:—мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы какъ-нибудь промахнулись и всадили мнѣ пулю въ шею.

Вотъ какія мысли приходили ему въ голову, что я долженъ влѣпить ему пулю въ шею. Быть можетъ, это опять письмо отъ графини всплыло въ его памяти, и я отвѣчалъ:

— Что посѣешь, то и пожнешь.

Онъ становился съ каждымъ днемъ все молчаливѣе и мрачнѣе, онъ не пилъ больше и не говорилъ больше ни слова, щеки у него впали.

Какъ-то разъ я услыхалъ вдругъ болтовню и смѣхъ подъ моимъ окномъ, я выглянулъ, Гланъ снова былъ превеселенькій, стоялъ и громко разговаривалъ съ Маггіэ. Онъ пустилъ въ ходъ все свое искусство обольстителя. Маггіэ только что пришла прямо изъ дому, и Гланъ подстерегъ ее. Они нисколько не стѣснялись имѣть другъ съ другомъ дѣло, какъ разъ у меня подъ окномъ.

Я весь затрепеталъ и поднялъ курокъ у винтовки, но потомъ опустилъ его опять. Я вышелъ къ нимъ и взялъ Маггіэ за руку; мы пошли молча вонъ изъ деревни; Гланъ тотчасъ же исчезъ въ хижинѣ.

— Зачѣмъ ты опять съ нимъ разговариваешь?—спросилъ я Маггіэ.

Она не отвѣчала.

Я чувствовалъ смертельное отчаяніе, сердце билось у меня такъ сильно, что я едва могъ перевести дыханіе. Никогда раньше я не видалъ Маггіэ такой красивой, я никогда

не видалъ бѣлой дѣвушки такой красоты, и тутъ я забылъ, что она была тамилiинка и все забылъ изъ-за нея.

— Отвѣть же мнѣ,—сказалъ я:—зачѣмъ ты съ нимъ разговариваешь?

— Онъ мнѣ нравится больше,—отвѣчала она.

— Онъ тебѣ нравится больше меня?

— Да.

Такъ, онъ ей нравится больше меня, хотя я могъ свободно съ нимъ потягаться! Развѣ я не относился къ ней всегда по-дружески и не давалъ ей денегъ и подарковъ? А онъ что для нея сдѣлалъ?

— Онъ смѣется надъ тобой, онъ говоритъ, что ты жуешь,— сказалъ я.

Этого она не поняла, и я долженъ былъ объяснить ей, что у нея была привычка постоянно все запихивать въ ротъ и жевать, и что Гланъ смѣялся надъ ней по этому поводу.

Изо всего мной сказаннаго это произвело на нее самое сильное впечатлѣніе.

— Послушай, Маггіэ,—говорилъ я потомъ:—ты должна быть моей навсегда; хочешь? Я думалъ о томъ, ты должна послѣдовать за мной, когда я уѣду отсюда, я женюсь на тебѣ, слышишь, и мы уѣдемъ ко мнѣ на родину и будемъ тамъ жить. Хочешь?

И это также произвело на нее впечатлѣніе. Маггіэ оживилась и много со мной разговаривала во время прогулки. Она только разъ помянула Глана, она спросила:

— А Гланъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нами?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—онъ не поѣдетъ. Ты огорчена этимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала она торопливо:—я рада этому.

Больше она о немъ ничего не говорила, и я успокоился. Маггіэ даже пошла со мной домой, когда я ее объ этомъ попросилъ.

Когда она оставила меня часа черезъ два, я взобрался

по лѣсенкѣ къ комнатѣ Глана и постучался въ тоненькую камышевую дверь. Онъ былъ дома. Я сказалъ:

— Я пришелъ сказать вамъ, что, быть можетъ, намъ не слѣдовало бы итти завтра на охоту.

— Почему такъ?—спросилъ Гланъ.

— А потому, что я не отвѣчаю, что я не промахнусь и не влѣплю вамъ пули въ шею.

Гланъ не отвѣчалъ, и я опять сошелъ внизъ. Послѣ этого предостереженія ему во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы итти на охоту на слѣдующій день; но зачѣмъ это онъ подманилъ Маггіэ ко мнѣ подъ окно и громко съ ней болталъ? Почему онъ не возвращался на родину, если письмо въ самомъ дѣлѣ призывало его обратно? Вмѣсто того, онъ то-и-дѣло принимался шагать, скрежеталъ зубами и оглашалъ воздухъ криками:—Никогда! никогда! Пусть меня лучше четвертуютъ!

Но на слѣдующее утро, несмотря на мое предостереженіе наканунѣ вечеромъ, Гланъ стоялъ все-таки передъ моей кроватью и кричалъ:

— Вставай, вставай, пріятель! Прелестная погода, пострѣляемъ немножко. А что вы вчера вечеромъ говорили, такъ это глупости.

Времени было не больше четырехъ часовъ, но я тотчасъ всталъ и приготовился итти съ нимъ, разъ ужъ тотъ не обращалъ вниманія на мое предостереженіе. Я зарядилъ ружье, прежде чѣмъ выйти изъ дому, и онъ долженъ былъ стоять и смотрѣть, какъ я заряжалъ. Въ довершеніе всего погода была вовсе не такая ужъ прелестная, какъ выходило по его словамъ; шелъ дождь, и такимъ образомъ ему лишній разъ удалось посмѣяться надо мной; но я, какъ ни въ чемъ не бывало, молча, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Цѣлый день мы колесили по лѣсу, каждый со своими собственными мыслями. Мы ничего не застрѣлили, мы давали промаху по дичи выстрѣлъ за выстрѣломъ, такъ какъ мысли наши были заняты совсѣмъ не охотой. Около полудня Гланъ пошелъ немного впереди меня, какъ будто онъ хотѣлъ предоставить мнѣ болѣе удобный случай сдѣлать съ нимъ, что мнѣ хотѣлось; онъ шелъ какъ разъ передъ дуломъ ружья, но я стерпѣлъ и это издѣвательство. Мы вернулись домой къ вечеру, все обошлось благополучно. Я подумалъ: можетъ быть, онъ теперь образумится и оставитъ Маггіэ въ покоѣ!

— Это былъ самый длинный день во всей моей жизни,— сказалъ Гланъ вечеромъ, когда мы стояли у хижины.

Больше между нами ничего не было сказано.

Въ слѣдующіе дни онъ былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, вѣроятно, все изъ-за того же письма. Нѣтъ, это совершенно невыносимо, совершенно невыносимо!—говорилъ онъ иногда по ночамъ, такъ что было слышно на всю хижину. Его раздраженіе зашло такъ далеко, что онъ часто не отвѣчалъ на самые дружелюбные вопросы нашей хозяйки, и онъ даже стоналъ во время сна. Что-то лежитъ у него на совѣсти! думалъ я; но почему же тогда онъ не уѣзжаетъ на родину? Конечно, гордость не позволяла ему этого, онъ не хотѣлъ оказаться изъ числа тѣхъ, кто возвращается послѣ того, какъ имъ разъ уже указали дверь.

Я встрѣчался съ Маггіэ каждый вечеръ, и Гланъ съ ней больше не разговаривалъ. Я обратилъ вниманіе на то, что она перестала жевать, она больше не жевала, и я радовался этому и думалъ: она больше не жуетъ, недостаткомъ меньше, и я люблю ее еще вдвое больше! Однажды она спросила о Гланѣ. Она спросила очень осторожно. Онъ нездоровъ? Уѣхалъ?

— Если онъ живъ и не уѣхалъ,—отвѣчалъ я:—такъ онъ навѣрно лежитъ дома. Мнѣ это совершенно безразлично. Съ нимъ невозможно дольше имѣть дѣло.

Но когда мы какъ разъ въ это время подошли къ хижинѣ, мы увидали Глана, онъ лежалъ на цыновкѣ прямо

на землѣ, подложивъ руки подъ голову, и неподвижно смотрѣлъ на небо.

— Да вотъ онъ, впрочемъ, лежитъ, — сказалъ я.

Маггіэ подошла къ нему совсѣмъ близко, прежде чѣмъ я успѣлъ помѣшать ей это, и сказала веселымъ голосомъ:

— Я больше не жую, посмотри! Ни перьевъ, ни монетъ, ни клочковъ бумаги,—ничего больше не жую.

Гланъ едва взглянулъ на нее и продолжалъ спокойно лежать; но я съ Маггіэ пошелъ. Когда я сталъ ее упрекать въ томъ, что она нарушила обѣщаніе и опять заговорила съ Гланомъ, она отвѣчала, что она хотѣла только пристыдить его.

— Да, это хорошо, пристыди его,—сказалъ я:—но, такъ значитъ, ты ради него перестала жевать?

Она не отвѣчала. Это что такое, она не хотѣла отвѣчать?

— Скажи, слышишь ты, это ты ради него сдѣлала?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала она: — это я сдѣлала ради тебя.

Да я и не думалъ даже, что могло быть иначе. Съ какой стати ей было дѣлать что-нибудь ради Глана?

Вечеромъ Маггіэ обѣщала ко мнѣ прійти и дѣйствительно пришла.

V.

Она пришла въ десять часовъ, я слышалъ ея голосъ съ улицы, она громко разговаривала съ ребенкомъ, котораго она вела за руку. Почему она не входила въ хижину, и зачѣмъ она взяла съ собой ребенка? Я наблюдаю за ней, и у меня является предчувствіе, что она своимъ громкимъ разговоромъ съ ребенкомъ даетъ сигналъ; я вижу также, что взоръ ея направленъ на чердакъ, къ окну Глана. Быть можетъ, онъ кивнулъ ей или сдѣлалъ знакъ изъ-за оконнаго стекла, когда онъ услыхалъ, что она говоритъ передъ хижиной? Во всякомъ случаѣ, настолько я понималъ, что нѣтъ надобности смотрѣть высоко вверхъ, разговаривая съ ребенкомъ, находящимся внизу, на землѣ.

Я собирался выйти къ ней и взять ее за руку; но какъ разъ въ это время она выпустила руку ребенка, оставила ребенка позади себя, а сама пошла къ двери въ хижину, она вошла на крыльцо. Ну, наконецъ-то, она пришла; мнѣ, конечно, слѣдуетъ хорошенько побранить ее, когда она придетъ!

И вотъ я стою и слушаю, какъ Маггіэ входитъ на крыльцо, я вовсе не ошибаюсь, она почти у самой моей двери. Но ко мнѣ она не вошла, я слышу ея шаги по лѣсенкѣ, на чердакъ, къ конурѣ Глана, я слышу это совершенно ясно. Я съ силой растворяю свою дверь, такъ что она ударяется въ стѣну, но Маггіэ уже взошла на верхъ, дверь за ней затворяется, и я не слышу больше ничего. Это было въ десять часовъ.

Я вхожу въ свою комнату и сажусь тамъ, беру ружье и заряжаю его, хотя на дворѣ еще глухая ночь. Въ двѣнадцать часовъ я всхожу по лѣсенкѣ и прислушиваюсь у двери Глана; я слышу, что Маггіэ тамъ, слышу, что ей хорошо у Глана, и я опять спускаюсь. Въ часъ я снова всхожу, все утихло. Я дожидаюсь у дверей, пока они проснутся; три часа, четыре, и только въ пять они, наконецъ, проснулись. Хорошо! подумалъ я, и я только о томъ и подумалъ, что они проснулись, и что это очень хорошо. Но немного спустя я услыхалъ шумъ и безпокойство въ нижнемъ этажѣ хижины, въ помѣщеніи моей хозяйки, и я долженъ былъ опять поспѣшно спуститься, чтобы она не застала меня врасплохъ. Гланъ и Маггіэ несомнѣнно проснулись, и я могъ бы еще долго подслушивать, но я долженъ былъ уйти.

Въ коридорѣ я сказалъ самому себѣ: вотъ здѣсь она прошла, коснулась рукой моей двери, но не отворила двери, она пошла вверхъ по лѣсенкѣ, а вотъ и лѣсенка, она поднялась по этимъ четыремъ ступенькамъ.

Моя постель стояла еще нетронутой, я и теперь не легъ на нее, но я усѣлся у окошка и немного потрогалъ свою винтовку. Сердце у меня не билось, оно трепетало.

Полчаса спустя я снова слышу шаги Маггіэ по лѣсенкѣ. Я ложусь у своего окна и вижу, какъ она выходитъ изъ хижины. На ней была короткая бумажная юбчонка, которая ей не доходила даже до колѣнъ, и на плечахъ еще шерстяной шарфъ, взятый ею у Глана. За исключеніемъ этого на ней ничего не было, и ея бумажная юбчонка была сильно измята. Она шла медленно, по своей всегдашней привычкѣ, и теперь опять не взглянула на мое окно. И вотъ она исчезла за хижинами.

Нѣкоторое время спустя, Гланъ сошелъ внизъ съ винтовкой подмышкой, вполнѣ готовый къ охотѣ. Онъ былъ мраченъ и не поздоровался. Впрочемъ, онъ нарядился и приложилъ необыкновенное стараніе къ своему туалету. Словно женихъ, нарядился,—подумалъ я.

Я тотчасъ собрался и пошелъ за нимъ, и никто изъ насъ не сказалъ ни слова. Первыхъ двухъ пѣтуховъ, которыхъ мы застрѣлили, мы самымъ жалкимъ образомъ изорвали въ клочья, такъ какъ мы стрѣляли въ нихъ изъ винтовки, но мы зажарили ихъ, какъ могли, подъ какимъ-то деревомъ и молча съѣли ихъ. Такъ прошло время до двѣнадцати часовъ.

Гланъ крикнулъ мнѣ:

— Увѣрены ли вы, что ружье у васъ заряжено? Мы, можетъ быть, натолкнемся на что-нибудь неожиданное. Зарядите на всякій случай.

— Я зарядилъ, — отвѣтилъ я на это.

И вотъ онъ исчезъ на мгновеніе за какимъ-то кустомъ. Съ какой бы радостью я застрѣлилъ его, свалилъ бы его на землю, какъ собаку! Это не къ спѣху, пусть онъ порадуется пока мысли объ этомъ, а онъ видѣлъ очень хорошо, что у меня было на умѣ, потому-то онъ и спросилъ, зарядилъ ли я ружье. Даже и въ этотъ день онъ не могъ позабыть своего тщеславія, онъ нарядился и надѣлъ чистую сорочку; выраженіе его лица было чрезвычайно надменно.

Около перваго часа, блѣдный и взбѣшенный, онъ останавливается передо мной и говоритъ:

— Нѣтъ, это невыносимо! Посмотрите же, заряжено ли у васъ ружье, странный вы человѣкъ, есть ли тамъ зарядъ?

— Позаботьтесь, пожалуйста, о вашемъ собственномъ ружьѣ, — отвѣчалъ я. Но я очень хорошо зналъ, почему онъ все время спрашивалъ о моемъ ружьѣ.

И онъ снова отошелъ отъ меня. Мой отвѣтъ далъ ему такой внушительный отпоръ, что онъ вдругъ сталъ кроткимъ и повѣсилъ голову, уходя.

Часъ спустя я застрѣлилъ горлицу и снова зарядилъ ружье. Пока я былъ занятъ этимъ, Гланъ стоялъ, полускрытый стволомъ дерева, и смотрѣлъ на меня, и видѣлъ, что я дѣйствительно заряжаю, и немного спустя онъ началъ громко и ясно пѣть псаломъ, и это былъ даже свадебный псаломъ. Онъ поетъ свадебные псалмы и надѣлъ свою лучшую одежду, подумалъ я, онъ полагаетъ такимъ путемъ быть наиболѣе очаровательнымъ сегодня. Еще не допѣвъ до конца, онъ началъ медленно, опустивъ голову, итти передо мной и на-ходу продолжалъ пѣть. Онъ снова находился какъ разъ передъ самымъ дуломъ моей винтовки, какъ будто онъ думалъ: Теперь вотъ это должно случиться, потому я и пою этотъ свадебный псаломъ! Но пока ничего еще не случилось, и когда онъ умолкъ, онъ долженъ былъ оглянуться на меня.

— Такъ мы рѣшительно ничего не застрѣлимъ сегодня,— сказалъ онъ и улыбнулся, желая извиниться передо мной и заставить меня забыть про то, что онъ пѣлъ на охотѣ. Но даже и въ это мгновеніе его улыбка была прекрасна, словно онъ плакалъ въ глубинѣ души, и губы у него дѣйствительно дрожали, хотя онъ и выставлялся тѣмъ, что онъ могъ улыбаться въ такое важное мгновеніе.

Я не женщина, и онъ ясно видѣлъ, что онъ не производилъ на меня никакого впечатлѣнія; онъ сдѣлался нетерпѣливымъ, поблѣднѣлъ, кружилъ около меня торопливыми шагами, показывался то справа, то слѣва отъ меня, а иногда онъ останавливался и поджидалъ меня. Около пяти часовъ я вдругъ услыхалъ выстрѣлъ, и пуля просвистѣла мимо моего лѣваго уха. Я взглянулъ, Гланъ неподвижно стоялъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ меня и пристально смотрѣлъ на меня, въ рукахъ у него дымилось ружье. Хотѣлъ онъ что ль меня застрѣлить? Я сказалъ:

— Промахнулись, вы что-то плохо стрѣляете за послѣднее время.

Но онъ стрѣлялъ не плохо, онъ никогда не давалъ промаху, онъ хотѣлъ только раздражить меня.

— Что же вы не мстите, чортъ возьми!—крикнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ.

— Еще не настало время,—сказалъ я и стиснулъ зубы.

Мы стоимъ и смотримъ другъ на друга, но вдругъ Гланъ пожимаетъ плечами и кричитъ мнѣ: „Трусъ!“ Неужели я еще долженъ сносить, чтобы меня называли трусомъ? Я вскинулъ свою винтовку къ щекѣ, нацѣлился ему прямо въ лицо и спустилъ курокъ.

Что посѣешь, то и пожнешь...

Но теперь семейству Главновъ нечего больше разыскивать этого человѣка; меня раздражаетъ постоянно натыкаться на это нелѣпое объявленіе о такомъ-то и такомъ-то вознагражденіи за извѣстіе о покойникѣ. Томасъ Гланъ умеръ отъ несчастнаго случая, отъ нечаяннаго выстрѣла на охотѣ въ Индіи. Судъ внесъ его имя и удостовѣреніе о его кончинѣ въ протоколъ съ прошнурованными листами, и въ этомъ протоколѣ стоитъ, что онъ умеръ, повторяю я вамъ, да, даже и то, что онъ умеръ отъ нечаяннаго выстрѣла.

СЬЕСТА.

I

Когда путешествуешь, переѣзжаешь изъ города въ городъ, и приходится тебѣ снова столкнуться съ людьми, которыхъ раньше когда-нибудь уже видѣлъ, встрѣтиться съ ними вдругъ, гдѣ совсѣмъ не ожидаешь,—отъ удивленія совершенно забываешь снять шляпу и поклониться.

Это случается со мной часто, очень часто. Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

Происшествіе, случившееся со мною въ 1888 году, страннымъ образомъ находится въ связи съ тѣмъ, что мнѣ пришлось пережить въ нынѣшнемъ году, почти недѣлю тому назадъ, во время небольшого путешествія по Швеціи. Это все такъ просто и понятно, такъ было ясно, чѣмъ все это должно было кончиться; можетъ быть, этого вовсе и не стоитъ разсказывать. Я попытаюсь, однако, это сдѣлать по мѣрѣ моихъ силъ.

Ты спрашивалъ, когда мы въ послѣдній разъ были вмѣстѣ... но вѣдь ты помнишь самъ, о чемъ ты спрашивалъ, мнѣ не нужно тебѣ напоминать. Я отвѣчалъ тогда, что, какія бы я усилія ни дѣлалъ, мнѣ постоянно что-нибудь мѣшало, вѣчно мнѣ что-нибудь становилось на пути, меня отстраняли, мнѣ указывали на дверь. И я не лгу: ты увидишь, что это правда; такъ близко, какъ въ послѣдній разъ, я никогда еще не былъ къ этому и, однако, мнѣ такъ мило указали на дверь.

Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

* * *

Въ 1888 году я какъ-то раздобылъ деньжонокъ, чтобы проѣхаться куда-нибудь; я разсказываю это совершенно такъ, какъ было. Я направилъ свой путь къ Швеціи и весело шелъ пѣшкомъ вдоль по желѣзной дорогѣ, въ то время какъ поѣздъ за поѣздомъ каждый день проходилъ мимо меня. Я встрѣчалъ людей, и всѣ они здоровались со мной, говорили „Господь съ тобой", и я на это говорилъ „Господь съ тобой", потому что у меня не было другихъ словъ для отвѣта.

Когда я дошелъ до Гетеборга, моя первая пара башмаковъ пришла въ совершенно жалкое состояніе; но объ этомъ что же говорить. Еще прежде, чѣмъ дошелъ я до Гетеборга, со мною случилось происшествіе, которое я теперь хочу разсказать.

Скажи мнѣ, пожалуйста, когда какая-нибудь дама бросаетъ на тебя взглядъ изъ окна и потомъ не обращаетъ на тебя ни малѣйшаго вниманія, ты, конечно, оставляешь это безъ послѣдствій и ничего не забиваешь себѣ въ голову. Нужно быть дуракомъ, чтобы вообразить себѣ что-нибудь на основаніи одного только какого-то несчастнаго взгляда. Но когда дама не только смотритъ на тебя съ величайшимъ интересомъ, но даже предлагаетъ тебѣ свою комнату, на шведской почтовой станціи, не покажется ли тебѣ тогда, что у тебя есть основаніе предполагать объ ея настоящихъ намѣреніяхъ и питать нѣкоторую надежду? Мнѣ показалось, что это такъ, я надѣялся до самой послѣдней минуты, недѣлю тому назадъ мнѣ это даже стоило мучительнаго путешествія въ Кальмаръ.

Я пришелъ къ почтовой станціи Бэрби. Былъ поздній вечеръ, а я шелъ, не переставая, съ утра, и вотъ теперь я рѣшилъ переночевать здѣсь. Я вошелъ въ домъ и потребовалъ себѣ обѣдъ и комнату.

Обѣдъ получить можно, а помѣщенія у нихъ больше нѣтъ: всѣ комнаты заняты, домъ переполненъ.

Разговоръ этотъ я велъ съ молоденькой дѣвушкой; впослѣдствіи оказалось, что то была хозяйская дочка. Я смотрю на нее и дѣлаю видъ, какъ будто не понимаю, что домъ переполненъ. Хочетъ она дать мнѣ почувствовать, что я норвежецъ, политическій противникъ?

— Какая масса телѣгъ здѣсь стоитъ,—говорю я равнодушно.

— Да, это ярмарочные торговцы ночуютъ здѣсь,—отвѣчаетъ она:—у насъ нѣтъ ни одной лишней постели.

И вотъ она выходитъ и заказываетъ для меня обѣдъ. Когда она вернулась обратно, она начала опять говорить о томъ, что весь домъ занятъ. Она говорила:

— Вы можете или дойти до ближайшей станціи Юттеронъ, или проѣхать по желѣзной дорогѣ немного назадъ, а здѣсь, повторяю вамъ, все биткомъ набито.

Я извинялъ наивному ребенку, я не хотѣлъ сердиться на нее, но я, разумѣется, не намѣревался тронуться съ мѣста раньше утра. Я находился на общественной почтовой станціи и долженъ былъ имѣть постель!

— Великолѣпная погода!—сказалъ я.

— Да,—отвѣчала она:—такъ что это доставитъ вамъ только удовольствіе—пройтись до Юттерона сегодня вечеромъ. Это не далеко отсюда, такъ, съ добрую милю.

Но это было уже слишкомъ, и я отвѣтилъ ей неторопливо и серьезно:

— Я пойду, разумѣется, но переночевавъ здѣсь; сейчасъ я не желаю итти дальше, я усталъ.

— Но, если всѣ кровати заняты?—отвѣчала она.

— А это ужъ не мое дѣло!

Съ этими словами я опустился на стулъ всей тяжестью своего тѣла. Мнѣ стало жаль дѣвушку, она, повидимому, не ставила мнѣ затрудненій только изъ злобы, ея лицо было прямодушно, свою ненависть къ норвежцу она поборола.

— Вы можете приготовить мнѣ, гдѣ вы хотите, хотя бы здѣсь на софѣ,—замѣтилъ я.

Но оказалось, что даже софа занята.

Теперь я началъ почти что бояться.

Если бы пришлось мнѣ итти еще добрую милю, я не отдѣлался бы отъ этого по-добру, по-здорову; добрая миля въ Швеціи фактически тянется безконечно, я это зналъ.

— Но, Боже мой, развѣ вы не видите, что я истрепалъ свои башмаки въ клочья?—воскликнулъ я:—вы не выгоняете же людей въ такихъ башмакахъ?

— Да, но башмаки не станутъ ничуть не лучше и завтра,—замѣтила она съ улыбкой.

Нѣтъ, въ этомъ она также была права, и я не зналъ, что мнѣ было теперь дѣлать. Въ эту самую минуту открывается дверь, и въ нее врывается другая молодая дѣвушка. Она смѣется чему-то, тому ли, что случилось съ ней или своимъ собственнымъ мыслямъ, и она уже открываетъ ротъ, чтобы разсказать про то. Когда она замѣчаетъ меня, она ничуть не смущается, но смотритъ въ упоръ на меня и, наконецъ, киваетъ мнѣ.

Потомъ она потихоньку спрашиваетъ:

— Въ чемъ затрудненіе, Лотта?

И Лотта отвѣчаетъ ей что-то, чего я не слышу, но я понимаю, что это обо мнѣ онѣ шепчутся. Я сижу и смотрю на нихъ и стараюсь услыхать, какъ должна рѣшиться моя судьба. Вотъ онѣ бросаютъ украдкой взглядъ на мои башмаки, и я слышу, что онѣ смѣются потихоньку между собой Только что вошедшая молодая дама качаетъ головой и собирается уходить. Дойдя до двери, она вдругъ обернулась, какъ будто что-то ей пришло въ голову, и сказала:

— Но я могу лечь вмѣстѣ съ тобою на эту ночь, Лотта, такъ что онъ можетъ воспользоваться моею комнатой?

— Нѣтъ, барышня, отвѣчаетъ Лотта:— это, право, невозможно.

— Ну, вотъ еще, конечно, можно такъ.

Молчаніе. Лотта соображаетъ.

— Ну, если барышня такъ хочетъ, пусть будетъ такъ.—И, обратившись ко мнѣ, Лотта продолжаетъ:—Такъ вотъ барышня хочетъ уступить вамъ свою комнату.

Я вскакиваю, раздвигаю носки въ обѣ стороны и кланяюсь; я думаю, я справился съ этимъ хорошо. Я благодарю также барышню на словахъ; говорю, что она оказала мнѣ любезность, единственную въ моей жизни, и въ заключеніе объявляю ей, что ея сердце также добро, какъ ея глаза прекрасны. Съ этими словами я поклонился еще разъ и сдѣлалъ это снова хорошо.

Да, все это я изъяснилъ замѣчательно.

Она покраснѣла и прыгнула въ дверь съ громкимъ смѣхомъ, и Лотта прыгнула за ней...

Я сѣлъ на старое мѣсто и сталъ думать обо всемъ этомъ. Хорошо, она засмѣялась, покраснѣла, лучшаго начала и не можетъ быть. Боже мой, какъ она была молода, едва восемнадцать лѣтъ, съ ямочками на щекахъ и углубленіемъ на подбородкѣ. Никакой тряпки на шеѣ, ничего на шеѣ; въ самомъ дѣлѣ, у ней не было на платьѣ у ворота никакой оборки, только бантъ.

И въ довершеніе всего глубокіе темные глаза на миломъ лицѣ. Я никогда не видалъ ничего подобнаго. Прекрасно, и она съ интересомъ смотрѣла на меня.

Часъ спустя я вижу ее на дворѣ; она усѣлась въ одномъ изъ пустыхъ экипажей и сидитъ тамъ, и машетъ кнутомъ. Какъ она была еще юна и жизнерадостна, она сидитъ совершенно одна, и напѣваетъ, и машетъ кнутомъ, какъ будто бы экипажъ былъ запряженъ. Я приближаюсь, мнѣ приходитъ въ голову запречься въ видѣ лошади и потянуть экипажъ; я поднимаю шляпу и собираюсь что-то сказать... Тогда она встаетъ вдругъ, высокая и гордая, точно какая царица, смотритъ на меня одно мгновенье и выходитъ изъ экипажа.

Я никогда не забуду этого, хотя у ней не было никакого основанія дѣйствовать такимъ образомъ; она была дѣйствительно величественна, когда она встала и вышла. Я надѣлъ опять шляпу и отошелъ, совершенно упавъ духомъ. Чортъ надоумилъ меня потянутъ пролетку! Съ другой стороны, что съ ней случилось? Развѣ она не уступила только что мнѣ своей комнаты? Къ чему же тогда эта щепетильность? Это притворство, сказалъ я самъ себѣ, она предлагаетъ только такъ, я знаю эти штуки, она хочетъ надо мною посмѣяться,— хорошо, я знаю, что дѣлать, я посмѣюсь!

Я сѣлъ на крыльцо и зажегъ свою трубку. Рыночные торговцы болтали кругомъ меня; иногда доносилось до меня, какъ откупоривали бутылки въ домѣ и звенѣли стаканами. Дѣвицы я больше не видалъ.

Единственнымъ чтеніемъ, имѣвшимся у меня, была карта Швеціи; я сижу, и курю, и сержусь, наконецъ, беру свою карту изъ кармана и начинаю разбираться въ ней. Проходитъ нѣсколько минутъ. Лотта показывается въ дверяхъ, она хочетъ проводить меня въ мою комнату, если мнѣ угодно. Времени было 10 часовъ, я встаю и иду за ней. Въ коридорѣ встрѣчаемся мы съ барышней.

Тутъ происходитъ нѣчто, что я помню до малѣйшихъ подробностей: панель въ коридорѣ была только что выкрашена, но объ этомъ я ничего не зналъ, я отступаю въ сторону передъ барышней, когда мы встрѣчаемся съ ней, и несчастіе случается. Барышня вскрикиваетъ внѣ себя:

— Краска...

Но было уже поздно; я прислонился всѣмъ моимъ лѣвымъ плечомъ къ панели.

Она смотритъ на меня, страшно смутившись, смотритъ затѣмъ на Лотту и говоритъ:

— Какъ съ этимъ быть? —Она сказала именно: —какъ съ этимъ быть?—И Лотта отвѣчаетъ, что это мы должны чѣмъ-

нибудь почистить, вслѣдъ за чѣмъ она разражается хохотомъ. Всѣ трое мы снова идемъ на крыльцо, и Лотта отыскиваетъ что-то, чтобы меня почистить.

— Пожалуйста, сядьте, — говоритъ она: — а то мнѣ не достать!...

И я сажусь.

И вотъ мы начинаемъ болтать.

Такъ вотъ, вѣрь мнѣ или не вѣрь, но я тебѣ говорю, что, когда я разстался съ барышней вечеромъ, у меня были наилучшія надежды.

Мы говорили, болтали, смѣялись, не закрывая рта, и я увѣренъ, что мы просидѣли съ четверть часа тамъ на крыльцѣ и болтали. Такъ что же? Ничего, этимъ я вовсе не кичусь. Но я не думалъ, однако, чтобы молодая дама захотѣла подарить мужчинѣ битыхъ четверть часа разговора такъ просто, отъ нечего дѣлать, ничего этимъ не желая сказать. Когда, наконецъ, мы стали прощаться, она сказала, въ довершеніе всего, „покойной ночи“ два раза; наконецъ, открыла она двери настежь, сказала медленно „покойной ночи“ въ третій разъ и опять закрыла двери. Вслѣдъ за тѣмъ слышалъ я, какъ она и Лотта начали весело смѣяться въ комнатѣ. Да, мы были всѣ въ превосходномъ настроеніи духа.

Я отправился въ свою комнату—ея комнату. Она была пуста, совершенно обыкновенная комната почтовой станціи, съ голыми, окрашенными въ голубое, стѣнами и узкой низенькой кроватью. На столѣ лежалъ переводъ Инграэмовскаго „Царя изъ рода Давидова“. Я улегся, намѣреваясь почитать книгу. Я все еще слышалъ шушуканье и смѣхъ изъ комнаты дѣвицъ. Какая прелестная плутовка; эти темные глаза на молодомъ лицѣ! Какъ она могла оживленно смѣяться, хотя она и казалась такой гордой.

Я погрузился въ мысли, воспоминанія о ней безмолвно и мощно пылали въ моемъ сердцѣ.

* * *

Утромъ я проснулся оттого, что что-то твердое давило мнѣ въ бокъ—оказалось, я спалъ вмѣстѣ съ „Царемъ изъ рода Давидова".

Теперь вставать и одѣваться: девять часовъ! Я сошелъ внизъ въ комнату и получилъ завтракъ; барышни я не видалъ. Я подождалъ съ полчаса, она не приходитъ. Я спрашиваю, наконецъ, тонкимъ намекомъ Лотту, куда дѣлась молодая дама?

— Барышня уѣхала,—отвѣчаетъ Лотта.

— Уѣхала? Развѣ барышня не здѣшняя?

— Нѣтъ, барышня живетъ въ господскомъ помѣстьѣ въ горахъ. Она уѣхала рано утромъ съ поѣздомъ, ей нужно въ Стокгольмъ.

Я нѣмѣю. Она, конечно, и не подумала оставить мнѣ письмо, записку. Я былъ такъ подавленъ, что я и не спросилъ объ ея имени, все стало для меня безразлично. Нѣтъ, никогда не слѣдуетъ полагаться на вѣрность женщины.

Я иду въ Гетеборгъ съ померкшимъ взоромъ и раненымъ сердцемъ. Кто могъ бы подумать это; она, что казалась такою честной и гордой! Но это хорошо, я долженъ принять это, какъ мужчина, никогда никто въ отелѣ не долженъ замѣтить, что я претерпѣлъ.

Это было въ то время, когда Юлій Кронбергъ выставлялъ въ Гетеборгѣ свою большую картину „Царица Савская". По общему примѣру долженъ былъ и я смотрѣть эту картину, и я смотрѣлъ ее, и она мнѣ довольно понравилась.

Самое замѣчательное было то, что сама царица, казалось мнѣ, ужасно походила на мою барышню изъ господской усадьбы,—не въ тотъ моментъ, когда она смѣялась и шутила, но въ то мгновенье, когда она встала во весь ростъ въ пустой пролеткѣ и уничтожила меня взглядомъ за то, что я хотѣлъ запречься въ видѣ лошади. Богъ знаетъ что я опять почувствовалъ въ сердцѣ. Картина не давала мнѣ

покоя, она слишкомъ напоминала мнѣ о моемъ потерянномъ счастьѣ; въ одну прекрасную ночь она вдохновила меня на мою извѣстную художественную критику „Царицы Савской", помѣщенную въ „Dagbladet" отъ 9 декабря 1888 г. Въ этой художественной критикѣ писалъ я слѣдующее о царицѣ:

Это зрѣлая эфіопіянка, 19 лѣтъ, стройная, жгучей красоты, царица и женщина... Она приподнимаетъ лѣвою рукою покрывало съ лица и устремляетъ на царя свои взоры. Она не темнаго цвѣта, даже ея черные волоса совершенно спрятаны подъ серебристой діадемой, которая у ней на головѣ; она имѣетъ видъ европеянки, поѣздившей по Востоку и загорѣвшей отъ жгучаго солнца. Только глаза у ней темнаго цвѣта, который выдаетъ ея происхожденіе; это въ одно и то же время томный и огненный взглядъ, заставляющій содрогнуться зрителя. Этихъ глазъ нельзя забыть, будешь долго послѣ вспоминать о нихъ и встрѣчаться съ ними въ сновидѣніяхъ...

Эта фраза про глаза прекрасна; такихъ словъ не выскажешь, не чувствуя чего-нибудь подобнаго въ сердцѣ, спросите кого угодно. И съ этого дня мое сердце также постоянно называло чудную дѣвушку съ почтовой станціи Бэрби—Царицей Савской.

II.

Я не покончилъ съ ней; четыре года спустя она опять появляется, ровно недѣлю тому назадъ.

Я ѣду изъ Копенгагена въ Мальмэ; я долженъ тамъ посѣтить одного господина, и этотъ господинъ ожидаетъ меня,—я разсказываю опять, какъ это было.

Мой багажъ находился въ отелѣ, и для меня была приготовлена комната; я выхожу, чтобы встрѣтиться съ этимъ господиномъ, который ждетъ меня, но сперва я хочу сдѣлать небольшую прогулку по направленію къ желѣзной до-

рогѣ, чтобы приготовиться къ этому. Тамъ встрѣчаю я человѣка, съ которымъ я вступаю въ разговоръ; я только что остановился и говорю что-то этому человѣку, какъ вдругъ въ то же время я вижу лицо въ поѣздѣ, готовомъ къ отходу, и лицо это обращается ко мнѣ,—два глаза смотрятъ на меня,—Боже мой, это Царица Савская.

Я вскакиваю въ одно мгновенье въ поѣздъ, и черезъ нѣсколько секундъ мы уже ѣдемъ.

Да, это судьба. Я стою здѣсь и вижу ее снова по прошествіи четырехъ лѣтъ и прыгаю въ отходящій поѣздъ, въ то время какъ мой багажъ находится въ отелѣ,—это судьба, отъ нея не уйдешь.

Въ довершеніе всего я оставилъ на станціи даже свое пальто, у меня была, въ самомъ дѣлѣ, только моя дорожная сумка на плечахъ; въ такомъ видѣ вошелъ я въ поѣздъ. Я осматриваюсь: это купе перваго класса, куда я вошелъ, и тамъ сидятъ двое пассажировъ на диванахъ. Хорошо, я стремительно сажусь рядомъ съ ними и начинаю приводить себя въ порядокъ сигарой и чтеніемъ. Куда хочетъ теперь судьба вести меня? Я долженъ ѣхать туда, куда ѣдетъ Царица Савская, мнѣ нужно было стеречь ее; гдѣ она слѣзетъ, тамъ слѣзу также и я; мнѣ только и было заботы встрѣтить ее. Когда кондукторъ пришелъ и спросилъ мой билетъ, у меня не оказалось никакого билета. Но куда нужно мнѣ ѣхать! Этого въ точности я не зналъ, но... Да, ну такъ я долженъ заплатить до Арлёфа съ прибавкой 40 öръ экстра. Въ Арлёфѣ я могъ взять билетъ дальше. Я сдѣлалъ, какъ сказалъ кондукторъ и заплатилъ съ радостью экстра.

Въ Арлёфѣ продолжилъ я такимъ же образомъ билетъ до Лунда, можетъ быть Царицѣ Савской нужно посѣтить Лундъ, я буду глядѣть во всѣ глаза за ней. Но она не слѣзла въ Лундѣ. Теперь я долженъ былъ опять платить на этотъ разъ до Лакалэнги, и опять 40 öръ экстра—и того 80. Въ Лакалэнгѣ продолжилъ я билетъ сразу до Гесслехолма, чтобы

быть спокойнымъ, и послѣ этого я усѣлся и почувствовалъ себя совершенно нервно-разстроеннымъ этимъ затянувшимся путешествіемъ. Разговоры другихъ пассажировъ также меня раздражаютъ; Боже мой, какое мнѣ было дѣло до того, что въ Гамбургѣ появилась на скотѣ болѣзнь рта и копытъ? Мои спутники были безъ сомнѣнія помѣщики, простые шведскіе торговцы... Они говорили часа полтора не о чемъ другомъ, какъ о „Mul och Klofsjukan“ въ Гамбургѣ. Да, это было въ самомъ дѣлѣ въ высшей степени интересно. И въ довершеніе всего: развѣ не ждетъ меня въ Мальмэ этотъ господинъ?

Ладно пусть господинъ подождетъ!

Но Царица Савская не сошла и въ Гесслехолмѣ.

Тутъ я свирѣпѣю, плачу кондуктору за билетъ до Балингслёфа съ прибавкой новыхъ 40 öръ экстра — итого крона и 20 öръ и беру въ Балингслёфѣ, скрежеща зубами, билетъ прямо до Стокгольма. Это стоило мнѣ 118 кронъ наличными, чортъ меня побери, если я этого не сдѣлалъ!

Но было очевидно, что Царицѣ Савской нужно быть въ Стокгольмѣ теперь такъ же, какъ и тогда. Мы ѣдемъ часъ за часомъ, я выхожу на каждой станціи, но она не выходитъ. Я вижу ее въ окно купе, и она смотритъ на меня внимательно; ахъ, она не потеряла ничего изъ своихъ чувствъ ко мнѣ, это я видѣлъ ясно; но она была немножко смущена и она опускала глаза, когда я проходилъ мимо. Я не поклонился ей, каждый разъ я забывалъ сдѣлать это; если бы она не была заперта въ этомъ ящикѣ дамскаго купе, я уже, разумѣется, давнымъ бы давно отрекомендовался ей, напомнилъ бы ей о нашемъ старомъ знакомствѣ, о томъ, какъ я, говоря откровенно, спалъ разъ *въ ея комнатѣ*; я порадовалъ бы ее тѣмъ, что я спалъ отлично вплоть до 9 часовъ. Какъ въ эти четыре года она похорошѣла; теперь была она болѣе, чѣмъ тогда, царицей и женщиной.

И часъ за часомъ шелъ; не случилось ничего особеннаго,

кромѣ того, что мы въ пятомъ часу переѣхали корову, мы слышали, какъ захрустѣли кости, и мы остановились на мгновеніе, чтобы осмотрѣть шины и опять поѣхали. Двое пассажировъ заговорили о поѣздкахъ на пароходѣ по Эресунду, и они были опять необыкновенно интересны. Какъ я страдалъ, какъ я страдалъ! И какъ это могло случиться, а тутъ еще этотъ господинъ, который...

Къ чорту этого господина въ Мальмэ!

Дальше, все дальше, мы проѣзжаемъ Элмхультъ, Ліатропъ, Висланду. Въ Висландѣ Царица Савская выходитъ, я не выпускаю ея ни на одно мгновенье изъ виду; но вотъ—она возвращается. Ладно, и мы опять ѣдемъ.

Такимъ образомъ мы доѣзжаемъ до Альфвесты, узловой станціи на Кальмаръ.

Здѣсь Царица Савская выходитъ опять; я стою и смотрю, не будетъ ли здѣсь того же самаго, но на этотъ разъ переходитъ она въ Кальмарскій поѣздъ. Я не былъ приготовленъ къ этому, въ высшей степени удивился и не предпринимаю ничего до того момента, пока это почти что слишкомъ поздно. Сломя голову вбѣгаю и я также въ Кальмарскій поѣздъ, въ то время какъ поѣздъ уже катитъ со станціи.

Единственный человѣкъ въ купе, онъ ни разу не взглянулъ на меня, онъ читаетъ. Я бросаюсь на мѣсто. Я также начинаю читать. Минуты черезъ двѣ я слышу: „билетъ".

Это новый кондукторъ.

— Билетъ, хорошо!—отвѣчаю я ему и даю свой билетъ.

— Этотъ не дѣйствителенъ, говоритъ онъ:—это Кальмарская линія.

— Онъ не дѣйствителенъ—говорите вы?

— На этой линіи.

— Да я въ этомъ вовсе не виноватъ, что продаютъ билеты, которые не дѣйствительны.

— Куда же вамъ нужно?

— Въ Стокгольмъ, разумѣется, — отвѣчаю я: — куда же еще, думаете вы, мнѣ нужно.

— Хорошо, но это кальмарскій поѣздъ, слышите вы, этотъ поѣздъ идетъ до Кальмара,—говоритъ онъ раздражительно.

Вотъ какъ? я этого не зналъ, но во всякомъ случаѣ съ его стороны это было бы невозможной мелочностью останавливаться надъ подобными пустяками. Онъ сдѣлалъ это безъ сомнѣнія потому, что я норвежецъ, изъ политической ненависти. Я ему попомню.

— Да, что же намъ теперь дѣлать?—спрашиваю я.

— Вы вотъ что должны сдѣлать... да, куда собственно вамъ нужно? Вы не попадете по этой линіи въ Стокгольмъ.

— Хорошо, такъ я ѣду въ Кальмаръ, я собственно и подразумѣвалъ Кальмаръ,—отвѣчаю я:—Стокгольмъ собственно никогда не нравился мнѣ. Я не могу сказать, чтобы у меня было желаніе занять денегъ для вторичной поѣздки туда.—Этой проклятой Царицѣ Савской навѣрно нужно было въ Кальмаръ и вотъ тамъ-то конецъ моимъ мученіямъ.

— Такъ вы заплатите мнѣ до Емлы, съ прибавкой 40 öръ экстра,—говоритъ кондукторъ: — въ Емлѣ вы можете взять билетъ дальше.

— Я только что заплатилъ 118 кронъ,—замѣтилъ я; но я все-таки заплатилъ также и 40 öръ—это была уже крона и 60 öръ. Теперь мое терпѣніе было исчерпано, я устремляюсь на станцію въ Емлѣ и кричу въ окошечко кассы:

— Куда могу я проѣхать по этой линіи?

— Куда? въ Кальмаръ,—отвѣчаютъ оттуда.

— Не могу я проѣхать дальше, развѣ невозможно проѣхать еще хоть сколько-нибудь?

— Совершенно невозможно. Тамъ вѣдь дальше Балтійское море.

— Ладно! билетъ до Кальмара!

— Какого класса?

Онъ спрашиваетъ какого класса!

Господинъ не зналъ меня очевидно, не читалъ ничего изъ написаннаго мной.

Я отвѣчалъ ему по заслугамъ:

— Перваго класса!—отвѣчалъ я ему. Я заплатилъ и занялъ свое мѣсто въ поѣздѣ.

Настала ночь; мой непріятный спутникъ растянулся на своемъ диванѣ и закрылъ глаза, молча, не бросивъ на меня ни одного взгляда. Чѣмъ мнѣ убить время? Я не могъ спать. Я вскакивалъ каждое мгновенье, смотрѣлъ на дверь, открывалъ и закрывалъ окно, дрожалъ отъ холода и зѣвалъ. Къ тому же всякій разъ, какъ поѣздъ останавливался, я долженъ былъ быть насторожѣ изъ-за этой Царицы. Я начиналъ проклинать ее каждый разъ въ глубинѣ своего сердца.

Наконецъ, наконецъ-то настало утро. Мой спутникъ поднялся и оглядѣлся; немного погодя, онъ принялся, совершенно бодрый, снова читать, опять не взглянувъ на меня; его книгѣ, казалось, никогда не будетъ конца. Онъ раздражалъ меня, я пѣлъ и свистѣлъ съ цѣлью досадить ему, но онъ и не думалъ раздражаться; я искренно желалъ назадъ къ „Klofsjukan“, прочь отъ этого безсловеснаго скота. Въ концѣ-концовъ, я не могъ его больше выносить и спросилъ его:

— Осмѣлюсь спросить, куда вы ѣдете?

— Хмъ, отвѣчалъ онъ:—я ѣду не далеко.

Это было все.

— Мы переѣхали вчера корову,—сказалъ я.

— Что такое?

— Мы переѣхали вчера корову.

— Н-да-а.

И онъ продолжалъ читать.

— Не продадите вы мнѣ книги? — сказалъ я внѣ себя.

— Книги? Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— Не продадите?

— Нѣтъ.

Этимъ дѣло и кончилось. Онъ ни разу не взглянулъ въ сторону. Я былъ совершенно сбитъ съ толку этимъ упорствомъ. Собственно, это также по винѣ этой злополучной Царицы, я встрѣтился съ подобнымъ субъектомъ; онъ, не шутя, принесъ мнѣ много огорченій.

Но все это будетъ забыто, когда я встрѣчу ее; о, какъ я ей опишу всѣ мои превратности, разскажу ей о художественной критикѣ, о человѣкѣ, который прибылъ и ждалъ меня въ Мальмэ, и котораго я покинулъ; о моемъ путешествіи сперва по Стокгольмской линіи, потомъ по Кальмарской,—изъ-за нея! Да, я навѣрно произведу на нее опять впечатлѣніе. И ни одного, ни малѣйшаго намека на эти öры и 118 кронъ. А поѣздъ идетъ.

Я начинаю въ тоскѣ глазѣть въ окно. Все одинъ и тотъ же видъ: лѣса, луга, поля, пляшущіе домики, телеграфные столбы вдоль линіи и у каждой станціи обычные, пустые товарные вагоны, и каждый вагонъ помѣченъ своей Golfyta. Что это была за Golfyta? То былъ не нумеръ и не человѣкъ. Богъ знаетъ, не была ли это большая рѣка въ Скандинавіи, или фабричная марка, или наконецъ религіозная секта?...

Но теперь я вспомнилъ это: Golfyta—это былъ опредѣленный вѣсъ; если я не ошибаюсь, въ одной Golfyta было 132 фунта. Но это были добрые старые фунты, и однако ихъ приходилось почти 133 на одну такую Golfyta: такъ она была тяжела.

А поѣздъ идетъ.

Какъ только могъ этотъ безсловесный дуракъ сидѣть тамъ на диванѣ, часъ за часомъ, и все читать и читать. Его маленькую книжку я прочелъ бы три раза въ это время, но онъ не переставалъ читать, просто-на-просто выставлялся своимъ невѣжествомъ и ничуть не стѣснялся. Его глу-

пость, наконецъ, превзошла всѣ границы, я не могъ больше выносить ея; я вытянулъ голову впередъ, взглянулъ на него и сказалъ:

— Что вамъ угодно?

Онъ поднялъ глаза вверхъ и, какъ съ неба свалившись, уставился на меня.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Что вамъ угодно?

Онъ не могъ все еще понять меня.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ раздражительно.

— Что мнѣ нужно? Что вамъ нужно?

— Мнѣ? Мнѣ ничего не нужно?

— Точно также и мнѣ.

— Н-да. Зачѣмъ же тогда вы заговорили со мной?

— Я? Я заговаривалъ съ вами?

— Да,—сказалъ онъ въ бѣшенствѣ и отвернулся въ сторону.

И вотъ мы опять молчали.

А часъ за часомъ идетъ, наконецъ мы свистимъ передъ Кальмаромъ.

Хорошо! Теперь-то должно быть дано сраженіе.

Я провелъ рукой по щекамъ, разумѣется я былъ не бритъ, это было въ порядкѣ вещей для меня. Это также ужасные порядки, что на линіи нѣтъ станціи, гдѣ можно было бы побриться и имѣть приличный видъ въ случаѣ надобности; я не требовалъ вовсе парикмахерской на каждой станціи, но я былъ бы удовлетворенъ, если бы на каждой пятидесятой станціи можно было побриться. Это было мое послѣднее слово.

И вотъ поѣздъ остановился. Я тотчасъ слѣзаю, я стою и вижу, что слѣзаетъ также и Царица Савская, но ее сразу окружаетъ такое количество людей, что мнѣ стало невозможно подойти къ ней. Молодой человѣкъ цѣлуетъ ее даже—братъ конечно, онъ живетъ здѣсь, у него здѣсь дѣла; это

для него она сюда пріѣхала. Минуту спустя подъѣзжаетъ коляска, она входитъ, за ней трое остальныхъ, и они отъѣзжаютъ.

Я продолжаю стоять. Она уѣхала передъ самымъ моимъ носомъ; у меня не было достаточно времени, чтобы немножко опомниться. Хорошо,—пока съ этимъ ничего нельзя было подѣлать, да; но когда я взвѣсилъ это внимательнѣе, я былъ почти благодаренъ ей за то, что она дала мнѣ время побриться, почиститься, прежде чѣмъ ей представиться! Теперь нужно было воспользоваться временемъ! Носильщикъ подходитъ ко мнѣ, въ то время какъ я стою тамъ, и предлагаетъ мнѣ отнести мой багажъ. Нѣтъ, у меня не было никакого багажа. Но неужели у меня не было никакого багажа?

Нѣтъ у меня не было никакого багажа, я ему это уже сказалъ; понялъ онъ меня теперь?

Но я не удовлетворилъ человѣка, онъ желалъ знать, не поѣду ли я дальше?

— Нѣтъ, дальше не поѣду.

— Такъ я буду жить здѣсь?.

— Можетъ быть, нѣкоторое время. Есть тутъ отель по близости?

— Но что я буду дѣлать здѣсь? Вѣроятно я агентъ, контролеръ?

Еще человѣкъ, который ничего не читалъ изъ моихъ произведеній!—Нѣтъ, я не контролеръ.

— Но кто же я такой тогда?

— Прощайте,—крикнулъ я ему въ лицо и ушелъ.

Что за навязчивость. Я могъ свободно самъ отыскать себѣ отель, если это мнѣ было нужно. Между тѣмъ могъ я выдумать себѣ положеніе, изобрѣсти дѣло, которымъ я занимаюсь; было очевидно, что если этотъ голодный посыльный былъ такъ любопытенъ, то тѣмъ болѣе любопытнымъ окажется хозяинъ отеля. Что же я буду дѣлать въ Кальмарѣ

оффиціально передъ Богомъ и людьми? Подходящее дѣло я долженъ былъ имѣть также и для того, чтобы не скомпрометировать Царицы. И я неистово думаю о томъ, что я буду дѣлать въ Кальмарѣ. Даже въ то время, какъ я находился подъ бритвой, этотъ вопросъ мнѣ не давалъ покоя; одно было ясно: я не долженъ былъ показываться въ отелѣ раньше, чѣмъ я не выясню себѣ этого.

— Есть у васъ телефонъ? спросилъ я.

Нѣтъ, у парикмахера не было телефона.

— Но вы можете послать мальчика въ ближайшій отель и заказать для меня комнату? У меня нѣтъ времени зайти самому, мнѣ нужно позаботиться кой о какихъ дѣлахъ.

— Да, это можно.

И вотъ мальчикъ отправляется.

Я началъ гонять по улицамъ, посѣтилъ церковь, гавань; шелъ довольно быстро изъ страха, чтобы кто-нибудь не остановилъ меня и не спросилъ, что это у меня за дѣла въ Кальмарѣ. Наконецъ, я пришелъ въ паркъ, бросился на скамейку и предался моимъ размышленіямъ. Я былъ одинъ. Кальмаръ—что мнѣ нужно въ Кальмарѣ? Имя показалось мнѣ знакомымъ, я читалъ о немъ гдѣ-то. Богъ знаетъ, было ли это что-нибудь политическое, необыкновенный риксдагъ, заключеніе мира? Я попробовалъ Кальмарскій миръ, миръ при Кальмарѣ, можетъ быть, я не совсѣмъ внимательно читалъ о немъ?

Или то былъ Кальмарскій параграфъ?

Но послѣ минутнаго размышленія я сказалъ самому себѣ, что я не особенно-то часто читалъ о подобномъ параграфѣ.

Вдругъ я вскакиваю, мнѣ кажется, я нашелъ, въ чемъ дѣло, это была Кальмарская битва, битва при Кальмарѣ, подобно битвѣ при Кальвешиндѣ, битвѣ при Вёрзѣ. Да, теперь дѣло въ шляпѣ. И я отправляюсь прямо въ отель. Если была такая битва при Кальмарѣ, то я буду изучать историческія мѣста, это и будетъ моимъ занятіемъ; тамъ

лежалъ корабль Нильса Юэльса, тамъ вражеская пуля залетѣла далеко на сушу и взрыла землю въ капустномъ огородѣ, тамъ Густавъ Адольфъ ворвался на палубу линейнаго корабля. И Кольбейнъ Сильный спросилъ: что это такъ высоко взвилось? Это Норвегія ускользнула изъ твоихъ рукъ! отвѣтствовалъ Эйнаръ...

Но когда я подошелъ къ лѣстницѣ отеля, я обратился вдругъ въ постыдное бѣгство и отказался отъ всей моей теоріи битвы; никогда не было никакой битвы въ Кальмарѣ, это въ Копенгагенскомъ рейдѣ произошла битва. И я отправился опять въ городъ. Все представлялось мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ. И вотъ я просто-на-просто бродилъ цѣлый день, и ни маковой росинки не было у меня во рту. Я былъ въ концѣ концовъ измученъ. Въ довершеніе всего было уже поздно зайти въ книжную лавку и купить нѣсколько книгъ по данному вопросу, такъ какъ всѣ книжныя лавки были заперты. Наконецъ, обращаюсь я къ человѣку, зажигавшему фонари:

— Извините, спрашиваю я вѣжливо:—что такое произошло здѣсь въ Кальмарѣ въ свое время?

Человѣкъ отвѣчаетъ только:—Произошло? и смотритъ на меня.

— Да, говорю я:—для меня такъ ясно, что нѣчто произошло здѣсь въ Кальмарѣ въ свое время; это представляетъ значительный историческій интересъ, почему мнѣ и хотѣлось бы узнать объ этомъ.

Мы стоимъ какъ разъ другъ надъ другомъ.

— Гдѣ вы живете? спрашиваетъ онъ.

— И я прибылъ сюда исключительно для того, чтобы изучать это, продолжаю я:—это стоило мнѣ немножко дорого, да, это стоило мнѣ даже крону и 60 öръ экстра, кромѣ 118 кронъ, о чемъ я уже и не говорю. Вы можете спросить кондуктора, если вамъ угодно.

— Вы изъ Норвегіи?

— Да, я изъ Норвегіи.

— Вы агентъ?.

При всей моей усталости, я долженъ былъ спасаться бѣгствомъ опять, какъ можно скорѣй; я вовсе не желалъ узнавать отъ этого человѣка, что такое я собой представлялъ. Но и этому также была виной Царица, всему она была виной, и я просилъ ее въ любезныхъ выраженіяхъ отправиться ко всѣмъ чертямъ за ея коварство. Послѣ этого я устремился опять въ паркъ.

Нѣтъ, теперь я не видалъ никакого исхода. Я стою, прислонившись къ дереву, мимо меня начинаютъ проходить гуляющіе; я не могъ спокойно стоять дольше, и я опять долженъ былъ бродить. Три часа спустя вышелъ я за городъ, въ поле; я осматриваюсь, я—одинъ; огромный черный колоссъ возвышается передъ моими глазами. Я останавливаюсь, чтобы посмотрѣть на колосса, онъ имѣетъ видъ горы съ церковью на вершинѣ. Въ то время, какъ я стою, проходитъ человѣкъ, я останавливаю и спрашиваю его, что это за гора, я не знаю ее изъ географіи, хотя я зналъ очень много горъ.

— Это замокъ, отвѣчалъ онъ.

Замокъ, Кальмарскій замокъ!

Если бы мнѣ только хорошенько узнать, не тамъ ли произошло все то, что мелькало у меня въ головѣ!

— Замокъ, разумѣется, представляетъ собой теперь жалкое зрѣлище разрушенія, хотя нѣкогда тамъ происходили великія событія?—спросилъ я.

— О нѣтъ, управляющій хорошо смотритъ за нимъ, отвѣчалъ человѣкъ.

— Кто это жилъ тамъ въ прежнія времена, я хочу сказать, что за король былъ тамъ заключенъ въ южномъ флигелѣ? Имя вертится у меня на языкѣ.

— Да, онъ наполненъ теперь бронями, оружіемъ и старинными вещами, всевозможными старыми вещами...

Вдругъ меня осѣняетъ идея: я могъ пріѣхать сюда, чтобы

осмотрѣть собраніе древнихъ вещей въ замкѣ. Если бы у человѣка не было на спинѣ сумки, я бросился бы обнимать его, и я вспоминаю теперь, что я спросилъ даже объ его женѣ и дѣтяхъ, когда мы разставались. Около полуночи я прибылъ опять къ отелю.

Я позвалъ хозяина и заявилъ, что это я заказалъ комнату.—Я буду изучать здѣсь старинныя вещи,—сказалъ я кратко и сердито:—я покупаю также старинныя вещи, знайте это; это мое занятіе.

Хозяинъ удовлетворился объясненіемъ и показалъ мнѣ мою комнату.

* * *

И вотъ проходитъ недѣля, полная разочарованья и напрасныхъ усилій, цѣлая недѣля; Царица Савская больше не показывалась. Я искалъ ее цѣлые дни, открыто и тайно, былъ у почтмейстера и высказался ему, совѣщался о дѣлѣ съ двумя полицейскими, колесилъ по парку вдоль и поперекъ въ часы гуляній, обходилъ каждый день выставки фотографовъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли ея тамъ; но все было напрасно. Я нанялъ двухъ людей сторожить на желѣзной дорогѣ день и ночь, такъ что она не могла исчезнуть изъ города, и ждалъ, ждалъ развязки.

Между тѣмъ я долженъ былъ каждый божій день отправляться въ замокъ и смотрѣть собраніе древностей, я исписывалъ сплошь большіе листы замѣчаніями, оговаривая ржавыя пятна на сабляхъ и сломанныя шпоры, вносилъ въ мои бумаги всѣ замѣчательные года и надписи, найденныя мною на надгробныхъ плитахъ и старыхъ картинахъ; да, я не полѣнился даже помѣтить мѣшокъ перьевъ, который я однажды нашелъ среди древностей и который оказался принадлежащимъ завѣдывающему. Я продолжалъ свои поиски съ мужествомъ отчаянія и зубовнымъ скрежетомъ огорченія; разъ я началъ разыскивать Царицу Савскую, я не оставлю

этого на полпути, хотя бы мнѣ пришлось сдѣлаться при этомъ настоящимъ изслѣдователемъ древностей.

Я телеграфировалъ въ Копенгагенъ о пересылкѣ моей корреспонденціи и началъ вообще приготовляться къ зимѣ. Кто могъ знать, когда это кончится; вотъ уже шесть дней, какъ я жилъ въ отелѣ. Когда наступило воскресенье, я нанялъ четырехъ мальчиковъ съ тѣмъ, чтобы они ходили для меня въ церковь и утромъ и вечеромъ и отыскивали Царицу, но и это все было тщетно.

Въ четвергъ утромъ пришла наконецъ моя почта: этотъ четвергъ чуть не доканалъ меня совсѣмъ. Одно письмо было отъ человѣка, который прибылъ и ждалъ меня въ Мальмэ; разъ я не прибылъ теперь, то я могу вовсе не являться, прощайте. Я почувствовалъ глубокій уколъ въ сердце. Второе письмо, открытое мной, было сообщеніе одного друга о томъ, что Morgenbladet и какая-то нѣмецкая газета обвинили меня въ плагіатѣ и доказали это цитатами. Я почувствовалъ еще разъ глубокій уколъ въ сердце. Но третье письмо было счетъ, его я не читалъ, я не могъ больше, я бросился на софу и уставился глазами прямо передъ собой... И однако я еще не испилъ чаши страданій до дна.

Стучатъ въ дверь.

— Войдите, воскликнулъ я умирающимъ голосомъ.

И входитъ хозяинъ въ сопровожденіи старой женщины; женщина несетъ корзину въ рукахъ.

— Извините, говоритъ хозяинъ:—вы покупаете вѣдь старыя вещи?

Я уставляюсь на него.

— Старыя вещи? Покупаю ли я старыя вещи?

— Да, такъ сказали вы сами.

И я долженъ былъ заставить себя интересоваться старыми вещами. Да, совершенно вѣрно, я покупаю также старыя вещи; извините, что я не сразу сообразилъ это, я былъ занятъ другими мыслями. Да, разумѣется, я покупалъ

всевозможныя старинныя вещи. Посмотримъ, что у ней тамъ въ корзинѣ.

И женщина открываетъ свою корзину.

Я всплескиваю руками отъ восхищенія и объявляю, что я хочу оставить себѣ все, какъ есть все. Какая превосходная ушная спринцовка; какъ знать, что это за король пользовался ею въ послѣдній разъ? Да, я это еще отыщу, когда я пороюсь въ своихъ бумагахъ, это не къ спѣху. Что это у ней за роговая ложечка? Три обгорѣлыя трубки съ головой Йобэка *) я не выпущу изъ рукъ ни за какія деньги, точно такъ же, какъ и грабли. Сколько же она возьметъ за все это, за все это вмѣстѣ?

Женщина задумывается.

20 кронъ—полагаетъ она. И я отдалъ ей 20 кронъ, не торгуясь и ничуть не жалѣя, только, чтобы отдѣлаться отъ нея поскорѣе.

Какъ только она ушла, я отправился пѣшкомъ, подышать чистымъ воздухомъ. Нѣтъ, это превзошло всяческое мое терпѣніе.

Нянька и ребенокъ, оба распѣваютъ на скамейкѣ рядомъ со мной; я взглянулъ на нихъ, чтобы заставить ихъ успокоиться. Немного спустя проходитъ мимо меня степенно подъ ручку парочка по усыпанной пескомъ дорожкѣ. Я настораживаюсь, встаю, вглядываюсь,—да это—Царица Савская.

Наконецъ, наконецъ-то опять Царица Савская.

Господинъ сопровождаетъ ее, братъ, тотъ самый, что цѣловалъ ее при встрѣчѣ; они идутъ подъ ручку и тихо разговариваютъ. Я стою наготовѣ, теперь все должно разрѣшиться, будь что будетъ. Я начну напоминать ей, какъ я спалъ *въ ея комнатѣ*, и вотъ она еще помнитъ меня; разъ я заговорю объ этомъ, братъ пойметъ, что ему слѣдуетъ отойти въ сторону...

*) Извѣстный норвежскій радикалъ, членъ стортинга.

Я выступилъ впередъ.

Они оба посмотрѣли на меня удивленно, и въ то же мгновеніе я разражаюсь, въ замѣшательствѣ, своимъ вступленіемъ. Я бормочу:—Фрёкенъ, четыре года тому назадъ... и останавливаюсь.

— Что ему нужно?—говоритъ господинъ и смотритъ на нее. Вслѣдъ затѣмъ онъ обращается ко мнѣ и говоритъ то же самое:—Что вамъ угодно?—И онъ говоритъ это довольно раздражительно.

— Я хочу, отвѣчалъ я:—я хочу только попросить позволенія поздороваться съ барышней; какое вамъ дѣло до этого? Барышня и я—мы старые знакомые, я спалъ даже у ней...

Царица прерываетъ меня и вскрикиваетъ:

— Оставьте насъ, оставьте насъ!

Такъ, она не хотѣла быть со мной знакомой, она не узнавала меня. Злоба овладѣваетъ мной, и я иду за парочкой, которая поспѣшно удаляется. Вдругъ господинъ оборачивается, онъ видитъ, что я преслѣдую ихъ, и становится мнѣ на дорогѣ. Впрочемъ онъ вовсе не походилъ на храбреца: видно было, какъ онъ дрожалъ; Царица продолжала итти, она почти бѣжала.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? спрашиваетъ господинъ.

— Отъ васъ мнѣ ничего не нужно, говорю я:—мнѣ только хотѣлось поздороваться съ барышней, съ дамой, съ которой вы гуляли; я съ ней встрѣчался раньше, такъ я хотѣлъ только изъ простой вѣжливости...

— Да прежде всего барышня не желаетъ больше встрѣчаться съ вами, какъ кажется,—отвѣчаетъ онъ:—а во-вторыхъ, она вовсе не фрёкенъ, а фруэ, она замужемъ, она моя жена. Да!

— Она!.. что такое... она ваша жена?

— Да, она моя жена,—прорычалъ онъ:— понимаете вы это теперь?

Его жена, его жена! Что дальше разсказывать? Я опустился тутъ же на скамейку. Это былъ смертельный ударъ. Я закрылъ глаза и позволилъ молодцу удалиться; какое мнѣ было до него дѣло, когда солнце моего счастья навсегда закатилось. Много часовъ просидѣлъ я на скамейкѣ и предавался мрачнѣйшей печали.

Около полудня отправился я въ отель, заплатилъ счетъ и ускользнулъ незамѣченнымъ на вокзалъ; я прождалъ тамъ до отхода моего поѣзда битый часъ и уѣхалъ безъ копѣйки денегъ и удрученный, пригнутый къ землѣ горемъ, которое угнетало меня на всемъ обратномъ пути домой. Купленную мной корзину со старыми вещами я оставилъ въ Кальмарѣ.

* * *

Ну вотъ видишь, всегда что-нибудь станетъ на пути. Такъ близко къ цѣли, какъ этотъ послѣдній разъ, я никогда еще не бывалъ, и однакоже я такъ мило остался съ носомъ. Не могу понять, отчего это: я не останавливаюсь ни передъ какими усиліями, я не сморгну ни передъ какимъ путешествіемъ, я не испугаюсь никакихъ тратъ, и однако, однако.... все это тщетно.

Это судьба, съ этимъ ничего не подѣлаешь.

ВЪ КАРЬОЛКѢ.

Я сидѣлъ, совершенно готовый къ отъѣзду, въ карьолкѣ и держалъ въ рукахъ возжи, я ждалъ только провожатаго. Вверху, въ окнѣ второго этажа, стояла молодая, бѣлокурая дѣвушка и смотрѣла внизъ на меня, я таялъ подъ этимъ взглядомъ и съ гордостью вице-консула возсѣдалъ на своемъ мѣстечкѣ. Я старался произвести впечатлѣніе первой молодости и совершенно незамѣтно снялъ даже свое пенснэ. Я досадовалъ только, что я не назвался лейтенантомъ въ книгѣ для проѣзжающихъ.

Въ послѣднюю минуту выходитъ хозяинъ на лѣстницу и говоритъ, что мой провожатый сейчасъ только уѣхалъ впередъ съ багажемъ англичанъ, не буду ли я настолько любезенъ,—не доѣду ли одинъ до слѣдующей станціи. Это было совершенно безопасно, Енсъ зналъ дорогу, мнѣ стоило только довѣриться ему.

Если разсмотрѣть хорошенько, было бы немножко болѣе стильно ѣхать съ проводникомъ сзади, думалъ я; но съ этимъ ужъ ничего нельзя было подѣлать, я долженъ былъ ѣхать безъ проводника. Я послалъ достаточно нѣжный взглядъ въ окно второго этажа и выѣхалъ со двора.

Погода была теплая. Я разстегнулъ свою куртку и предоставилъ Енсу итти, какъ ему было угодно.

Безпрерывное качанье на рессорахъ карьолки нагоняло на меня дремоту, я наклонилъ голову впередъ, чтобы не дать солнцу сжечь мнѣ носъ, и дремалъ, и думалъ о прекрасномъ женскомъ лицѣ изъ второго этажа. Кто знаетъ,

думалъ я, можетъ быть, она была внизу и смотрѣла въ станціонной книгѣ. Это было глупо, что я не обозначилъ своего занятія, званія. Развѣ я не могъ, въ самомъ дѣлѣ, назваться на этотъ случай оптовымъ торговцемъ или даже рантье? По моему, совершенно свободно могъ. Излишняя скромность наказуется.

Мы уже отъѣхали семь, восемь километровъ отъ станціи, какъ вдругъ Енсъ остановился. Онъ сдѣлался недвижимымъ сразу и имѣлъ видъ, какъ будто онъ что-то забылъ. Я не хотѣлъ мѣшать ему; его личные вопросы онъ долженъ былъ рѣшать своими собственными силами. Да, кромѣ того, погода и дорога не оставляли желать ничего лучшаго.

Мы стояли такъ, можетъ, съ полчаса посреди дороги, не трогаясь; никто изъ насъ не хотѣлъ прервать молчанія. Какъ ни въ чемъ не бывало, я покуривалъ трубку, смотрѣлъ на часы, занялся чисткой штопора, который я носилъ съ собой въ карманѣ и проводилъ время какъ нельзя было лучше; кнутъ спряталъ я незамѣтно между колѣней. Когда Енсъ простоялъ совершенно спокойно еще нѣкоторое время, онъ выставилъ, наконецъ, одну ногу впередъ и снова пошелъ. Мнѣ представилось, что онъ казался немного болѣе пристыженнымъ, чѣмъ прежде.

Жара увеличивалась; я прикурнулъ и снова сталъ дремать; я завязывалъ на возжахъ безсмысленно одинъ узелъ за другимъ и снова грезилъ о дѣвушкѣ со станціи. У ней были большія бѣлыя руки и странный, быстрый взглядъ, оживлявшій все лицо. Я былъ сильно занятъ ею. Почему это она стояла тамъ и смотрѣла на меня изъ окна? Я возбудилъ ея любопытство. Весьма вѣроятно, что она въ это мгновеніе стояла и смотрѣла книгу для проѣзжающихъ; въ томъ не было даже никакого сомнѣнія, что она старалась узнать, кто я такой. И я не далъ о себѣ никакихъ свѣдѣній; у меня былъ прекраснѣйшій случай приписать себѣ болѣе или менѣе приличное занятіе, но я не воспользовался

имъ; я написалъ одно только свое имя, моя скромность превзошла меня самого.

Развѣ у меня не было самыхъ серьезныхъ основаній назваться столоначальникомъ или, наконецъ, архитекторомъ? А то что я теперь? Все болѣе и болѣе досадуя на самого себя, сидѣлъ я въ карьолкѣ, въ концѣ концовъ совершенно стряхнувъ съ себя дремоту, и клятвенно увѣряя себя, что я могъ бы совершенно свободно назваться путешественникомъ-изслѣдователемъ или аптекаремъ отъ Элефанта, имѣя въ виду опасность, сопряженную съ этимъ. Ручаюсь за это.

Въ послѣднее время я не обращалъ вниманія на Енса. Тяжело и равнодушно онъ ступалъ по дорогѣ, волочилъ ноги по песку и безъ всякой нужды поднималъ пыль, на поворотѣ дороги онъ опустилъ вдругъ голову, куснулъ нѣсколько разъ порывисто мундштукъ и снова остановился. Въ томъ нельзя было сомнѣваться, безъ всякаго особеннаго смущенія, онъ намѣревался снова стоять.

Я былъ такъ занятъ своими мыслями о молодой дѣвушкѣ, которую я недавно видѣлъ, что прошло немного времени, прежде чѣмъ я замѣтилъ, что мы стояли. Это заставило меня встрепенуться. Ты долженъ благодарить твоего Господа и Создателя за то, что я здѣсь сижу и думаю о совершенно иныхъ дѣлахъ! сказалъ я ему громко. Меня вдругъ прорвало, и я не могъ больше скрывать своихъ чувствъ. Енсъ стоялъ совершенно спокойно съ опущенной головой, какъ будто онъ положилъ себѣ на носъ палецъ и думалъ о чемъ-нибудь. Я вытянулся впередъ, чтобы осмотрѣть дорогу; тамъ могъ лежать ребенокъ у него подъ ногами или большой камень, корень. Я смотрѣлъ всюду, но ничего не замѣчалъ. Я замахнулся кнутомъ и ударилъ Енса. Онъ не двинулся съ мѣста; но махнулъ головой вверхъ и казалось говорилъ: смотри ты у меня! Это привело меня въ бѣшенство. Самъ ты смотри!—отвѣчалъ я ему и ударилъ его второй разъ. Тогда онъ поставилъ одну ногу твердо на землю,

и у него былъ видъ, какъ будто онъ имѣлъ честь высказаться передъ цѣлымъ собраніемъ, и тутъ вырвался у него какой-то звукъ. Но кромѣ этого онъ не сказалъ ни слова. Я не желалъ ему отвѣчать. Я находилъ ниже своего достоинства спорить съ лошадью. Взволнованный, молча я усѣлся обратно на свое мѣстечко и ожидалъ, что произойдетъ. Я выѣхалъ изъ дому съ твердымъ намѣреніемъ не вступать ни съ кѣмъ въ споръ. Я хотѣлъ держаться такъ, чтобы не поднимать шуму изъ пустяковъ.

Прошелъ часъ, мы продолжали спокойно стоять, и я долженъ былъ употреблять величайшія усилія для того, чтобы удержаться отъ насильственныхъ дѣйствій. Дважды я привставалъ въ карьолкѣ и каждый разъ я убѣждалъ себя снова сѣсть. Я молча переживалъ самыя ужасныя душевныя состоянія и принималъ это, какъ мужчина. Енсъ велъ себя въ высшей степени осторожно. Онъ не производилъ никакого шума, не трогался ни однимъ членомъ, а отдыхалъ себѣ преспокойно. Наконецъ, онъ поднялъ одну ногу и опять ее опустилъ. Это значило, что онъ усталъ стоять недвижимо. Онъ поднялъ ногу и опустилъ ее. Я не былъ увѣренъ вполнѣ въ этомъ, но мнѣ показалось, что онъ поднялъ еще разъ ногу и опустилъ ее. Прежде чѣмъ у меня было время повѣрить своимъ собственнымъ глазамъ, я почувствовалъ, что карьолка въ самомъ дѣлѣ катила по дорогѣ: мы больше ужъ не стояли неподвижно, мы опять ѣхали.

Я потерялъ способность рѣчи, я не могъ высказать никакого опредѣленнаго мнѣнія. Карьолка катила все быстрѣе и быстрѣе, я видѣлъ, какъ Енсъ дѣлалъ самыя отчаянныя движенія; онъ скакалъ. Въ своемъ ожесточенін я старался убѣдить себя, что мы еще преспокойно стоимъ. Мы стоимъ, стоимъ, разумѣется! говорилъ я. Чортъ возьми, мы стоимъ! И я закрывалъ глаза, чтобы не видать, что мы дѣйствительно двигались впередъ.

Прошло нѣкоторое время, солнце начинало опускаться, и

жара спадала. Енсъ снова шелъ лѣнивой рысью. Я былъ сердитъ на него, онъ совершенно уничтожилъ мое свѣтлое настроеніе, заставилъ меня потратить время на размышленіе; мнѣ предстояло еще тяжелыхъ полчаса до ближайшей станціи, и мнѣ хотѣлось бы пріѣхать туда раньше, чѣмъ мой провожатый уѣдетъ оттуда. Когда мы достигли вершины какого-то холма, я рѣшилъ наверстать немного потерянное время; я крикнулъ на Енса и махнулъ кнутомъ въ сторону, чтобы онъ держалъ ухо востро. Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ немного назадъ, какъ будто онъ не понялъ меня. Я долженъ выразиться немножко пояснѣе!—сказалъ я и хлестнулъ его въ бокъ.

Онъ остановился.

Не было никакой возможности ошибиться: Енсъ остановился съ непоколебимымъ спокойствіемъ въ третій разъ.

Я крѣпко схватился за кнутовище и привсталъ въ карьолкѣ. Я почти рѣшился покончить дѣло въ открытомъ бою, будь что будетъ. Въ послѣднее мгновеніе, однако, я остановился. Я не чувствовалъ въ этотъ моментъ никакого страха; будь это даже левъ, то и на него я пошелъ бы; но я одумался и опустилъ кнутъ. Не говоря ни слова о своихъ намѣреніяхъ, я вышелъ изъ карьолки; у меня было свое мнѣніе на этотъ счетъ; въ томъ не было никакого сомнѣнія, что что-то лежало у лошади на пути. Я сжалъ кулаки, готовый встрѣтиться съ кѣмъ угодно, и пошелъ впередъ къ Енсу. Я ничего не замѣтилъ, я, должно быть, обманулся въ предположеніяхъ, и я склонился надъ дорогой, чтобы изслѣдовать ее основательно. Песокъ, повсюду только песокъ; единственно, что я открылъ, была обгорѣлая спичка. Я вернулся и сѣлъ, такъ или иначе теперь должно кончить.

Я громко крикнулъ на Енса, потрясъ кнутомъ и хлестнулъ его. Енсъ не тронулся, онъ стоялъ такъ же спокойно, какъ и прежде. И это не помогло, я долженъ былъ опять слѣзть. Я снова подошелъ къ Енсу; я подошелъ къ нему

совсѣмъ близко и смотрѣлъ ему въ лицо. Онъ дѣлалъ видъ, какъ будто онъ этого не замѣчаетъ. Я всталъ на колѣни, смотрѣлъ ему въ глаза и слѣдилъ за направленіемъ его взгляда. На что онъ смотрѣлъ? Я напалъ на слѣдъ. Дѣйствительно, на маленькій обломокъ спички онъ такъ упорно смотрѣлъ.

Мнѣ стало стыдно за него. Было ли это на что похоже—придавать такое важное значеніе подобной спичкѣ? Я обошелъ нѣсколько разъ вокругъ карьолки, чтобы сообразить, какъ мнѣ его пристыдить.

Какъ это ему взбрело въ голову ставить мнѣ всѣ эти затрудненія? Развѣ мы съ нимъ въ началѣ уговаривались, что ли, останавливаться надъ каждою спичкой, что намъ попадется на дорогѣ? Или ему представилось, что это было очень вѣжливо съ его стороны? Или онъ не былъ честной лошадью, что ли?

Ни одинъ мускулъ лица его не дрогнулъ.

Я присталъ къ нему, какъ съ ножемъ къ горлу, я всячески издѣвался надъ нимъ, смѣялся надъ нимъ прямо въ лицо. Спичка, говорилъ я презрительно, товаръ, который я могъ раздавать цѣлыми пачками, понялъ онъ это! Я видѣлъ дни, когда я могъ бы прогуливаться съ спичками во всѣхъ карманахъ и не казался бы отъ этого ничуть не богаче теперешняго. Брось спичку на-земь, сказалъ я, попроси меня поднять ее, и тогда увидишь, сдѣлаю ли я это!

Это не произвело на него никакого впечатлѣнія, онъ повѣсилъ голову и упорно смотрѣлъ прямо передъ собой, какъ прежде.

Я былъ въ высшей степени раздраженъ, у меня получилось такое впечатлѣніе, что онъ совершенно пропустилъ мимо ушей мои слова. Что мнѣ было дѣлать? Я ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ, ругался и въ бѣшенствѣ пожималъ плечами. Дрожащимъ голосомъ я снова заговорилъ съ нимъ и пытался поразить его доводами: можетъ быть, это была

какая-нибудь особенная спичка? Находится она, если объ этомъ можно спросить, на картѣ полушарій? Не хотѣлъ ли онъ убѣдить меня, что это было нѣчто большее обыкновенной спички; нѣчто, съ чѣмъ познакомиться было очень пріятно?.. Я кричалъ все громче и разводилъ руками.

Наконецъ, Енсъ взглянулъ вверхъ; онъ замѣтилъ, что это была не шутка. Я хотѣлъ воспользоваться моментомъ, взялся за возжи и усѣлся. Ну вотъ, наконецъ-то я могу продолжать поѣздку. Вѣдь важенъ только первый шагъ, а тамъ дѣло пойдетъ само собой. Слѣдовательно, онъ долженъ поднять одну ногу, а за ней пойдутъ другія. Разумѣется, ногу, какую онъ самъ желаетъ, въ этомъ я ему предоставлялъ выборъ. Ну!

Но Енсъ все еще не двигался.

Онъ опустилъ голову внизъ и снова началъ упорно смотрѣть. Тутъ я сдался; силы, наконецъ, оставили меня. Теперь мнѣ было рѣшительно все равно, когда это все кончится, за дальнѣйшее я былъ не отвѣтственъ. Я натянулъ коверъ на себя и началъ устраиваться на ночь. Енса я совершенно не принималъ въ соображеніе. Кто знаетъ, сколько времени ему вздумается стоять здѣсь? Кто могъ поручиться, что-бы онъ вообще помышлялъ о дальнѣйшемъ путешествіи? Никакой дьяволъ не могъ бы пронюхать, тронется ли онъ съ мѣста раньше слѣдующаго утра. Во всякомъ случаѣ, говорилъ я самъ себѣ, я сдѣлалъ все, что я могъ; что тамъ еще случится, это не моя вина, я умываю руки.

Тутъ вижу я внизу холма лошадь съ карьолкой, приближающуюся на встрѣчу къ намъ; самъ Енсъ насторожилъ уши и потихоньку заржалъ,—это былъ предназначенный мнѣ проводникъ, который возвращался домой. Онъ остановился въ изумленіи и смотрѣлъ на насъ; тогда я выпрыгнулъ изъ карьолки и разсказалъ ему, что мнѣ пришлось претерпѣть. Парень тотчасъ поворотилъ свою лошадь и предложилъ ѣхать впереди меня; Енсъ упрямъ, сказалъ онъ, другая лошадь, такъ сказать, должна вести его на арканѣ.

Я снова усѣлся. Этотъ импровизированный проводникъ, въ родѣ какъ форрейторъ, впереди меня указывалъ на человѣка, занимающаго видное положеніе, и сильно поднималъ мое значеніе; въ сущности это выходило то же самое, какъ будто я ѣхалъ на двухъ лошадяхъ. Я забылъ и простилъ все то, что незадолго передъ тѣмъ раздражало меня, я пришелъ въ прекраснѣйшее настроеніе и началъ напѣвать какую-то пѣсенку.

И деревья, и камни, и дома плясали передъ моими глазами, по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ. На двухъ лошадяхъ подъѣхалъ я къ станціи.

РОЖДЕСТВО ВЪ ГОРАХЪ.

Выпало очень много снѣгу къ Рождеству, маленькій домикъ въ горахъ высовывался изъ него только крышей и двумя верхними этажами. Впрочемъ, это была не болѣе, какъ только хижина, небольшой хуторъ съ одной коровой, овцой и ягненкомъ.

Тамъ жило крестьянское семейство и зиму, и лѣто трудомъ рукъ своихъ.

Мужа звали Торомъ, а жену Кирсти; было у нихъ пятеро дѣтей и звали ихъ какъ разъ съ Тиміана до Калдеи. Калдея находилась въ услуженіи внизу, въ приходѣ, а Тиміанъ переселился въ Америку. Изъ троихъ дѣтей, оставшихся дома, двое было мальчиковъ и одна дѣвочка: Ринальдъ, Дидрикъ и Томелена. Но Томелену звали обыкновенно Леной.

Въ этотъ годъ, какъ мы уже сказали, выпало необыкновенно много снѣгу къ Рождеству, и старый Торъ разгребалъ снѣгъ цѣлый день, такъ что онъ чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ. Онъ уже прочелъ изъ молитвенника все, что полагается на рождественскій сочельникъ, и послѣ этого онъ легъ отдохнуть на кровать съ трубкой въ зубахъ. Жена готовила ужинъ и мѣшала огонь въ печи, суетливо бѣгая по комнатѣ и постоянно находя что-нибудь поправить.

— Дали ли скоту корму на вечеръ? — спросилъ Торъ.

— Да, объ этомъ уже позаботились,—отвѣчала жена.

И вотъ Торъ продолжалъ курить нѣкоторое время и сказалъ затѣмъ, смѣясь въ бороду:

— Что это такое ты варишь и жаришь цѣлый вечеръ, любезная? Я понять не могу, откуда ты все это взяла?

— О, я богаче, чѣмъ вы думаете, да,—отвѣчала Кирсти и сама также засмѣялась на свою шутку.

За ужиномъ у семейства должна была быть водка, таковъ былъ старинный обычай, и Ринальдъ долженъ былъ разливать по стаканамъ. Это была для него торжественная минута. Онъ долженъ былъ держать въ своихъ маленькихъ рученкахъ графинъ, разрисованный большими розанами. Глаза всѣхъ слѣдили за нимъ.

— Держи графинъ въ лѣвой рукѣ, когда ты наливаешь старшимъ,—сказалъ отецъ.—Ты достаточно уже выросъ для того, чтобы перенимать и пріучаться.

И Ринальдъ взялъ графинъ съ розанами въ лѣвую руку. Онъ наливалъ такъ осторожно, что стоило на него посмотрѣть; онъ высунулъ языкъ, склонилъ голову на бокъ и наливалъ.

Ѣда была точно такая, какую готовятъ для гостей: тамъ былъ и круглый хлѣбъ, и сиропъ, и по яйцу на каждаго. Можно было видѣть, что это Рождество, такъ какъ, въ довершеніе всего, было даже масло къ хлѣбу.

Торъ громко прочелъ лютеровскую предобѣденную молитву.

Но послѣ ужина маленькій Дидрикъ ошибся въ днѣ и поблагодарилъ отца и мать за обѣдъ, пожавъ имъ руки. Отецъ не сдѣлалъ ему никакого замѣчанія, пока тотъ не кончилъ съ этимъ; но когда онъ кончилъ, Торъ все-таки сказалъ:

— Ты не долженъ благодарить насъ за обѣдъ нынче вечеромъ, Дидрикъ. Въ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего дурного; но ты знаешь вѣдь, что это въ вечеръ подъ Новый годъ благодарятъ за обѣдъ.

Тутъ Дидрикъ такъ смутился, что весь съежился и готовъ былъ расплакаться, такъ какъ братья и сестра начали надъ нимъ смѣяться.

Торъ снова улегся на кровать съ трубкой въ зубахъ, а жена стала мыть посуду.

— Да, насъ совсѣмъ завалило снѣгомъ,—замѣтила она.

— Да, онъ и еще пойдетъ,—отвѣчалъ Торъ.—Около луны кругъ, и сороки летаютъ совсѣмъ низко надъ землей.

— Такъ нечего и думать итти въ церковь завтра?

— Хмъ, Боже тебя упаси. Ты еще не смотрѣла въ календарь, коль собираешься итти завтра въ церковь.

— А что же тамъ за аспектъ?

— А онъ видомъ не лучше безногаго теленка. Просто и говорить не хочется объ этакой гадости.

— Ну, что ты еще тамъ выдумалъ? воскликнула Кирсти.

— Принеси-ка мнѣ очки, Ринальдъ, да смотри, не урони ихъ на полъ, продолжалъ Торъ. И онъ еще разъ изслѣдовалъ опасный аспектъ.—Да, вотъ посмотри здѣсь, сказалъ онъ женѣ.—Тутъ ничуть не лучше того, что я сказалъ.

— Іисусе, спаси насъ Господи,—сказала Кирсти, сложивъ молитвенно руки.—Это означаетъ вьюгу, что ли?

— Да, означаетъ вьюгу. Но это еще не самое ужасное. Если ты хочешь увидѣть аспектъ въ такомъ родѣ, то посмотри подъ пятымъ февраля. Тамъ имѣется не что иное, какъ самъ антихристъ, съ двумя рожками.

— Господи, Іисусе! сохрани насъ всѣхъ и Тиміана, что теперь въ Америкѣ!

Послѣ этого восклицанія въ маленькой избушкѣ на нѣкоторое время воцарилась тишина. На дворѣ начиналась метель. Дѣти разговаривали другъ съ другомъ и занимались кто чѣмъ. Котъ переходилъ отъ одного къ другому и терся объ ноги.

— Право, я не могу себѣ представить, что ѣстъ король въ рождественскій вечеръ?—спросилъ вдругъ Дидрикъ.

— Хо-хо, чистое масло и сладкіе пирожки,—отвѣчала маленькая Лена, которой было только восемь лѣтъ и которая не имѣла бо́льшихъ свѣдѣній.

— Подумать только, сладкіе пирожки. И масла сколько угодно, сказалъ Дидрикъ.—И король, конечно, одинъ выпиваетъ цѣлый графинъ съ розанами?

Но Ринальдъ, самый старшій изъ нихъ и давно уже ходившій въ школу, разразился смѣхомъ на эту болтовню:

— Только одинъ графинъ! Ха, ха, король выпиваетъ по крайней мѣрѣ двадцать, да!

— Двадцать, думаешь ты?

— Да, самое меньшее.

— Нѣтъ, что ты съ ума сошелъ, Ринальдъ? Онъ не въ состояніи выпить больше двухъ, сказала мать, стоя у печки.

Но тутъ вмѣшался въ разговоръ и Торъ.

— О чемъ это вы болтаете,—сказалъ онъ.—Можетъ, вы думаете, что король пьетъ что-нибудь такое, въ родѣ водки? Король пьетъ такой напитокъ, который называется шампанскимъ, долженъ я вамъ сказать. Оно стоитъ пять, шесть кронъ только за одну бутылку, какъ ему цѣна въ Англіи. И это пьетъ король первымъ дѣломъ, какъ только онъ встанетъ, и подъ конецъ дня на сонъ грядущій, постоянно только шампанское. Каждый разъ, какъ онъ выпиваетъ стаканъ, ставитъ онъ его на подносъ такъ, что стаканъ разбивается въ дребезги и говоритъ принцессѣ: возьми его прочь! такъ говоритъ онъ.

— Но, Боже мой, зачѣмъ же онъ бьетъ стаканы?—спрашиваетъ Кирсти.

— Хе, что за вопросъ! Думаешь ты, что онъ станетъ пить изъ одного и того же стакана постоянно, такой человѣкъ, какъ онъ.

Молчаніе.

— Я не понимаю, откуда это ты, Торъ, знаешь все? говоритъ жена потихоньку.

— О, говоритъ Торъ: — и я вѣдь былъ маленькимъ тоже. Въ мои же времена было не такъ легко, какъ теперь, отвѣчать священнику. Тогда нужно было знать свой предметъ.

Но вотъ Торъ всталъ, отложилъ въ сторону трубку и спросилъ, гдѣ порохъ. Онъ очень хорошо зналъ, гдѣ былъ спрятанъ порохъ, такъ какъ онъ самъ поставилъ его у

ножки кровати въ послѣдній разъ, какъ онъ пришелъ изъ лавочки, но онъ все-таки спросилъ, гдѣ порохъ, и вызвалъ этимъ въ избѣ торжественное настроеніе.

Когда онъ досталъ порохъ, онъ его раздѣлилъ на три равныхъ части и завернулъ въ трехъугольные бумажные листки. И вотъ надѣлъ онъ шапку. Дѣти собрались съ любопытствомъ вокругъ него и просили позволенія пойти вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ они знали, что предстояло.

И немного спустя осталась Кирсти въ избѣ одна.

Торъ съ дѣтьми отправился къ стойлу, гдѣ они должны были сжечь порохъ. Снѣжная метель дико бушевала вокругъ нихъ, когда они шли. Торъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, отворяя двери стойла, и второй разъ, войдя уже внутрь. Въ стойлѣ было темно, кругомъ было тихо; слышно было, какъ жевала корова. Торъ зажегъ огарокъ и сталъ поджигать пакетики: одинъ для коровы, одинъ для овцы, одинъ для ягненка; дѣти смотрѣли на все это съ тайнымъ ужасомъ, никто ничего не говорилъ. И вотъ Торъ снова осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и вышелъ. Онъ крикнулъ маленькой Ленѣ, которая отстала погладить барашка, чтобы она поспѣшила выйти. И Торъ съ дѣтьми снова вернулся въ избу.

— Какая страшная метель на дворѣ,—сказалъ онъ.—Горъ не видать за снѣжной пылью.

Онъ снова легъ на кровать, дожидаясь, когда будетъ готовъ кофе, между тѣмъ какъ дѣти стали заниматься своими игрушками у стола. Они становились все шумнѣе и шумнѣе и смѣялись при томъ надъ всякими пустяками. Торъ говоритъ черезъ всю комнату женѣ:

— Да, я, право, удивляюсь, что... Нѣтъ, вы такъ шумите, дѣти, что невозможно большимъ разговаривать изъ-за васъ... Я, право, не представляю себѣ, что мнѣ дѣлать, и когда же я услышу, наконецъ, о какой-нибудь работишкѣ,—сказалъ онъ.

Жена налила кофе.

— Ну, что-нибудь придумаешь съ Божьей помощью,—отвѣчала она.

— Можетъ, понадобятся молотильщики внизу, въ приходѣ?

— Ну, да, что-нибудь найдется... Иди, выпей-ка кофейку.

Когда Торъ напился кофе, онъ опять закурилъ трубку. Онъ отвелъ жену въ сторону къ двери и шептался тамъ съ ней минутку, въ то время какъ дѣти изо всѣхъ силъ прислушивались, стараясь узнать, о чемъ это тамъ говорили. Но когда маленькая Лена сунула было съ любопытствомъ свою голову прямо между родителями, ее тотчасъ же спровадили назадъ, и братья кричали ей:

— Ну что, попало?

Но маленькая Лена была все же такая ласковая и добрая, что ни у кого не хватило сердца больше приставать къ ней. А потому Ринальдъ тотчасъ же побѣжалъ за ней съ большой блестящей пуговицей въ рукахъ и утѣшилъ ее, чѣмъ онъ могъ.

Отецъ отошелъ къ шкафу и вынулъ оттуда свертокъ. Въ этомъ сверткѣ лежала посылка отъ Тиміана изъ Америки, боа изъ чернаго мягкаго мѣха и съ кисточками.

Тиміанъ еще помнилъ, какъ холодно бывало въ горахъ зимой, и вотъ онъ послалъ домой это боа, которое было самымъ теплымъ шарфомъ, какой онъ только когда либо видѣлъ. И стоило оно не такъ ужъ мало...

Но кому отдать боа? Торъ и его жена со всѣхъ сторонъ разсмотрѣли этотъ вопросъ и, наконецъ, рѣшили отдать его Ринальду; вѣдь Ринальдъ былъ самый старшій, да кромѣ того у него же было не мало дѣлъ въ окрестныхъ селеніяхъ, такъ что для него былъ очень кстати теплый шарфъ.

— Ринальдъ, пойди сюда,—сказалъ Торъ.—Тутъ вотъ для тебя шарфъ отъ брата Тиміана. И что же это за шарфъ! Но ты береги его, чтобы у тебя на шеѣ былъ приличный шарфъ, когда тебѣ придется быть въ церкви... На, носи на здоровье!

Тутъ воцарилось всеобщее удивленіе и радость. Мягкое боа разсматривали и щупали цѣлые полчаса, и маленькая Лена, не переставая, гладила его своими маленькими посинѣвшими рученками. Но она не могла примѣрить его себѣ, еще не могла его примѣрить: она была слишкомъ мала. Но въ свою очередь Лена получила маленькую свѣчечку, и она все ходила съ этою свѣчкой, зажигала и тушила ее то и дѣло, такъ какъ ей вовсе не хотѣлось сжечь ее всю. Одинъ только Дидрикъ ничего не получилъ; но отецъ и ему обѣщалъ совершенно новую библейскую исторію, какъ только можно будетъ достать какой-нибудь работишки въ окрестности.

Все сильнѣе и сильнѣе мела снѣжная вьюга въ окно, и временами падалъ даже снѣгъ черезъ дымовую трубу, прямо на огонь въ печкѣ. Времени было много, пора было ложиться спать; утромъ снова за ту же работу, отгребать снѣгъ.

— Ну, дѣти, взбирайтесъ на полати и ложитесь,—сказалъ Торъ.—Помолитесь Богу, прежде чѣмъ лечь, и положите крестное знаменіе на лицо и на грудь.

И дѣти вскарабкались по лѣстницѣ одинъ за другимъ. Ринальдъ получилъ позволеніе взять съ собою свое боа, завернутое въ бумагу, а Лена шла за нимъ со своею свѣчкой въ рукахъ...

Въ полночь, когда всѣ спали, слышала мать изъ низу, какъ что-то зашевелось вверху. Она окрикнула, кто это тамъ. Никакого отвѣта, все стихло. Немного спустя, слышно было, чьи-то маленькія ножки прошлись по полу осторожными шагами—это была маленькая Лена; она все-таки потихоньку спустилась, чтобы помѣрить боа, и теперь страшно боялась, какъ бы ее не застали за этимъ.

Прекрасное боа! Это была самая изящная вещь въ этой горной избушкѣ, и Ринальдъ надѣвалъ ее только два раза въ церковь съ величайшей осторожностью. Но лѣтомъ, ко всеобщему огорченію, волоса все-таки начали изъ него лѣзть, а въ кисточкахъ завелась моль.

ЁНЪ ТРУ.

Одинъ изъ пріятелей разсказываетъ.

Въ пять часовъ въ рождественскій сочельникъ я заперъ свою комнату и отправился къ Квислингу. На дворѣ было холодно, а я зналъ, что у Квислинга топилась печь; да, можетъ быть, онъ еще и не совсѣмъ покончилъ съ обѣдомъ. Квислингъ совершенно не имѣлъ средствъ къ жизни, но онъ все-таки жилъ, и „довлѣла дневи злоба его", онъ никогда совершенно не падалъ духомъ; недѣлю тому назадъ онъ досталъ даже какимъ-то образомъ для себя пару новыхъ калошъ, хотя онѣ и были для него слишкомъ малы.

Я вхожу и вижу Квислинга въ полумракѣ у стола.

— Ну, садись же!—сказалъ онъ. Это была его особенная манера, что онъ не говорилъ: садись пожалуйста.

— Съ наступающимъ праздникомъ,—сказалъ я.—Какъ у тебя хорошо и тепло, а я не топилъ у себя печи сегодня; въ ней совсѣмъ нѣтъ тяги, такъ что топить ее безполезно.

На это Квислингъ ничего не отвѣчалъ. Онъ всталъ и отыскалъ кусокъ итальянской колбасы и большой ломоть хлѣба. Я сидѣлъ и смотрѣлъ на противоположную стѣну, пока это происходило, и, когда Квислингъ предложилъ мнѣ закусить и даже поставилъ для меня стулъ у стола, я воскликнулъ пораженный:—Нѣтъ, другъ, что это ты еще выдумалъ? Да ты уже поѣлъ, самъ-то? Н-да; коль такъ, очень тебѣ благодаренъ, это не напрасно потраченный трудъ немножко откушать, въ особенности такой закуски.

Кончилось тѣмъ, что я немножко закусилъ.

— Ну, брось тамъ свои глупости, закуси, сказалъ Квислингъ.

И я сталъ закусывать, какъ только онъ сказалъ это.

Нѣкоторое время сидѣлъ Квислингъ въ задумчивости; но вотъ онъ всталъ, схватилъ себя за волосы и пробормоталъ:

— Слѣдовало бы предложить тебѣ и выпивки, но этого у меня нѣтъ... Что ты скажешь на то, если бы пойти къ Ёну Тру?

— Не стоитъ,—отвѣчалъ я добродушно и чувствуя себя совершенно сытымъ:—что намъ у него дѣлать? Но, если ты хочешь...

Да, Квислингъ хотѣлъ итти къ Ёну Тру. И онъ напялилъ калоши.

Этотъ Ёнъ Тру былъ удивительно странный человѣкъ, крестьянинъ, студентъ богословія, и практичный, какъ кузнецъ. Онъ былъ такимъ скупымъ и точнымъ въ денежныхъ разсчетахъ, что его едва можно было поймать для уплаты за квартиру; а жилъ онъ такъ бѣдно, какъ только человѣкъ можетъ жить, въ какой-то каморкѣ, гдѣ не было ни одного приличнаго стула, ни занавѣсишки на окнахъ. Но никто, видя Ёна на улицѣ, не могъ получить впечатлѣнія, чтобы онъ жилъ много хуже другихъ; онъ всегда былъ такъ хорошо одѣтъ, на мой взгдядъ, и даже ходилъ въ дождь съ зонтикомъ.

— Онъ долженъ быть теперь, конечно, дома,—сказалъ Квислингъ и постучался.

Да, онъ былъ дома.

Съ праздникомъ. Мы усѣлись, какъ только могли лучше и начали болтать. Я оглядѣлся. Полъ былъ сильно покатъ по направленію къ двери, потолкомъ служилъ навѣсъ съ однимъ окномъ. Плюшевая шляпа и соломенная висѣли на стѣнѣ, и, кромѣ того, не было на всѣхъ четырехъ стѣнахъ ни единой картинки, только эти двѣ шляпы. И на кровати почти не было никакого бѣлья.

И вотъ говоритъ вдругъ Квислингъ:

— Ты въ общемъ прекрасный малый, Ёнъ Тру. Можетъ быть, ты и одолжишь мнѣ пять кронъ, если я попрошу у тебя?

— Хмъ! Нѣтъ, этого я никакъ не могу,—отвѣчаетъ на это Ёнъ.—Этого я не въ состояніи сдѣлать. Я долженъ былъ получить немного деньжонокъ изъ дому, но они еще не пришли.

— Да и я получу деньги на дняхъ,—продолжалъ Квислингъ:—да, я получилъ письмо, что-то послано мнѣ. Такъ твои деньги не пропадутъ.

— Да, не пропадутъ, это я знаю, но... Нѣтъ, къ сожалѣнію, я ничего не могу сдѣлать въ данномъ случаѣ. Я даже не могъ перемѣнить на себѣ бѣлья сегодня, въ рождественскій сочельникъ, потому только, что я не въ состояніи заплатить за стирку,—говоритъ Ёнъ. И въ то же время онъ показываетъ намъ, что онъ дѣйствительно не перемѣнялъ бѣлья.

Молчаніе.

— Да, такъ и тебѣ приходится туго?—замѣчаетъ Квислигъ:—а мы-то оба на тебя надѣялись.

Ёнъ только покачиваетъ головой и улыбается. Я ни слова не говорилъ, я былъ сытъ, и мнѣ ничего не было нужно. Но я улыбнулся мысли, что Квислингъ долженъ получить на дняхъ денегъ; откуда это онъ только могъ ихъ получить?

— Да вѣдь Рождество-то бываетъ только разъ въ году, Ёнъ Тру; ты долженъ, чортъ возьми, угостить насъ все-таки немножко нынче,—откровенно высказался Квислингъ.—И не думай отказываться.

— Нѣтъ, я? отвѣчаетъ Ёнъ, совершенно перепуганный:—чѣмъ же я могу васъ угостить?

Тутъ показываетъ Квислингъ на стѣну, по направленію къ шляпамъ, и говоритъ:

— Ну, да если у тебя нѣтъ денегъ, то позволь намъ заложить твой плюшъ...

— Плюшъ?—Ёнъ всталъ.—Нѣтъ я еще не сошелъ съ ума.

— Ну слыхалъ ли ты подобную свинью!—кричитъ мнѣ Квислингъ, и лицо его выражаетъ величайшее удивленіе.—У него двѣ шляпы, и онъ не хочетъ одолжить намъ одной, чтобы обернуться!

— Но ты можешь взять соломенную шляпу.

— Да, соломенную, благодаримъ покорно. Сколько же это мнѣ, по твоему, дадутъ подъ соломенную шляпу въ это время года?

— И то правда.

Молчаніе.

Квислингъ возобновляетъ свое предложеніе.

— Я въ жизнь свою не слыхалъ подобной нелѣпости!—восклицаетъ Ёнъ Тру.—Можетъ быть, тебѣ хочется посмотрѣть, какъ я буду разгуливать по улицамъ въ соломенной шляпѣ на Рождествѣ?

Я все ничего не говорю, такимъ благодушнымъ и сытымъ сижу я тамъ, совершенно раскисши послѣ обѣда. Но у меня ясно проносится мысль о томъ, какъ бы пристроить наушники къ этой соломенной шляпѣ, чтобъ сдѣлать ее годной къ употребленію, и я думалъ что-то насчетъ красныхъ фланелевыхъ наушниковъ, такъ какъ сперва я началъ думать о теплыхъ фланелевыхъ рубашкахъ.

Между тѣмъ тѣ двое продолжали споръ.

— Если уже мы начали объ этомъ разговоръ, такъ ты самъ сидишь въ совершенно новенькихъ калошахъ,—говоритъ Ёнъ Тру:—почему бы тебѣ ихъ не заложить?

Тутъ стаскиваетъ Квислингъ одну калошу и вытягиваетъ ногу. На его башмакахъ были зіяющія дыры, это была одна жалость, мы видѣли это всѣ трое.

— Такъ по-твоему я, можетъ быть, могу обойтись безъ калошъ?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, но Боже мой, какое же мнѣ до этого дѣло?

Квислингъ встаетъ и намѣревается схватить плюшевую шляпу со стѣны, еще мгновеніе—и онъ взялъ бы ее. Но Ёнъ все-таки предупредилъ его, онъ схватилъ шляпу и держалъ ее осторожно далеко отъ себя, чтобы не помять ея.

— Вставай же!—кричитъ мнѣ Квислингъ.—Отнимемъ у него шляпу, чортъ возьми.

Я всталъ. Ёнъ громко кричалъ:

— Я не дамъ вамъ испортить шляпы, я вамъ говорю.

Но вотъ онъ долженъ былъ выпустить шляпу. Намъ ничего не стоило совладать съ нимъ. Да, кромѣ того, крестьянскій инстинктъ Ёна ясно подсказывалъ ему, что, если бы мы измяли шляпу, то она не годилась бы ни для него самого, ни для кого-либо другого; поэтому онъ очень скоро выпустилъ ее.

Теперь Квислингу оставалось только заложить ее и на эти деньги купить угощенія. Только бы застать еще незапертымъ ломбардъ! Выходя изъ двери, онъ все еще бормоталъ:—Ну видалъ ли ты подобную свинью! У меня деньги почти что лежатъ на почтамтѣ и однако...

— Да, ты свинья!—тѣмъ же отвѣчалъ Ёнъ. И онъ открылъ дверь и крикнулъ внизъ по лѣстницѣ:—Ты не бросай квитанціи, ты на это способенъ.

Ёнъ Тру былъ не на шутку разсерженъ. Разъ онъ правъ, онъ постоитъ за себя, сказалъ онъ. Но вотъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что и онъ хочетъ принять участіе въ пирушкѣ, и онъ также, и спасти, что было можно спасти отъ шляпы. Онъ усѣлся, чтобы поразмыслить, сколько это Квислингъ получитъ за шляпу; онъ снова успокоился, его раздраженіе прошло, и онъ спросилъ меня напрямки, какъ по моему, можно ли надѣяться получить за шляпу шесть кронъ. Я опять усѣлся на полу и прислонился спиной къ стѣнѣ, меня сильно клонило ко сну. Ёнъ опять началъ безпокоиться.

Почему это не шелъ Квислингъ, гдѣ это онъ запропастился? Ужъ не ушелъ ли онъ куда съ деньгами? И Ёнъ раскрылъ свое окно въ крышѣ, несмотря на холодъ, чтобы высунуть голову и взглянуть на улицу.—Догадается ли только онъ купить немножко итальянской колбасы?—бормоталъ онъ.

Наконецъ пришелъ Квислингъ. Нѣтъ, съ нимъ не было итальянской колбасы, ему дали двѣ кроны за шляпу, и это пошло на коньякъ. Квислингъ поставилъ бутылку на столъ.

— Что это ты за шляпы носишь? выпалилъ онъ.—Въ двѣ кроны! Хе, хе, въ двѣ кроны!

— Гдѣ у тебя квитанція?—кричалъ Ёнъ, снова приходя въ ярость. И когда онъ получилъ ее, онъ зажегъ свѣчку и сталъ недовѣрчиво разсматривать квитанцію, не дали ли за шляпу больше двухъ кронъ.

Немного спустя сидѣли мы за столомъ, и у каждаго было по стаканчику. Я пилъ очень много и съ жадностью; Ёнъ Тру пилъ также много; казалось, онъ хотѣлъ отвоевать себѣ львиную долю. Одинъ только Квислингъ съ осторожностью наливалъ себѣ стаканъ каждый разъ только до половины.

— Съ какой это жадностью вы пьете,—сказалъ онъ.

Коньякъ оживилъ меня опять, я не хотѣлъ дать пройти этому возбужденію, я чувствовалъ въ себѣ такую легкость и бодрость, что я на это отвѣчалъ.

— Что тебѣ жалко, что ль? Слышишь ты, Ёнъ Тру, мы не должны пить съ такой жадностью.

Квислингъ взглянулъ на меня.

— Что это съ тобой?—сказалъ онъ.

Ёнъ замѣтно повеселѣлъ, онъ выпилъ еще стаканъ, въ томъ убѣжденіи, что коньякъ собственно былъ его, и повеселѣлъ еще болѣе, онъ началъ ликовать. Немного спустя онъ опять хватился колбасы. Квислингъ наполнилъ также и мой стаканъ и подавалъ его мнѣ, такъ какъ я сидѣлъ на полу; но я не протянулъ руки за нимъ.

— Ну, теперь, ты не обижаешься, нѣтъ?—сказалъ Квислингъ и внимательно посмотрѣлъ опять на меня.

Я отвѣчалъ, что ему нечего заботиться обо мнѣ, конечно, я не стану пить его коньякъ. Если онъ не имѣетъ ничего противъ того, я буду сидѣть тамъ, гдѣ я сидѣлъ. Но я могу также съ удовольствіемъ уйти.

Молчаніе. Квислингъ неподвижно и упорно смотритъ на меня.

— Если бы ты былъ вмѣняемъ, то я далъ бы тебѣ въ ухо, понимаешь ты. Но, мой милый, ты невмѣняемъ,—сказалъ онъ и отошелъ отъ меня.

— Можетъ, ты думаешь, что я пьянъ?—воскликнулъ я.

— Нѣтъ, не пьянъ. Ты только сытъ.

Я продолжалъ сидѣть и думалъ объ этомъ, въ то время какъ Ёнъ занимался коньякомъ. Теперь онъ уже дошелъ, онъ напѣвалъ и потихонько разговаривалъ самъ съ собою.

— Обижаешься!—говорилъ онъ.—Кто обидѣлся? Мнѣ кажется, вы болтали о комъ-то, кого обидѣли?—Онъ никакъ не могъ забыть о колбасѣ, онъ совершенно опредѣленно высказался, что онъ никогда не слыхалъ о Рождествѣ безъ колбасы. Вдругъ онъ предложилъ намъ спѣть что-нибудь.

Ёнъ и Квислингъ начали тогда „Вечернее солнце смѣется“.

— На разные голоса, кричалъ Ёнъ.

И они запѣли пѣсенку съ начала на разные голоса.

Я слушалъ; они не кончили еще перваго стиха, какъ я поднялся и выступилъ впередъ; какое-то волненіе овладѣло мной, я взялъ Квислинга за руку и что-то пробормоталъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Квислингъ. И когда онъ сказалъ хорошо, я снова усѣлся.

Ёнъ затянулъ новую пѣсню, шведскую пѣсню, гдѣ говорилось о Бьянкѣ.—Послушай, поди и достань немножко колбасы,—сказалъ онъ снова.

— Да, давай-ка денегъ,—отвѣчалъ Квислингъ.—Я знаю, что у тебя есть деньги, ты меня не обманешь.

Ёнъ Тру сразу измѣнился въ лицѣ; онъ усѣлся на краю кровати и поборолъ, на сколько могъ, опьяненіе. Крестьянинъ снова проснулся въ немъ, осторожно взялся онъ за карманъ на груди и сказалъ съ хитрою простоватостью пьянаго:

— Такъ вотъ какъ, ты знаешь, что у меня есть деньги? Кто это сказалъ тебѣ? Ты можешь обыскать меня; я не могъ даже нынче взять бѣлья изъ стирки.

— Ну, конечно,—согласился и Квислингъ:—я только пошутилъ. Тебѣ такъ же плохо приходится, какъ и намъ.

— Да, это правда.

— Никто не сочтетъ за богатаго того, кто живетъ въ такой конурѣ,—продолжалъ Квислингъ.

— Ну, что касается этого—то...

— Чего тамъ касается? Кто живетъ такъ, что и свинья не захотѣла бы жить у него, разумѣется—бѣднякъ, такой же, какъ и мы всѣ, настоящая голь. Но нечего стыдиться носить шляпу въ двѣ кроны, когда нужда заставляетъ.

— Нужда заставляетъ?—восклицаетъ Ёнъ.—Нѣтъ, вовсе и не было рѣчи о томъ, что...

— Объ этомъ и была рѣчь, и даже ты далъ въ томъ честное слово. Ужъ не хочешь ли ты теперь разубѣдить насъ?

Ёнъ Тру вскочилъ со стула, вся его осторожность покинула его, его задѣли за живое, онъ ударилъ по столу и назвалъ себя молодцомъ изъ рода Тру, молодцомъ Тру. Онъ схватилъ бумажникъ изъ кармана, сунулъ его подъ самый носъ Квислингу и сказалъ:

— Видишь ты это? Я спрашиваю, видишь ли ты это?

Квислингъ, казалось, былъ страшно удивленъ этимъ и отступилъ передъ нимъ.

— Да, вотъ каковъ онъ, Тру молодецъ-то, да!—говорилъ Ёнъ:—но этому не слѣдуетъ вѣрить, можетъ быть? Ты не считалъ меня вѣдь такимъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Квислингъ и съ удивленіемъ покачалъ головой.

Ёнъ все болѣе и болѣе входилъ во вкусъ, онъ искренно наслаждался замѣшательствомъ Квислинга и все болѣе и болѣе проникался сознаніемъ своего превосходства. Онъ какъ-то напыжился, всталъ на цыпочки и началъ кричать, и уже махалъ бумажникомъ надъ самымъ моимъ носомъ.

— Но пустой бумажникъ вовсе мнѣ не внушаетъ уваженія,—сказалъ Квислингъ испытующимъ тономъ.

— Пустой? Хе, вотъ еще что выдумалъ!—Ёнъ началъ вынимать бумажки, онъ махалъ всѣми своими деньгами, зажавъ ихъ въ кулакъ, и тѣснилъ Квислинга изъ одного угла каморки въ другой, намѣреваясь доканать его бумажками. Можетъ быть, онъ назоветъ это пустымъ бумажникомъ? Хе, хе, хе! Да, онъ имѣетъ полное право спрашивать объ этомъ, вѣдь онъ такъ наивенъ. Онъ былъ только Ёнъ Тру, не бобѣе того, бѣдный парень Тру; правду сказать, у него не было ни копѣйки въ карманѣ, ничего. Хе, хе, хе!

Не было конца его хвастовству, онъ сѣлъ, осушилъ бутылку до дна и продолжалъ хвастать. Квислингъ сказалъ:

— Да, это правда, я всегда говорилъ, что ты замѣчательный человѣкъ, ты, Ёнъ Тру. Ну какъ же относительно пяти кронъ? Угощеніе истощилось, а вѣдь у насъ сочельникъ.

— Но,—говорилъ Ёнъ, какъ будто онъ продолжалъ безъ перерыва свою рѣчь и не слыхалъ словъ Квислинга.—Но сейчасъ я показалъ вамъ свои деньги не для того, чтобы дать вамъ въ займы. Въ этомъ вы ошибаетесь.

И когда Квислингъ снова началъ ругать его самой отборный руганью, и Ёнъ увидалъ, что онъ долженъ что-нибудь предпринять, онъ прервалъ Квислинга и продолжалъ:

— Пока вы мои гости, вамъ не нужно занимать денегъ, на то, чтобы купить что-нибудь для дома. Объ этомъ позаботится самъ Тру, угощеніе на мой счетъ.

— Браво! воскликнулъ Квислингъ въ восторгѣ.

И это „браво“ привело Ёна Тру въ еще болѣе веселое настроеніе, онъ всталъ, пошарилъ въ жилеткѣ и вынулъ изъ кармана полкроновикъ, который онъ бросилъ Квислингу на столъ, такъ что монета зазвенѣла, и сказалъ:

— На колбасу!.

Квислингъ былъ уничтоженъ, это было слишкомъ много.

— На колбасу? Все? Что съ тобой, мой милый! воскликнулъ онъ.

И Ёнъ стоялъ, какъ будто остолбенѣвъ отъ гордости и соображая, какъ ему сдѣлать для насъ еще что-нибудь; онъ принялъ торжественный видъ, онъ перемѣнилъ даже тонъ и взялъ Квислинга за петлю:

— Я уполномочиваю тебя купить длинную колбасу для меня. Подожди, ни шагу дальше! Вотъ здѣсь пять кронъ, дай-ка мнѣ назадъ полкроновикъ. Я уполномочиваю тебя купить двѣ самыхъ длинныхъ колбасы, какія ты только увидишь, и новую бутылку коньяку за мой счетъ. Вотъ пять кронъ, если тебѣ не хватитъ, то скажи только, здѣсь у меня на груди найдется и больше. Вотъ теперь ты видишь Тру въ его настоящемъ видѣ, если ты его раньше не видалъ.

Квислингъ, наконецъ, освободился и поспѣшно удалился.

Ёнъ кричалъ еще ему вслѣдъ:—Смотри, чтобы тебѣ вѣрно сдали съ пяти кронъ. Вѣдь ты много получишь сдачи.

Нѣсколько минутъ прошло, цѣлыя десять минутъ прошло. Ёнъ болталъ, не переставая, и мнѣ такъ захотѣлось спать отъ его болтовни. Четыре раза садился онъ рядомъ со мной на полъ и говорилъ; но онъ никакъ не могъ найти себѣ покоя и снова вставалъ. Онъ даже начиналъ пѣть.

Мы услышали шаги по лѣстницѣ, медленные шаги. Ёнъ засмѣялся.

— Слышишь ты, какъ ему тяжело нести,—сказалъ онъ и высунулъ языкъ, зубоскаля.

Но Квислингу не тяжело было нести, онъ ничего не несъ,

лавки были заперты, когда онъ вышелъ. Квислингъ въ озлобленіи проклиналъ всѣхъ торговцевъ въ городѣ.

Только одинъ Ёнъ все-таки былъ доволенъ; въ томъ не было никакого сомнѣнія, что онъ радовался втайнѣ, и онъ тотчасъ же спросилъ деньги. Онъ ожесточенно ругалъ торговцевъ, и онъ также; но въ чемъ же можно было упрекнуть его? Развѣ онъ не хотѣлъ намъ услужить? Да, онъ надумалъ даже бѣжать за Квислингомъ съ новыми пятью кронами, исключительно только на угощеніе для насъ. Вѣдь онъ не дорожитъ деньгами...

На улицѣ зажгли фонари, былъ поздній вечеръ, Ёнъ началъ зѣвать и хотѣлъ ложиться спать. Квислингъ сидѣлъ спокойно, онъ о чемъ-то думалъ, у Квислинга всегда было такъ много увертокъ.—Ну, если мы собираемся итти, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: итти домой и ложиться спать, такъ мы, должно быть, забыли, что у насъ Рождество.—И онъ обратился къ Ёну Тру и безо всякихъ предисловій пожелалъ ему спокойной ночи. Мы должны были бы, по правдѣ говоря, провести такой вечеръ всѣ вмѣстѣ, но что же дѣлать! Конечно, Ёнъ не пойдетъ съ ними, такъ вѣдь?

Онъ не пойдетъ?

Ну да, развѣ онъ выйдетъ на улицу въ соломенной шляпѣ?

Да, Тру выйдетъ.

И Ёнъ надѣлъ свою соломенную шляпу и, пошатываясь, пошелъ впереди насъ, внизъ по лѣстницѣ.

Когда мы вышли на улицу, Квислингъ направилъ путь къ кафе; Ёнова соломенная шляпа бѣлѣлась, какъ вѣнчикъ, на его качающейся головѣ, и онъ долженъ былъ то и дѣло придерживать ее отъ вѣтра; Квислингъ шелъ впереди. Такъ мы дошли до „Катакомбъ“, здѣсь онъ остановился.

— Нѣтъ, это неудобно, Ёнъ Тру,—сказалъ онъ.—Народъ глазѣетъ на тебя, они говорятъ, что ты дурачокъ, святочное пугало въ соломенной шляпѣ. Такъ ты не позволишь шутить надъ собой.

Ёнъ встрепенулся.

— Кто это говоритъ, что я дурачекъ?—воскликнулъ онъ и былъ готовъ итти на встрѣчу кому угодно. Онъ снова вскипѣлъ, онъ подошелъ совсѣмъ близко къ фонарю надъ входомъ въ „Катакомбы“, чтобы народъ, какъ слѣдуетъ, могъ разсмотрѣть его соломенную шляпу; онъ снималъ ее передъ нѣкоторыми, чтобы помахать ею; потомъ надѣлъ ее на затылокъ и говорилъ, что съ него потъ льетъ, что ему жарко, и онъ хотѣлъ бы, коль на то пошло, посмотрѣть на того, кто осмѣлится глазѣть на Тру.

Когда Квислингъ снова такъ сильно его подзадорилъ, было совсѣмъ уже не трудно залучить его въ „Катакомбы“, гдѣ Ёнъ Тру спустилъ-таки свои пять кронъ.

И оказалось, что Квислингъ не ѣлъ еще ничего цѣлый день, хотя онъ и угостилъ меня роскошнымъ обѣдомъ...

Тутъ началъ разсказывать другой пріятель.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПИРЪ.

Случай въ Бавердалѣ.

Розвальни быстро мчатся по дорогѣ, и колокольчикъ звенитъ. Морозъ, снѣгъ и звѣзды.

Молодая чета сидитъ въ саняхъ. Они не разговариваютъ другъ съ другомъ; каждое слово, сказанное имъ, она оставляетъ безъ отвѣта. У моста, гдѣ вѣтеръ дуетъ особенно рѣзко, онъ спрашиваетъ, не озябла ли она; она отвѣчаетъ раздражительно, что она озябла. Когда начались обширныя поля, онъ говоритъ:

— Да, вотъ сейчасъ мы и пріѣдемъ!

Вскорѣ они дѣйствительно пріѣхали, огни изъ усадьбы уже свѣтили имъ на встрѣчу. На дворѣ стоялъ парень, дворникъ при усадьбѣ.

— Добрый вечеръ, Бреде,—привѣтствуютъ пріѣзжіе.

— Добрый вечеръ,—отвѣчаетъ парень и хочетъ взять возжи. Молодая женщина выходитъ изъ саней, снимаетъ варишку и подаетъ руку парню. Они были знакомы другъ другу. Ея руки были холодныя, его—горячія. Они не разговаривали другъ съ другомъ, онъ сказалъ только:

— Это—Марта, вижу я.

Она входитъ тотчасъ же въ домъ со своимъ мужемъ, а Бреде ведетъ лошадей въ конюшню.

Нѣсколько минутъ спустя входитъ Бреде въ кухню и садится на длинную скамью. Онъ молодой, сильный парень высокаго роста. Шумъ и смѣхъ изъ покоевъ долетаютъ до

кухни, слышно, что у хозяевъ пиръ, и дѣвушки усердно хлопочутъ надъ ужиномъ.

Дверь отворяется, и входитъ Марта.

Она здоровается со всей прислугой и ласкаетъ собаку, затѣмъ обращается къ Бреде и проситъ его поискать ея рукавичку, потерянную ею вѣроятно у саней. Въ то время, когда она говоритъ, падаетъ свѣтъ отъ лампы на ея лицо, она—полная, молодая, бѣлокурая женщина. Бреде смотритъ одно мгновеніе на нее и молча выходитъ.

Немного спустя выходитъ также и Марта. Она находитъ Бреде у саней.

— Нашелъ ты рукавичку?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.

Они ищутъ оба нѣкоторое время. Она говоритъ:

— Ты не очень измѣнился за этотъ годъ.

— Да-а,—отвѣчаетъ онъ:—долгій это былъ годъ.

— Да,—говоритъ также она:—это былъ долгій годъ. И ни разу ты не былъ въ нашихъ краяхъ.

Они не находятъ варишки. Они остановились у крыльца. Онъ говоритъ:

— Тебѣ холодно, Марта,—ты такъ легко одѣта.

— Это ничего не значитъ,—отвѣчаетъ она еле слышно.

Ея мужъ выходитъ. Выраженіе его лица веселое и смѣшное; онъ выпилъ не одинъ стаканъ крѣпкаго вина. Марта съ недоброжелательствомъ смотритъ на него и тотчасъ входитъ въ покои.

— Войди и выпей стаканчикъ, Бреде, — говоритъ ея мужъ добродушно.

Они входятъ оба въ кухню, и имъ подаютъ бутылку. Послѣ третьяго стакана Бреде отказывается пить больше, но мужъ старается заставить его. И вотъ онъ выпиваетъ еще четвертый стаканъ, встаетъ вдругъ и выходитъ изъ кухни.

Онъ направляется въ дворницкую. Тамъ сидятъ двое

другихъ рабочихъ и играютъ въ карты при свѣтѣ одной свѣчи. Около восьми часовъ.

Бреде садится поодаль. Онъ слышитъ немного спустя шаги въ сараѣ. „Это идутъ звать къ ужину“, думаетъ онъ. Оказалось, это пришла Марта.

— Ты не играешь въ карты?—спрашиваетъ она Бреде.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Такъ ты поможешь мнѣ кой въ чемъ тамъ,—говоритъ она.

Бреде слѣдуетъ за ней.

— Чего тебѣ надо?—спрашиваетъ онъ.

Она не отвѣчаетъ. Въ сараѣ темно. Она схватываетъ его за руку, и онъ слышитъ біеніе ея сердца.

— Какъ странно видѣть тебя опять,—говоритъ она.

На это Бреде ничего не отвѣчаетъ. Она спрашиваетъ:

— Можетъ быть, тебѣ больше нѣтъ дѣла до меня?

— Да, нѣтъ же,—отвѣчаетъ онъ.—Иди въ домъ, Марта.

Проходитъ минута, она опускаетъ вдругъ его руку, отталкиваетъ ее и говоритъ внѣ себя:

— Да, съ тобою все кончено, пусти меня.

Онъ отшатнулся, смущенный, безпомощный. Онъ посмотрѣлъ на дворъ, она уже исчезла.

Тутъ пришли звать его къ ужину. Бреде вошелъ въ кухню и сѣлъ ужинать вмѣстѣ съ остальною прислугой за длиннымъ столомъ. Среди ужина опять входитъ мужъ Марты съ бутылкой. Его лицо разгорячилось еще больше, еще больше повеселѣло. Онъ угощаетъ всѣхъ, но прежде всѣхъ и больше всего Бреде. Марта выходитъ также, она громко смѣется и шутитъ съ мужемъ.

— Налей же Бреде,—говоритъ она.

Мужъ наливаетъ. Бреде выпиваетъ каждый разъ; но вдругъ онъ говоритъ:

— Почему же я долженъ пить такъ много?

— Пей,—отвѣчаетъ мужъ.

Бреде встаетъ, разсерженный, изъ-за стола, беретъ свою шапку и спѣшитъ вонъ.

— За нимъ!—кричитъ Марта. Всѣ смѣются. Марта слѣдуетъ за нимъ. Мужъ бѣжитъ сзади, держа бутылку, съ хохотомъ и гиканьемъ. Все больше и больше выходитъ народа изъ дома посмотрѣть, среди нихъ отецъ Марты, хозяинъ усадьбы; онъ весь трясется отъ хохота и хватается за животъ. Бреде бросается къ амбару, видитъ за собою погоню, поднимается рѣшительно по высокой лѣстницѣ все выше и выше до самой верхушки, и взбирается на крышу амбара. Тамъ онъ усаживается въ снѣгу. Мѣсяцъ взошелъ, вечеръ былъ свѣтлый и ясный.

— Сойди, тамъ опасно,—вскрикиваетъ Марта.

Бреде не отвѣчаетъ.

— Развѣ тамъ не опасно!—восклицаетъ она опять. На ея лицѣ выражается ужасъ.

Бреде не отвѣчаетъ. Мѣсяцъ освѣщаетъ его крупную фигуру, бросающую тѣнь на крышу.

— За нимъ, Поль!—говоритъ Марта тихо и внѣ себя.

Ея мужъ начинаетъ взбираться по лѣстницѣ. Онъ смѣется и говоритъ, карабкается, достигаетъ верхней ступеньки, поднимаетъ голову надъ краемъ крыши и киваетъ Бреде.

— Бреде,—говоритъ онъ.

— Чего тебѣ отъ меня надобно?—отвѣчаетъ Бреде.—Я сброшу тебя ей на голову.

Поль поднимается на крышу.

— Да, сбрось меня ей на голову, ты это можешь сдѣлать!—говоритъ онъ. Онъ мягко говоритъ съ Бреде, соглашается съ нимъ, треплетъ его по плечу. Онъ предлагаетъ ему хлебнуть изъ бутылки, и Бреде выпиваетъ, не желая ему противорѣчить.

Они сидятъ тамъ, на верху. Гости всѣ вмѣстѣ возвращаются опять за столъ. Бреде потягиваетъ все больше и

больше изъ бутылки. Поль обнимаетъ его, они пьютъ за добрую дружбу.

— Ты зналъ Марту до меня,—говоритъ Поль и мигаетъ, и смѣется. Вы почти что вмѣстѣ выросли.

Бреде спрашиваетъ недовѣрчиво:

— Что это ты хочешь заставить меня тебѣ разсказывать? Спроси ее самое.

— Угости же Бреде,—кричитъ Марта снизу.

— Хочется тебѣ свалить меня съ ногъ, этого тебѣ хочется?—спрашиваетъ Бреде въ свою очередь.

Бутылка осушается. Бреде сидитъ и качается на крышѣ. Внизу стоитъ Марта и за всѣмъ наблюдаетъ.

— Рождество бываетъ только разъ въ году, —говоритъ Поль со своею простою миной и начинаетъ сползать внизъ по лѣстницѣ.

— Подожди немного!—кричитъ Бреде ему вслѣдъ.—Развѣ въ бутылкѣ нѣтъ больше ничего? Онъ разводитъ руками и смотритъ на дворъ остановившимися глазами. Онъ схватываетъ снѣгу съ крыши и сбрасываетъ его на Поля, гикая и хохоча во все горло.

Когда Поль спустился внизъ, жена его говоритъ:

— Отними теперь лѣстницу.

Бреде слышитъ это сверху съ крыши и отвѣчаетъ:

— Да, отними только лѣстницу. Я спрыгну внизъ.

Онъ привстаетъ и приготовляется къ прыжку, поскальзывается и падаетъ опять на крышу. Осовѣлый и пьяный, онъ лежитъ въ такомъ положеніи и смотритъ, какъ отнимаютъ лѣстницу.

На дворѣ все утихаетъ, онъ смотритъ внизъ, никого не замѣчаетъ и думаетъ, что онъ одинъ. Лѣстницу опять поднимаютъ и ставятъ на прежнее мѣсто, но онъ не замѣчаетъ этого, его глаза закрываются.

— Вернись назадъ съ лѣстницей, — говоритъ онъ про себя. Холодъ дѣйствуетъ на него, онъ начинаетъ засыпать

и вдругъ привстаетъ однимъ движеніемъ. Вернись-ка назадъ съ лѣстницей, я дамъ тебѣ кое-что,—говоритъ онъ въ пространство:—у меня есть кое-что, что я могу тебѣ дать.

Ничего не соображая, мертвецки пьяный, упирается онъ руками въ крышу и, соскользнувъ, падаетъ на дворъ.

Слышится крикъ, смѣшанный гулъ голосовъ. Его окружаютъ.

— Да, но вѣдь лѣстница стояла тамъ,—говоритъ Марта, въ ужасѣ. Я поставила ее назадъ, тамъ она и стояла.

Бреде перевертывается раза два въ снѣгу и поднимается. Онъ разбилъ себѣ лобъ, на немъ кровь, но паденіе стряхнуло съ него его оцѣпенѣлость. Пораженный самъ, онъ начинаетъ смѣяться и вытираетъ съ лица кровь съ веселой улыбкой. Ему трудно стоять твердо, онъ шатается изъ стороны въ сторону, и кто-то изъ прислуги беретъ его подъ руку, чтобы поддержать, куртка у него вздергивается вверхъ, и съ его груди выпадаетъ рукавичка.

Марта широко открываетъ глаза, по ея лицу пробѣгаетъ пылкая радость; онъ подходитъ ближе, поднимаетъ рукавичку и суетъ ее въ карманъ.

— У него была моя рукавичка,—говоритъ она тихо:—все-таки у него она была.

Она идетъ сама къ Бреде и дѣлаетъ ему перевязку. Его хмѣль мало-по-малу проходитъ, эта твердая голова быстро приходитъ опять въ порядокъ. Но онъ все-таки продолжаетъ шататься; ему ощупываютъ ноги и находятъ, что одна изъ нихъ переломлена. Марта бросается на полъ и поспѣшно развязываетъ ремень у его башмака.

Два года спустя Марта овдовѣла, и черезъ годъ послѣ того хромой Бреде сталъ ея мужемъ.

ДАМА ОТЪ ТИВОЛИ.

Это случилось лѣтомъ во время концерта парижскаго хора въ Тиволи. Я прогуливался по дворцовому холму; взобравшись на него, я повернулъ назадъ и направился къ Тиволи.

Большая толпа народа собралась около ограды послушать пѣніе парижскаго хора; я также остановился среди другихъ.

Я встрѣтилъ товарища, съ которымъ я потихоньку сталъ разговаривать; между тѣмъ началось пѣніе въ саду, и вѣтеръ доносилъ до насъ слабые прерывистые звуки. Вдругъ я почувствовалъ какое-то безпокойство, и нервное, непріятное состояніе овладѣло мной, я невольно повернулся въ сторону и отвѣчалъ невпопадъ на вопросы моего друга. Минуты двѣ я чувствовалъ себя спокойнымъ, но потомъ мной снова овладѣло то же самое непонятное состояніе.

Въ эту самую минуту товарищъ говоритъ мнѣ:

— Что это за дама такъ смотритъ на тебя?

Я быстро обернулся. Какая-то дама стояла какъ разъ сзади меня; на меня были устремлены глаза, ужасно странные: голубые, съ поволокой, совершенно неподвижные глаза.

— Я не знаю, кто это,—отвѣтилъ я и отвернулся.

Я былъ сильно взволнованъ. Эти глаза продолжали останавливаться на мнѣ; я чувствовалъ, они жгли мнѣ затылокъ, не переставая; они производили впечатлѣніе ме-

талла и вонзались въ меня сзади, какъ двѣ холодныхъ иглы. Дальше я не былъ въ состояніи, при моей нервности, выносить этотъ взглядъ. Обернувшись еще разъ и убѣдившись, что я дѣйствительно не знаю дамы, я оставилъ свое мѣсто и пошелъ дальше.

* * *

Нѣсколько дней спустя, я сидѣлъ съ однимъ моимъ знакомымъ, молодымъ лейтенантомъ, на скамейкѣ, какъ разъ противъ университетскихъ часовъ. Мы сидѣли и смотрѣли на публику, которая, прогуливаясь, двигалась взадъ и впередъ. Вдругъ я вижу въ толпѣ два глаза,—холодные, съ поволокой, которые были устремлены на насъ; я тотчасъ же узналъ молодую даму отъ Тиволи. Она продолжала упорно смотрѣть на насъ, и лейтенантъ спросилъ съ любопытствомъ, не знаю ли я, кто она.

— Совсѣмъ не знаю, — отвѣчалъ я.

— Кого-нибудь изъ насъ она должна знать, — сказалъ онъ и всталъ:—очень можетъ быть, что меня.

Между тѣмъ дама сѣла на ближайшую скамейку. Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ ней, я дернулъ лейтенанта за сюртукъ и хотѣлъ заставить его пройти мимо.

— Пожалуйста, безъ глупостей, — сказалъ тотъ: — разумѣется, мы должны съ ней поздороваться.

— Н-да, — едва проговорилъ я и послѣдовалъ за нимъ назадъ. Онъ поклонился и назвалъ свое имя. Не позволитъ ли она присѣсть на ея скамейку? и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ сѣлъ.

Онъ сталъ съ ней разговаривать, и она отвѣчала ему дружелюбно, но разсѣянно; немного спустя онъ овладѣлъ ея зонтикомъ, который онъ сталъ вертѣть въ рукахъ. Я стоялъ около все время и смотрѣлъ; я чувствовалъ себя немного смущеннымъ и совершенно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Маленькій мальчикъ прошелъ мимо съ цвѣтами въ корзинкѣ.

Лейтенантъ, спеціалистъ по знанію того, что должно дѣлать, тотчасъ подозвалъ его и купилъ нѣсколько розъ. Не позволитъ ли она приколоть одну изъ розъ ей на грудь? Послѣ полуотказа она дала ему не это позволенье. Лейтенантъ былъ красивый мужчина; меня ничуть не удивляло, что она позволяла ему эти вольности.

— Но она вѣдь погибла! — сказала вдругъ дама, она вынула розу изъ петлички и устремила на нее взглядъ, въ ужасѣ. Бросая ее далеко на мостовую, она прибавила тихимъ голосомъ:

— Она напоминаетъ трупъ младенца! — Я не обратилъ особеннаго вниманія на эти слова, но я очень хорошо замѣтилъ волненіе дамы. По предложенію лейтенанта рѣшили мы пройтись по дворцовому парку. По дорогѣ дама начала совершенно безо всякаго повода говорить о какомъ-то ребенкѣ, котораго она видѣла, но который теперь погребенъ. На это мы ничего не сказали. Немного спустя она начала говорить о сумасшедшемъ домѣ, куда не особенно-то пріятно попасть тому, *кто еще не сошелъ съ ума.*

— Да,—сказалъ лейтенантъ:—но этого вѣдь не случается въ наше время.

— Но это случилось съ матерью того ребенка, — отвѣчала дама.

Тутъ лейтенантъ сталъ смѣяться.

— Да, это не дай Богъ, — сказалъ онъ.

Она говорила пріятнымъ голосомъ, и ея рѣчь выдавала въ ней женщину изъ хорошаго общества. Я рѣшилъ про себя, что она можетъ быть немножко со странностями, можетъ быть даже немного истерична, на что, казалось, намекалъ также и болѣзненный огонь ея глазъ. Во всякомъ случаѣ, я не думалъ, чтобы она была не въ полномъ разумѣ.

Между тѣмъ мнѣ стоило труда слѣдить за ней въ ея внезапныхъ переходахъ отъ одного предмета къ другому.

Это приводило меня въ какое-то состояніе разсѣянности;

она мнѣ наскучила, и потому я остановился и распрощался. Я снялъ шляпу и низко поклонился, я не зналъ, почему; но я поклонился очень низко. Уходя, я видѣлъ, что они вдвоемъ шли дальше въ паркъ, но я не зналъ, куда именно они шли: я больше не оборачивался.

* * *

Прошла недѣля. Разъ вечеромъ, идя внизъ по улицѣ Карла Іогана, я встрѣтилъ даму отъ Тиволи. Встрѣтившись, мы оба замедлили невольно шаги и, прежде чѣмъ я успѣлъ одуматься, я шелъ уже рядомъ съ ней.

Мы говорили о чемъ-то совершенно неинтересномъ и подвигались потихоньку по тротуару. Она назвала мнѣ свое имя—то была извѣстная фамилія—и спросила о моемъ. Но не успѣлъ я еще отвѣтить, какъ она положила свою руку на мою и сказала:

— Впрочемъ, можете не говорить, я знаю.

— Да,—сказалъ я:—мой другъ, лейтенантъ, всегда очень любезенъ. Могу я спросить, по какому поводу онъ тогда назвалъ вамъ меня.

Но ея мысль была уже совершенно въ другомъ мѣстѣ, она показала по направленію къ Тиволи и сказала:

— Посмотрите-ка!..

Человѣкъ катался на велосипедѣ вверхъ и внизъ въ воздухѣ, въ морѣ горящихъ факеловъ. То былъ эквилибристъ.

— Подойти намъ туда?—спросилъ я.

— Отыщемте скамейку,—отвѣчала дама.

Она пошла впередъ, мы перешли черезъ улицу Драммена и вошли въ паркъ, гдѣ она выбрала самое темное мѣсто, какое можно было только найти.

Тамъ мы усѣлись. Я попытался сейчасъ же завязать разговоръ, но это мнѣ не удалось; она прервала меня съ умоляющимъ видомъ: не могу ли я помолчать минутку?

— Съ удовольствіемъ, — подумалъ я и замолчалъ. Я

молчалъ битыхъ полчаса безъ перерыва. Дама сидѣла неподвижно; въ темнотѣ я могъ видѣть бѣлки ея глазъ; она все время искоса поглядывала на меня. Наконецъ, мнѣ стало почти что страшно отъ этого пронизывающаго, сумасшедшаго взгляда, я готовъ былъ уйти, но я поборолъ себя и только потянулся рукой въ карманъ за часами.

— Десять часовъ, — сказалъ я.

Никакого отвѣта. Ея глаза были неподвижно устремлены на меня. Вдругъ она говоритъ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія:

— Хватитъ у васъ духа откопать трупъ младенца?

Мнѣ не на шутку стало страшно. Становилось все яснѣй и яснѣй, что я имѣю дѣло съ сумасшедшей; въ то же время во мнѣ заговорило любопытство, и мнѣ не хотѣлось ея оставлять. Я отвѣтилъ ей и посмотрѣлъ на нее:

— Трупъ младенца, — почему же нѣтъ? Я съ удовольствіемъ помогу вамъ въ этомъ.

— Вѣдь онъ былъ заживо погребенъ,—сказала она:—я хотѣла бы опять его увидѣть.

— Ну, да, разумѣется, — отвѣчалъ я: — мы можемъ откопать вашего ребенка.

Я пристально посмотрѣлъ на нее.

Она тотчасъ же насторожилась.

— Почему вы говорите, что это былъ мой ребенокъ?— спросила она. — Я этого не сказала, я говорю только, что знаю его мать. Теперь я раскажу вамъ все.

И эта женщина, которая въ другихъ случаяхъ не могла вести мало-мальски связнаго разговора, принялась теперь разсказывать длинную исторію, произведшую на меня глубочайшее впечатлѣніе. Она разсказывала искренне и правдоподобно, всецѣло отдавшись этому; не замѣчалось никакихъ пробѣловъ въ ея умственныхъ способностяхъ или неправильностей въ ея рѣчи; во всякомъ случаѣ, мнѣ больше уже не казалось, что она не въ полномъ разумѣ.

Одна молодая дама, она не сказала еще, что эта дама была она сама, познакомилась нѣсколько времени тому назадъ съ нѣкіимъ господиномъ, котораго она страстно полюбила и съ которымъ она въ концѣ концовъ обручилась.

Они очень часто бывали вмѣстѣ, открыто—на улицѣ и тайно—во многихъ укромныхъ мѣстахъ; они ходили другъ къ другу въ опредѣленные часы: онъ къ ней на квартиру, она къ нему, или они встрѣчались ночью у этой самой скамейки, на которой мы теперь сидимъ. Да, такъ это у нихъ зашло далеко, разумѣется, и въ одинъ прекрасный день въ домѣ замѣтили, въ какомъ положеніи находилась дѣвушка. Тогда послали за домашнимъ врачомъ. Дама назвала его имя,—это оказался одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ практикующихъ врачей,—и по его совѣту дѣвушка была отправлена въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ. Тамъ она была помѣщена у городской акушерки. Время шло; ребенокъ родился; домашній врачъ изъ Христіаніи все еще почему-то навѣдывался въ этотъ провинціальный городокъ, и молодая мать лежала еще больной, и тогда-то вотъ пришли и сообщили ей, что ея ребенокъ умеръ. Родился мертвымъ? Нѣтъ, онъ жилъ нѣсколько дней.

Такъ вотъ дѣло въ томъ, что ребенокъ вовсе не умеръ. Все время не позволяли матери увидать ребенка, только въ день погребенія ей принесли его въ гробикѣ. И тогда онъ не былъ мертвымъ, я увѣряю васъ, онъ былъ живъ. Кровь играла на щечкахъ, и онъ два раза пошевелилъ пальцами лѣвой руки. Пока мать убивалась, ребенка унесли и похоронили. Домашній врачъ и акушерка устроили все это. Время шло, мать опять встала на ноги и уѣхала, еще не оправившись совершенно, домой въ столицу. Тутъ разсказала она откровенно двумъ своимъ подругамъ о томъ, что съ нею было въ провинціальномъ городѣ, и, поглощенная неотступною мыслью о ребенкѣ, она не скрыла своего опасенія относительно того, что ребенокъ былъ погребенъ заживо.

Дѣвушка печалилась и страдала; дома на нее смотрѣли свысока, въ довершеніе всего ея женихъ куда-то исчезъ, его нигдѣ нельзя было найти.

Однажды останавливается карета у дверей дома ея родителей; ей предлагаютъ проѣхаться. Она садится, карета отъѣзжаетъ, и кучеръ везетъ ее въ Гаустадъ. Домашній врачъ снова появляется на сцену. Зачѣмъ привезли ее въ сумасшедшій домъ? Въ самомъ дѣлѣ что-ль она сошла съ ума? Или боялись, что она можетъ во всеуслышаніе говорить о ребенкѣ?

Время шло; ее заставили въ Гаустадѣ играть на фортепіано для сумасшедшихъ. Между тѣмъ въ ней не находили тамъ никакой другой ненормальности, кромѣ высшей степени безсилія, слабости воли. Ха, ха... ей совѣтовали попытаться овладѣть своей волей, стараться быть мужественной. Неправда ли, развѣ не смѣшно было, что они сами побуждали ее снять покровъ съ преступленія, жертвой котораго былъ ея ребенокъ. И вотъ она опять вырвалась на свободу. Теперь она печалилась и страдала: она не могла найти ни одного человѣка, который бы помогъ ей въ этомъ дѣлѣ.—Не поможете ли вотъ теперь вы?—сказала она мнѣ.

Разсказъ дамы показался мнѣ что-то слишкомъ похожимъ на романъ. Въ то же время я былъ убѣжденъ въ томъ, что она сама вѣрила ему. Все это было слишкомъ хорошо и тепло разсказано, чтобы быть вымышленнымъ, и я подумалъ, что во всякомъ случаѣ могла быть доля правды въ исторіи, напримѣръ то, что у ней дѣйствительно былъ ребенокъ. Во время болѣзни, она была, можетъ быть, слишкомъ слаба для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, что ребенокъ умеръ, и въ лихорадочную минуту возникла у ней мысль объ убійствѣ. И я спросилъ ее:

— Ребенокъ погребенъ здѣсь?

— Нѣтъ, онъ погребенъ тамъ, гдѣ я лежала больной,—отвѣчала она.

— Такъ это былъ вашъ ребенокъ? — сказалъ я поспѣшно.

На это она ничего не отвѣчала; она только посмотрѣла на меня искоса; ея взглядъ сдѣлался боязливымъ и недовѣрчивымъ.

— Разумѣется, я помогу вамъ во всемъ, въ чемъ можно,— сказалъ я спокойно.—Когда мы отправимся?

— Завтра,—сказала она живо:—завтра, благодарю васъ!

— Хорошо!—сказалъ я.

И мы уговорились встрѣтиться въ семь часовъ на слѣдующій вечеръ; тогда отходилъ поѣздъ.

* * *

Я ждалъ около станціи въ назначенное время, въ твердомъ намѣреніи сдержать обѣщаніе. Было семь часовъ, она не приходила. Поѣздъ ушелъ; я все стоялъ и ждалъ, я ждалъ до восьми часовъ, дамы все не было видно. Наконецъ, когда я уже совсѣмъ было собрался итти домой, она явилась; она почти что бѣжала внизъ по улицѣ, направляясь ко мнѣ. И во всеуслышаніе, не здороваясь, безъ всякихъ предисловій, говоритъ она громко и ясно:

— Вы можете понять, что я лгала вчера вечеромъ, вы очень хорошо понимаете, что это была шутка.

— Разумѣется,—отвѣчалъ я, немного раздосадованный тѣмъ, что дама говорила такъ громко.—Разумѣется, я понимаю это.

— Да, не правда ли?—сказала она.—Но вы могли принять это въ серьезъ, Боже, упаси.

— Почему вы говорите: Боже, упаси?

— Нѣтъ, пойдемте,—сказала она и потащила меня за руку.—Итакъ, ни слова объ этомъ, пожалуйста,—прибавила она.

— Какъ вы хотите, я на все согласенъ,—отвѣчалъ я.

Мы пошли вверхъ по улицѣ Розенкранца къ Тиволи,

мимо улицы Драммена, и своротили опять въ паркъ; дама все время шла впереди. Мы усѣлись на нашу старую скамейку и стали разговаривать опять о совершенно посторонникъ предметахъ; она по обыкновенію быстро перескакивала отъ одной мысли къ другой, но, впрочемъ, была прямо-таки интересна. Она даже разсмѣялась раза два и временами начинала напѣвать какой-то мотивъ. Въ 10 часовъ она встала и пригласила меня итти за нею. Я предложилъ ей скорѣе въ шутку, чѣмъ серьезно, свою руку. Она посмотрѣла на меня.

— Этого не надо,—сказала она серьезно.

Мы пошли по направленію къ Тиволи и стали прислушиваться къ шуму въ саду. Въ эту минуту эквилибристъ опять сталъ скользить въ воздухѣ. Моя дама сперва очень испугалась за него и схватила меня крѣпко за руку, какъ будто это она подвергалась опасности свалиться внизъ; затѣмъ, она снова пришла въ веселое настроеніе. Что если бы онъ вдругъ соскользнулъ? Что если бы бѣдный велосипедистъ слетѣлъ внизъ и всталъ на колѣни въ пивную кружку, на одномъ изъ столовъ? И она смѣялась до слезъ отъ этой мысли. Все время въ самомъ радужномъ настроеніи возвращались мы домой; она опять напѣвала какую-то мелодію. Въ одномъ темномъ переулкѣ у дома съ маленькою черною желѣзной лѣстницей, она вдругъ остановилась и выпрямилась, въ ужасѣ. Я въ удивленіи также остановился. Она показала на самую нижнюю ступеньку лѣстницы и хриплымъ голосомъ сказала:

— Точно такой же величины былъ маленькій гробикъ.

Теперь я готовъ былъ отвѣтить рѣзкостью. Я пожалъ плечами и сказалъ:

— Ну, опять вы за старое!

Она посмотрѣла на меня, и мало-по-малу, капля за каплей, ея глаза стали наполняться слезами. При свѣтѣ отъ нижнихъ оконъ дома, я видѣлъ, какъ дрожали ея губы. Она

безпомощно сложила руки. Мгновенье спустя, она сдѣлала шагъ впередъ и сказала:

— Милый, добрый, простите мнѣ!

— Ну, конечно,—отвѣчалъ я опять. И мы пошли дальше. У своей двери она пожала вдругъ мнѣ руку, прощаясь.

* * *

Прошло нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ я не узналъ ничего новаго относительно странной дамы.

Я сердился на самого себя за свою довѣрчивость и все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что она сыграла со мной шутку; хорошо, думалъ я, я ей отплачу, чортъ возьми. И вотъ разъ вечеромъ въ театрѣ я смотрѣлъ „Союзъ молодежи". Во время второго акта, чувствую я, мной вдругъ овладѣваетъ безпокойство, что-то такое постороннее подѣйствовало на мои нервы. Я почувствовалъ то же самое непріятное ощущеніе, какъ тогда у Тиволи, во время концерта парижскаго хора.

Я поспѣшно обернулся—совершенно вѣрно, тамъ сидѣла моя дама и смотрѣла на меня въ упоръ своимъ жгучимъ взглядомъ. Я весь съежился, завертѣлся на креслѣ и сталъ слѣдить за Даніэлемъ Гейрэ изо всѣхъ силъ; но въ продолженіе всего вечера я испытывалъ непріятное чувство, какъ будто меня пронизывали сзади эти металлическіе неподвижные глаза. Я всталъ и ушелъ до окончанія пьесы.

* * *

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я отсутствовалъ изъ города.

Когда я вернулся назадъ, я совершенно забылъ о дамѣ отъ Тиволи, я не подумалъ о ней ни разу. Она исчезла изъ моего сознанія такъ же быстро, какъ появилась.

Въ одинъ изъ послѣднихъ туманныхъ вечеровъ я ходилъ взадъ и впередъ по Торвгаде, между паровой кухней и аптекой Элефанта. Я шелъ и наблюдалъ, какъ сталкивались

прохожіе въ туманѣ. Я бродилъ ужъ съ добрые четверть часа взадъ и впередъ по этому мѣсту, какъ вдругъ я подумалъ про себя: теперь я пройдусь послѣдній разъ къ аптекѣ и тогда пойду домой. Было 11 часовъ, я прошелся еще разъ къ аптекѣ. При свѣтѣ ближайшаго фонаря я увидалъ человѣка, идущаго по направленію ко мнѣ. Я отошелъ немного въ сторону, налѣво, чтобы избѣгнуть столкновенія, и тутъ, я вижу, два глаза устремляются на меня сквозь туманъ.

— Дама отъ Тиволи,—прошепталъ я, пораженный. Она подошла совсѣмъ близко ко мнѣ со своимъ неподвижнымъ взглядомъ. Ея лицо выражало необыкновенное уныніе, въ рукѣ держала она муфту.

Она посмотрѣла на меня одно мгновеніе.

— А вѣдь то былъ мой ребенокъ!—сказала она съ какой-то особенной силой, повернулась и исчезла въ туманѣ.

НА УЛИЦѢ.

Страничка изъ дневника.

Я ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ и все время думалъ о происшествіи съ разносчикомъ газетъ. Онъ не имѣетъ ко мнѣ никакого отношенія, я вовсе не поступилъ съ нимъ жестоко, онъ вовсе и не потерялся, и вотъ я потратилъ битыхъ два часа на то, чтобы найти его и поправить все дѣло.

Случилось все это такъ: я проходилъ по Карлу Іогану. Было и холодно и темно, но особенно было темно, и времени было, вѣроятно, часовъ семь. Я иду и смотрю вдоль по улицѣ.

И вотъ на углу у кондитерской Гюнтера стоитъ мальчикъ, разносчикъ газетъ, и выкрикиваетъ „Викинга“. Онъ говоритъ только слова:

— Купите „Викинга“,—господинъ.

Я не обратилъ вниманія на это сразу; только когда я прошелъ уже нѣсколько шаговъ, достигло до меня его возваніе. Я обернулся взглянуть на него и подумалъ: ты свободно могъ бы дать ему десять ёръ, ты достаточно бѣденъ для этого. Я потянулся съ этимъ опредѣленнымъ намѣреніемъ въ карманъ за монетой. Я обращаю вниманіе на то, что моимъ первымъ движеніемъ было дѣйствительно дать мальчику десять ёръ. Но когда моя рука уже очутилась въ карманѣ, овладѣваетъ мною чрезмѣрное благоразуміе, и я говорю самъ себѣ, что никогда не будетъ пользы, если ты

поможешь кому-нибудь десятью ёрами; не больше помогутъ и десять кронъ, это было бы только еще безумнѣе, это произвело бы развращающее дѣйствіе, и такъ далѣе. Я пошелъ своею дорогой и оставилъ мальчика въ покоѣ.

Я дошелъ до университета и возвращался тѣмъ же самымъ путемъ. У окна Каммермейера я останавливаюсь и смотрю книги, и въ то время, какъ я стою, повернувшись спиной къ улицѣ, слышу я опять голосъ разносчика газетъ. Онъ былъ какъ разъ сзади меня. Онъ спорилъ съ двумя пьяными моряками въ шапкахъ изъ-за нумера „Викинга“, который имъ пришло въ голову разорвать на клочки передъ самыми глазами мальчика. Матросы не хотѣли заплатить за разорванный нумеръ, и мальчикъ принялся плакать.

И вотъ я иду къ нимъ и заставляю разсказать, какъ все это случилось; затѣмъ, я рѣзко говорю матросамъ, что это—ихъ долгъ заплатить, вполнѣ понятно. Но это не помогло, они смѣялись мнѣ въ глаза и говорили:

— Слушай его!

Это раздражило меня въ высшей степени, и я стиснулъ зубы.

Какъ-то разъ я пріобрѣлъ большую круглую булавку для галстука, которая можетъ сойти за что угодно; она настолько велика, что ее даже можно принять за маленькій полицейскій значекъ или за тайный знакъ того или другого рода, и эту булавку я ношу постоянно на лѣвой сторонѣ груди подъ сюртукомъ. И когда вотъ теперь эти два пьяныхъ матроса въ насмѣшку надъ мальчикомъ разорвали нумеръ „Викинга“ и отказывались заплатить за него, вдругъ пришло мнѣ въ голову выкинуть дерзкую выходку; я обращаюсь къ негодяямъ, распахиваю сюртукъ и молча показываю на свою замѣчательную булавку. Мы смотримъ другъ на друга мгновеніе, затѣмъ я говорю холодно и рѣшительно.

— Не угодно ли вамъ заплатить, или, въ противномъ случаѣ, пожалуйте за мной!

Это подѣйствовало. За „Викинга“ было заплачено, и всѣ мы четверо, споривше изъ-за газеты, пошли каждый своей дорогой. Мальчикъ вытеръ себѣ глаза и продолжалъ итти вверхъ по улицѣ Карла Іогана, въ то время какъ я шелъ внизъ. Матросы поплелись по направленію къ Тиволи.

У почтамта я поворотилъ опять назадъ и снова пошелъ вверхъ по улицѣ. Моя мысль продолжала работать по поводу газетчика. Я думалъ: ты помогъ маленькому плуту его собственными деньгами, онъ несомнѣнно благодаренъ тебѣ за это и не будетъ больше безпокоить тебя криками при встрѣчѣ; онъ тактичный человѣкъ, онъ, можетъ быть, получилъ хорошее воспитаніе.

Выше, около Гранда, я опять его вижу. Онъ стоитъ какъ разъ у фонаря, такъ что я вижу его ясно, и я говорю самому себѣ, приближаясь, что едва только онъ взглянетъ на меня, онъ будетъ молчать, какъ мертвый, пока я не пройду. Я подхожу къ фонарю какъ можно ближе, чтобы дать ему возможность узнать меня.

Я ошибся въ расчетѣ. Онъ не дѣлалъ никакого различія между мной и всякимъ другимъ, онъ выставилъ папку съ газетами ко мнѣ и сказалъ, что я могу купить „Викинга“.

Я прошелъ мимо него молча и твердо. Я жестоко ошибся въ немъ; это былъ, несомнѣнно, ни болѣе, ни менѣе какъ мальчикъ изъ Вики [1]), настоящій жалкій уличный мальчишка, который уже курилъ табакъ и—терялъ свой бальникъ, когда въ немъ были слишкомъ плохія отмѣтки. Попросту говоря, это былъ настоящій маленькій мошенникъ, я понялъ его. Я былъ сильно раздраженъ на него во время моего дальнѣйшаго пути, и я чувствовалъ въ глубинѣ себя, что я поступилъ съ нимъ по заслугамъ, не давъ ему и десяти ёръ.

Теперь еще недоставало, чтобы онъ началъ приставать ко

[1]) Вика—кварталъ въ Христіаніи, пользующійся плохой репутаціей.

мнѣ въ третій разъ. Онъ былъ способенъ на это, такъ какъ это былъ дерзкій мальчишка. Еще этого недоставало.

У университета я опять повернулъ. Теперь я началъ разсчитывать, гдѣ я, вѣроятнѣе всего, встрѣчу мальчика. Я хотѣлъ бы устроить такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ на сильно освѣщенной части улицы, чтобы еще разъ предоставить ему случай узнать меня. Онъ, можетъ быть, не разсмотрѣлъ меня достаточно ясно около Гранда, я не могъ знать этого навѣрно. Я иду дальше и разсуждаю по поводу этого вопроса до того, что я привожу себя, стыдно признаться, въ совершенно нервное состояніе, и раздражаю себя глупѣйшими предположеніями. Предположимъ,—думалъ я,—что мальчикъ просто на просто ушелъ домой. И вотъ я стою здѣсь съ головой, полною соображеній, совершенно безполезно. Богъ знаетъ, не повернулъ ли онъ и не шелъ ли онъ, можетъ быть, передо мной въ длину всей улицы, вмѣсто того, чтобы итти мнѣ навстрѣчу.

И подумать только, что я, пожилой человѣкъ, лѣзъ вонъ изъ кожи, чуть не бѣжалъ единственно только изъ-за того, чтобы дать поводъ бѣдному газетчику предложить мнѣ еще разъ „Викинга“, если у него хватитъ дерзости на это.

Но у Бломквиста я встрѣчаю его совершенно спокойно стоящимъ на рѣшеткѣ у окна и дрожащимъ отъ холода, съ поднятыми плечами и руками, засунутыми въ карманы штановъ. Изрѣдка выкрикиваетъ онъ проходящимъ „Викинга“.

Онъ не вынимаетъ рукъ изъ кармана и не протягиваетъ журнала.

И вотъ я приближаюсь. Я подхожу къ нему какъ можно ближе, между мной и имъ нѣтъ и аршина, и онъ видитъ меня совершенно ясно при свѣтѣ фонаря діорамы.

И вдругъ онъ выпрямляется, онъ смотритъ упорно мнѣ прямо въ лицо, поднимаетъ вверхъ свою папку и говоритъ, какъ будто ничего между нами не произошло передъ тѣмъ:

— Купите „Викинга“, господинъ.

Я остановился. Я ожидалъ развязки этого опыта съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что мое сердце сильно забилось, когда онъ произнесъ эти слова.

Тутъ пришла мнѣ въ голову совершенно сумасбродная мысль. Мальчикъ продолжалъ преспокойно издѣваться надо мной и предлагалъ мнѣ „Викинга“ три раза подъ-рядъ, я былъ смущенъ и золъ, и я сталъ поносить его самою отборной руганью, самыми жестокими словами, какія я только могъ найти, за то, что онъ не давалъ покоя людямъ. Онъ не отвѣчалъ, но во всѣ глаза продолжалъ смотрѣть на меня: это походило уже просто на какое-то ожесточеніе. Тогда-то и пришла мнѣ въ голову моя фантазія: я вынулъ полкроновикъ изъ кармана, поднесъ его подъ самый носъ мальчишкѣ и уронилъ его между прутьевъ желѣзной рѣшетки, на которой онъ стоялъ. Я не удовольствовался этимъ, я досталъ еще полкроновикъ изъ кармана, показалъ точно также и его и спровадилъ его туда же.

— Пожалуйста,—сказалъ я злорадно:—достань-ка ихъ теперь оттуда, пострѣлъ, и дай мнѣ спокойно продолжать свой путь.

Рѣшетка сильно обмерзла, и я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ при видѣ того, какъ мой мучитель просовывалъ руку между прутьевъ и царапалъ объ нихъ себѣ пальцы, для того чтобы достигнуть цѣли. Его пальцы прилипали иногда къ холодному желѣзу. Я видѣлъ также, что онъ поранилъ себѣ кисть одной руки; но онъ съ неослабѣвающимъ рвеніемъ старался достать эти два полкроновика. Онъ вовсе не считаетъ себя побѣжденнымъ, онъ засучиваетъ рукавъ и протискиваетъ руку между рѣшеткой и стѣной. Его рука была слабенькая и тощая.

Наконецъ, онъ захватываетъ одну монету съ земли.

— Ну вотъ, одну я досталъ,—говоритъ онъ весело.

Вытаскивая руку, онъ сдираетъ себѣ объ стѣну кожу съ суставовъ. Онъ смотритъ на меня, серьезно ли я отдаю ему

эти деньги, всѣ эти деньги, и, такъ какъ я ничего не говорю, онъ оставляетъ ихъ у себя и приготовляется доставать также и второй полкроновикъ. Онъ протискиваетъ опять свою руку въ щель и старается дотянуться своими пальчиками до маленькаго сокровища. Его упорство не знаетъ границъ; онъ дѣлаетъ попытки и тамъ, и здѣсь, вдоль отверстія, онъ высовываетъ даже въ своемъ безсиліи языкъ, какъ будто это могло помочь.

— Будь у меня лучинка, я подвинулъ бы ею монету къ себѣ,—говоритъ онъ. И въ то же время онъ немножко поднимаетъ голову и смотритъ на меня.

Ожидалъ онъ помощи отъ меня? Ужъ не думалъ ли этотъ маленькій хитрецъ, что я долженъ принести ему лучинку для этой цѣли?

— Я принесу тебѣ лучинку,—говорю я.—Но не для того, чтобы помочь тебѣ, это ты знай. Я принесу тебѣ слишкомъ короткую лучинку, которою ты ровно ничего не сдѣлаешь. Подожди только немного, сейчасъ принесу.

— Нѣтъ, не стоитъ,—отвѣчаетъ онъ вдругъ.

Онъ роется въ своемъ карманѣ и достаетъ заржавленный складной ножикъ, которымъ онъ начинаетъ подвигать монету. Онъ держитъ его между двумя пальцами и протягиваетъ его къ полкроновику. Медленно и осторожно подвигаетъ онъ монету дальше и дальше къ стѣнѣ, къ отверстію.

Онъ могъ такимъ образомъ достать ее, этотъ пострѣленокъ раньше не захочетъ успокоиться. Я съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что ему дѣйствительно удалось захватить монету внутри углубленія, и я слышалъ, какъ онъ сказалъ:

— Теперь ужъ не долго.

Я оглянулся кругомъ. Цѣлая кучка людей стояла и смотрѣла на мальчика и на меня. И вотъ я повернулся на каблукахъ и пошелъ своею дорогой.

Но часъ спустя я снова шелъ по Карлу Іогану, отыскивая того самаго мальчика. Нигдѣ его не было видно. Я шелъ

съ датскимъ двукроновикомъ между пальцами и искалъ его долгое время, я хотѣлъ помириться съ нимъ и дать ему немного денегъ на пару варишекъ для рукъ. Н-да, онъ, можетъ, купилъ бы табаку на эти деньги, или, если онъ принадлежалъ къ этому сорту людей, даже, можетъ, пропилъ бы ихъ; было бы грѣшно и стыдно давать ему что-нибудь. Съ такими мыслями пошелъ я домой.

Это было вчера вечеромъ.

Но нынче днемъ, какъ я уже сказалъ, я снова ходилъ и думалъ о маленькомъ газетчикѣ. Его бѣдную руку я вспоминаю, двѣ капли крови на его суставахъ. И я вижу передъ собою всю его маленькую несчастную фигурку въ ту минуту, когда онъ лежалъ животомъ на желѣзной рѣшеткѣ и вытягивалъ языкъ и пальцы за этими двумя серебряными монетами.

РЕЙЕРСЕНЪ СО „ЗВѢЗДЫ ЮГА“.

I.

Старое, осмоленное рыболовное судно скользитъ по бухтѣ и тянетъ за собою яликъ. Судно называется „Звѣздой юга“, и шкипера его зовутъ Рейерсеномъ. Они стары и хорошо извѣстны въ бухтѣ оба—и судно и шкиперъ; они бывали тамъ раньше въ теченіе многихъ лѣтъ, сушили рыбу въ Салтенфьордѣ, треску для отправки испанцамъ, въ Бачалаосъ.

Никого не было видно на окрестныхъ холмахъ; только тамъ, въ глубинѣ бухты, гдѣ стояли сараи для храненія лодокъ, лежало нѣсколько ребятишекъ. Не такъ было прежде, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда „Звѣзда юга“ приставала къ мѣсту сушки въ первый разъ; тогда тамъ кругомъ на всѣхъ высокихъ мѣстахъ стояли удивленныя женщины и дѣти, и рыбаки одинъ за другимъ причаливали къ „Звѣздѣ юга“, чтобы встрѣтить ее и узнать, нѣтъ ли чего новенькаго.

На палубѣ четверо, но Рейерсенъ самъ стоитъ у руля; это онъ дѣлаетъ всегда въ важныхъ случаяхъ. Онъ управляетъ своимъ маленькимъ рыболовнымъ судномъ все еще, какъ и въ старые дни, съ тою же торжественностью, какъ будто это былъ огромный пароходъ. У него сѣдые волосы и борода, но нѣкогда у него были черные волосы и борода, и это было двадцать лѣтъ тому назадъ, въ его первые пріѣзды въ Салтенфьордъ, когда онъ былъ молодымъ человѣкомъ. Куртка у него износилась и вся въ пятнахъ; прошли времена величія шкипера Рейерсена; но во время плаванія

онъ—адмиралъ своего корабля, и львинымъ голосомъ онъ даетъ приказанія:

— Опускай,—слышится его голосъ.

И якорь падаетъ.

Сильный лязгъ цѣпей раздается кругомъ вмѣстѣ съ мощнымъ голосомъ шкипера. Но времена перемѣнились. Почтовые пароходы начали заходить въ это торговое мѣстечко, и народъ уже теперь ни во что не ставитъ нѣкогда славныя рыболовныя суда. Когда ребятишки, лежавшіе у сараевъ, услыхали, какъ упалъ якорь, они взглянули мелькомъ на бухту и продолжали лежать, ну точно такъ, какъ если бъ сказалъ одинъ другому, что то былъ только Рейерсенъ со своимъ судномъ.

Когда дневной трудъ былъ оконченъ, судно пришвартовано, и народъ легъ спать, шкиперъ усѣлся на палубѣ и сталъ смотрѣть на бухту. Ночь была свѣтла и тиха, солнце золотило воду. Онъ зналъ каждый камень, и съ каждымъ у него было связано воспоминаніе. Здѣсь онъ проводилъ счастливѣйшіе дни своей юности, эти три лѣтнихъ мѣсяца каждый годъ, когда онъ стоялъ на якорѣ и сушилъ рыбу. Онъ былъ первымъ человѣкомъ въ этомъ мѣстечкѣ, ему давали дорогу, куда бы онъ ни приходилъ, и онъ могъ добиваться всего, чего бы онъ ни захотѣлъ. Онъ ходилъ въ церковь по воскресеньямъ, чтобы быть тамъ, гдѣ былъ народъ, и всегда видѣли, какъ толпа дѣвушекъ провожала его на возвратномъ пути. Когда молодые рыбаки затѣвали танцы въ лѣтнія ночи, тотчасъ же являлся Рейерсенъ, который плылъ по бухтѣ въ своей лодочкѣ, стоя у руля, разодѣтый и въ лакированныхъ башмакахъ, въ то время какъ его поваръ или кто-нибудь другой изъ экипажа сидѣлъ на веслахъ. Онъ танцовалъ, какъ герой, и каютный запахъ его изящной голубой пары приводилъ дѣвушекъ въ восторгъ. Да, Рейерсенъ былъ богато одаренный человѣкъ, къ тому же онъ былъ друженъ со всѣми; окрестные парни

также молча стушевывались, лишь только онъ показывался вдали. Онъ постоянно оскорблялъ ихъ, они же не складывали кулаки въ отвѣтъ на это, они отходили въ сторону и проливали слезы.

Теперь же у Рейерсена есть жена и пятеро дѣтей въ Офотенѣ.

II.

Серебромъ блеститъ море, и ночь проходитъ, но шкиперъ Рейерсенъ все еще сидитъ тамъ и думаетъ о минувшихъ дняхъ. Какихъ только дѣвушекъ онъ не любилъ! Самыхъ красивыхъ по всей бухтѣ! Въ первый годъ это была молоденькая дѣвушка, съ темными волосами и темными глазами, съ кѣмъ онъ больше всего имѣлъ дѣло. Его видѣли вмѣстѣ съ этой, только что въ первый разъ бывшей на конфирмаціи, дѣвицей, въ самое неурочное время, ночью и раннимъ утромъ, когда никому и въ голову не могло прійти, чтобы они были вмѣстѣ. Но ко времени отплытія все это прошло, Рейерсенъ не танцовалъ больше съ ней, но сталъ ухаживать за толстой дочерью рыбака изъ Юдерской бухты. У ней были глубокія ямочки на щекахъ, появлявшіяся при улыбкѣ, и бѣлые зубы, и ее звали Элленъ Гелене.

Да, Элленъ Гелене!

Такъ продолжалось съ годъ, но обыкновенно это не продолжалось у Рейерсена цѣлаго года, а потому народъ и говорилъ, что *теперь* онъ попался. Рейерсенъ попался! Смѣшно даже, видно не знали Рейерсена. Но во всякомъ случаѣ онъ совершенно разстроилъ обрученіе Элленъ Гелене съ кузнецомъ бухты, и дѣло зашло такъ далеко, что онъ во всеуслышаніе называлъ ее своимъ милымъ дружкомъ.

Но годъ спустя Рейерсенъ прибылъ къ пристани съ каютами переполненными мелочнымъ товаромъ, мукой и кофеемъ, шерстяными шарфами и полотнами, вплоть до колецъ

и дорогихъ канифасовыхъ митенокъ. Все это было у него. Онъ никогда не могъ забыть приличій; на „Звѣздѣ юга“ образовалось нѣчто въ родѣ лавочки, и Рейерсенъ сдѣлался благодаря этому еще вліятельнѣе. Онъ оплатилъ этимъ товаромъ наемъ амбара и налогъ на сушку рыбы, много шемезитокъ и блестящихъ брошекъ съ камнями роздалъ онъ дѣвушкамъ. Элленъ Гелене мирилась съ этимъ, было безполезно спорить съ Рейерсеномъ.

И все-таки она не могла избѣжать своей судьбы, и Элленъ Гелене, какъ уступчива она ни была; ее замѣнила Якобина, эта живая и веселая баба, которая приходила и ворочала рейерсеновскую рыбу съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Почему это постоянно должна быть Элленъ Гелене, и баста, для такого человѣка, какъ Рейерсенъ со „Звѣзды юга“?

Когда осенью нужно было „ровнять“ рыбу, Якобина была одна въ „комнатѣ“ и получила подарокъ отъ шкипера, а когда она покидала судно, онъ приказалъ двумъ рабочимъ доставить ее на сушу. Быть въ „комнатѣ“ значило впрочемъ не что иное, какъ быть въ каютѣ, и вмѣсто нагружать рыбу на мѣстномъ нарѣчіи говорили „ровнять“, а не „нагружать“.

Съ Элленъ Гелене послѣ этого было покончено. Енсъ Ольсенъ, ея отецъ, требуя объясненія этой выходки, пристalъ къ всевластному шкиперу, какъ съ ножомъ къ горлу, показалъ ему кулакъ и задалъ ему грубый вопросъ. Рейерсенъ не далъ тутъ спуску, онъ также показалъ кулакъ и сказалъ: Если бы ты рѣшился подойти ко мнѣ поближе, любезный Енсъ Ольсенъ, то ты узналъ бы Рейерсена со „Звѣзды юга“!

Но и Якобина не могла завладѣть вѣтренымъ сердцемъ шкипера Рейерсена на долгое время.

Была ночь такая же, какъ и теперь, тихая и бѣлая; онъ прогуливается по палубѣ своего корабля и слышитъ, издали

доносятся удары веселъ. Какая-то дѣвушка, занимавшаяся собираніемъ яицъ, возвращалась на веслахъ.

— Эй, лодка!—крикнулъ Рейерсенъ.

Она подняла весла и стала прислушиваться.

— Приставай сюда, эй, ты, дѣвочка,—сказалъ онъ.

— Это вы разговариваете вовсе не съ вашимъ милымъ дружкомъ,—былъ отвѣтъ съ лодки.

— Я знаю тебя,—сказалъ Рейерсенъ.—Есть у тебя яйца въ лодкѣ?

И вотъ лодка подплываетъ.—Да сколько угодно,—отвѣчаетъ дѣвушка.

Но тутъ Рейерсенъ не сказалъ ни слова больше, а спустился въ свою лодочку и оттуда прямо къ дѣвушкѣ.

— Вы меня знаете, я—Рейерсенъ,—сказалъ онъ.

Онъ взялъ у ней весла и причалилъ лодку къ сараямъ. Никого не было видно, — ночь была теплая и таинственная.

— Мы легко можемъ спрятать теперь же лодку въ сарай,—сказалъ Рейерсенъ, когда они были на берегу.

И дѣвушка отвѣчала:

— Вы слишкомъ любезны.

Но это, что они должны поставить лодку въ сарай, это сказалъ онъ тоже не спроста, и у него были тутъ свои мысли. Хо, хо, плутъ Рейерсенъ, ты думалъ и то и се при этомъ, а дѣвушка—она была еще совсѣмъ глупымъ ребенкомъ, коль не боялась темнаго сарая въ ночное время.

Но когда они разставались, она сказала только:

— Но какъ же вы доберетесь обратно на корабль?

— Я доплыву,—отвѣтилъ Рейерсенъ.

И съ этими словами онъ бросился въ море.

Эту дѣвушку звали Паулиной.

Ахъ, теперь всѣ его подруги разсѣялись, кто куда: одна умерла, другая была въ Америкѣ, третья—замужемъ. И отъ самого Рейерсена осталось, такъ сказать, одно только воспо-

минаніе. Одна Паулина жила тамъ вверху бухты все еще не замужемъ, какъ и прежде; но когда она два года тому назадъ ослѣпла на одинъ глазъ, она „прозрѣла“, и ничто земное больше не касалось ея близко. Такъ покончила съ нею жизнь. Но самъ Рейерсенъ кончилъ женою и пятью дѣтьми въ Офотенѣ...

Былъ уже часъ. Черезъ нѣсколько времени проснутся морскія птицы. Рейерсенъ громко зѣвнулъ и взглянулъ вверхъ на небо. Да, лучше всего ему было итти спать. Онъ усталъ и чувствовалъ себя разбитымъ, да и старъ ужъ онъ былъ, въ довершеніе всего. Завтра онъ начнетъ чистить свою рыбу, найдетъ народъ на судно, мужчины и женщины въ рѣчныхъ сапогахъ и кожаныхъ курткахъ, среди нихъ молодыя дѣвушки съ веснушчатыми и улыбающимися лицами, настоящія чада Адама. Рейерсенъ зналъ ихъ.

И сѣдѣющій отецъ семейства украдкой посмотрѣлся минутку въ компасномъ стеклѣ, спускаясь съ палубы въ свою маленькую вонючую дыру каюты, и легъ спать.

III.

Лодки пристаютъ къ судну раннимъ утромъ. Рейерсенъ прогуливается по палубѣ, какъ хозяинъ въ своемъ домѣ въ своей лучшей одеждѣ, съ искусной часовой цѣпочкой изъ волосъ, висящей у него на груди. Нужно ему чистильщиковъ? Да, ему нужно чистильщиковъ. Заговорили о цѣнѣ, были заявлены требованія. Рыбаки выказали страшную дерзость, вздумавъ торговаться съ такимъ человѣкомъ, какъ Рейерсенъ; они требовали на шесть шиллинговъ дороже, чѣмъ онъ имъ предлагалъ. Что это еще за новая выдумка? Ахъ, больше ужъ не цѣнили Рейерсена со „Звѣзды юга“, времена мѣнялись годъ за годомъ, и капитаны съ золотыми пуговицами съ почтовыхъ пароходовъ замѣнили его.

Онъ налилъ народу по рюмкѣ водки и далъ имъ кренделей. Они поблагодарили и выпили. Онъ щипалъ дѣвушекъ въ бокъ, онѣ отталкивали его отъ себя и смѣялись надъ нимъ, онѣ дерзко смотрѣли исподлобья и вели себя безъ стѣсненій. Ну, какъ теперь обстоитъ дѣло, одумался онъ, дастъ онъ на шесть шиллинговъ больше?

Это больно кольнуло шкипера; хорошо, у него будетъ короткая расправа. Онъ выпрямляется, онъ станетъ тамъ на кормѣ, тамъ его мѣсто, вѣдь онъ здѣсь командуетъ. Это будетъ, какъ въ старые годы. Эй, добрые люди, хотите вы наняться для чистки рыбы? Рыбаки съ удивленіемъ отвѣчаютъ утвердительно. Хорошо! говоритъ Рейерсенъ, столько-то и столько-то за копу, сюда съ лодками, скорѣй! Дѣло сдѣлано.

Но вышло совсѣмъ не такъ, какъ въ старые годы: у рыбаковъ тоже коротка расправа, и они уже въ лодкахъ. Когда они оттолкнулись отъ борта и начали грести домой, шкиперъ долженъ былъ сдаться и согласиться на ихъ цѣну.

— Я даю вамъ шесть шиллинговъ, чортъ васъ побери!

Лодки пристаютъ опять, большіе люки открываются въ „Звѣздѣ юга“, и рыба, съ которой капаетъ разсолъ, выбрасывается изъ трюма. Это продолжалось день за днемъ съ перерывами только для ѣды и сна. Среди массы рыбы кишѣлъ народъ; одни промывали, другіе несли рыбу на носилкахъ, приготовленныхъ изъ бочарныхъ досокъ, иные раскладывали рыбу для сушки на солнцѣ. По мѣрѣ того какъ время шло, судно разгружалось и поднималось надъ морскою поверхностью, подъ конецъ весь его кузовъ былъ надъ водой и только кильсонъ въ морѣ. „Звѣзда юга“ легко качалась на волнахъ: она была разгружена.

Теперь для шкипера Рейерсена наступили спокойные дни. Поручивъ своимъ рабочимъ вычистить и выкрасить судно сверху до низу, самъ онъ оставался на берегу, гулялъ среди сушильщиковъ, засунувъ руки въ карманы, и шутилъ

съ дѣвушками. Только съ Паулиной онъ не вступалъ въ разговоръ, ей было теперь также около сорока лѣтъ, и въ своемъ религіозномъ настроеніи она говорила такъ мало, насколько это было возможно; но когда поведеніе Рейерсена казалось ей слишкомъ легкомысленнымъ, она посылала ему нѣмой упрекъ тѣмъ глазомъ, который у нея еще оставался. Такъ проходила недѣля за недѣлей, Рейерсенъ ни у кого ничего не добился, его лѣта осудили его, мальчишки изъ бухты захватили власть.—Пожалуйста!—говорили дѣвушки, когда онъ начиналъ любезничать съ ними. И это „пожалуйста" значило: Оставьте насъ въ покоѣ!

Но Рейерсенъ замышляетъ что-то. Лѣта его не стѣсняютъ, и самъ онъ знаетъ, что онъ все тотъ же самый замѣчательный шкиперъ Рейерсенъ прежнихъ временъ.

Онъ проводилъ „Звѣзду юга" вдоль берега съ одного мѣста на другое и ни разу не сдѣлалъ въ ней пробоины, онъ покупалъ рыбу и сушилъ рыбу, платилъ по счетамъ такой длины, какъ рядъ кораблей, велъ съ надлежащимъ рвеніемъ свой корабельный журналъ, чортъ возьми; но народъ не оказывалъ ему больше надлежащаго уваженія.

— Вымой почище каюту, — сказалъ онъ повару. Теперь онъ замыслилъ что-то. Рейерсенъ отправляется на берегъ и оповѣщаетъ сушильщиковъ, что ему нужно на судно двухъ дѣвушекъ для того, чтобы починить кое-что изъ одежды, и между прочимъ, чтобы зашить дыры во флагѣ „Звѣзды юга".

Но никто изъ дѣвушекъ не пожелалъ итти на судно. Рейерсенъ опять потерпѣлъ крушеніе. Онъ занимался этимъ дѣломъ два дня и постоянно одинаково неудачно. Наконецъ, слышитъ онъ женскій голосъ, говорящій ему:

— Если я, господинъ, могу помочь въ этомъ вашей милости, то я готова услужить вашей милости.

Это Паулина была такъ сострадательна.

Рейерсенъ подумалъ немного, глазъ Паулины былъ устремленъ на него. Что ему съ ней дѣлать? Но онъ все-таки

благодаритъ и соглашается. Паулина входитъ въ лодку, а дѣвушки остаются на берегу и хихикаютъ.

Собственно говоря, это не было въ намѣреніяхъ Рейерсена наполнять каюту скучнымъ благочестіемъ. Онъ мечталъ о веселомъ днѣ съ смѣющимися дѣвушками, выпивкой и кренделями, какъ во времена его величія. Но что же было дѣлать!

Онъ достаетъ изъ ящиковъ и ларей свою дырявую одежду и выкладываетъ флагъ, и Паулина тотчасъ же принимается за работу. Она говоритъ такъ мало. Рейерсенъ наливаетъ ей стаканчикъ, и она выпиваетъ его, но остается, какъ прежде, молчаливой и прилежной.

— Да, Паулина,—говоритъ онъ, желая угодить ей:—ты хорошо сдѣлала, что обрѣла Господа.

— Господинъ говоритъ правду, — отвѣчаетъ она.—Пора господину обратиться къ Нему.

Рейерсенъ отвѣчаетъ:

— Можетъ быть, я уже и не такъ далеко отъ Него, какъ я былъ.

— Господинъ это говоритъ? — спрашиваетъ она.

— Мнѣ кажется, что я понемногу исправляюсь въ послѣднее время. Да!

— Благодареніе Богу за то, — говоритъ она.

Но теперь языкъ у нея развязался, и старая дѣва продолжаетъ говорить о Богѣ. Рейерсенъ пожалѣлъ, что онъ началъ разговоръ на эту тему. Это надоѣло ему, и сѣдой грѣховодникъ изыскивалъ всевозможные доводы въ пользу того, что онъ, дѣйствительно, началъ приближаться къ Богу.

Ему казалось, по крайней мѣрѣ, что онъ почувствовалъ что-то такое, сказалъ онъ.

— Дай этому просторъ въ своемъ сердцѣ, — просила она:—дай этому просторъ въ своемъ сердцѣ.

Рейерсенъ наливаетъ еще стаканчикъ и предлагаетъ еще кренделей.

— А дѣвушки стоятъ на берегу и хохочутъ, — сказалъ онъ. — Теперь ты можешь разсказать имъ, что тебѣ ни въ чемъ не было отказано у Рейерсена.

Они выпили оба. Но когда онъ захотѣлъ вести разговоръ въ болѣе свѣтскомъ направленіи, она принялась только шить еще прилежнѣе и не поддавалась ему. Онъ не могъ напомнить ей о старыхъ веселыхъ временахъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, у него вертѣлось это на языкѣ, но онъ смолчалъ.

Становилось все скучнѣе и скучнѣе, часы шли, и флагъ былъ готовъ, но веселаго смѣха Рейерсенъ не услыхалъ.

— Ну для этого раза достаточно, — сказалъ онъ, когда онъ былъ уже болѣе не въ силахъ выносить это. Онъ побросалъ свою старую одежду обратно въ ящики и ларь и приказалъ доставить Паулину на берегъ.

День пропалъ, его предпріятіе не удалось.

IV.

И еще проходятъ двѣ недѣли. Приближалась осень, рыбу высушили, и въ скоромъ времени ее снова нужно было перевозить на судно. Онъ выбралъ теплое утро; десяти и восьми-весельныя лодки нагружались вплоть до краевъ рыбой, и народъ причаливалъ ихъ къ „Звѣздѣ юга“.

По старому обычаю нагрузка всегда производилась четырьмя дѣвушками. Кто хочетъ грузить рыбу на этотъ разъ? Всѣ отказывались. Вопросъ касался ближайшимъ образомъ руководителя сушки, Эндре Польдена, и шкиперъ не вмѣшивался въ это; но онъ скорбѣлъ по поводу этого новаго недостатка уваженія и кусалъ себѣ губы отъ обиды. Паулина вторично проявила свое мягкосердечіе и согласилась укладывать рыбу, если трое другихъ пойдутъ съ нею. Рейерсенъ повернулся на каблукахъ и отплылъ на судно.

Онъ спустился въ каюту и началъ въ совершенномъ одиночествѣ потягивать изъ бутылки. Что же еще ему было дѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ? Его роль была сыграна. Хорошо. Такъ и онъ послѣдній годъ причаливаетъ со „Звѣздой юга“ въ эту дыру; есть другія мѣста для сушки по берегу. Онъ слишкомъ старъ? Это онъ нынче же увидитъ. Ваше здоровье!

Онъ пилъ. Онъ пилъ усердно наединѣ съ самимъ собою и начиналъ пьянѣть. Черезъ полчаса онъ пришелъ въ такое настроеніе, что съ удовольствіемъ поколотилъ бы какого угодно капитана почтоваго парохода съ золотыми пуговицами. Онъ слышитъ топотъ на палубѣ, осушаетъ еще стаканъ и поднимается изъ каюты.

Были что ль грузильщицы въ трюмѣ? Онъ смотритъ внизъ, четыре дѣвушки работаютъ во всю. Эндре Польденъ, наконецъ, проявилъ свой авторитетъ и загналъ ихъ на судно силой. Хорошо! Но вотъ шкиперъ Рейерсенъ хочетъ сдѣлать что-то по этому поводу; обратите вниманіе, онъ что-то обдумываетъ. Онъ слышитъ, какъ смѣхъ и болтовня дѣвушекъ раздаются въ пустомъ кораблѣ, и думаетъ: — Пожалуйста, не падай духомъ. Только Паулина не болтала.

Существовалъ также старый обычай, въ силу котораго грузильщицы должны были имѣть даровое угощеніе въ теченіе тѣхъ дней, пока продолжалась нагрузка рыбы. Даровое угощеніе! Ха, ха. Да, Рейерсенъ не могъ этого забыть. Нѣтъ, именно то и рѣшилъ онъ въ своей головѣ, что на этотъ разъ не будетъ и въ поминѣ дарового угощенія, теперь онъ самъ себѣ голова.

— Паулина! — звалъ онъ. — Я хочу поболтать съ тобою въ каютѣ.

Паулина поднялась изъ трюма и пошла за шкиперомъ въ каюту.

— Ты одна не отказалась итти на судно, — сказалъ шкиперъ:—я хочу отблагодарить тебя чѣмъ-нибудь.

— Господинъ не долженъ тратиться,—отвѣчала она.

Но Рейерсенъ хочетъ тратиться. Не нашлось бы ни одной вещи среди его имущества, которую ему было бы жалко отдать.—Поваръ, разведи огонь и свари кофе! Самъ же шкиперъ выставилъ водку и выложилъ кренделей, и Паулина чувствовала себя какъ будто на пиру.

— Когда ты вернешься въ трюмъ, то ты скажешь дѣвушкамъ, что шкиперъ Рейерсенъ не сдѣлалъ тебѣ ничего дурного,—сказалъ онъ.

Она пила и чувствовала себя хорошо, Рейерсенъ потрепалъ старую дѣву по плечу. Она встала и хотѣла возвратиться къ своей работѣ.

— Садись,—говорилъ онъ:—побудемъ вмѣстѣ, хоть немного. Вѣдь я въ послѣдній разъ пристаю сюда и сушу рыбу.

— Господинъ говоритъ неправду?—спросила она.

Рейерсенъ киваетъ головой.

— Послѣдній разъ.

Что-то шевельнулось въ сердцѣ старой дѣвы, она опустила глаза и спросила:

— Когда господинъ отплываетъ?

— Когда нагрузятъ рыбу, — отвѣчалъ онъ.—Завтра вечеромъ, послѣзавтра вечеромъ.

Она опять сѣла.

— Да хранитъ васъ Богъ!—сказала она про себя.

— Ну, выпьемъ за это! — предложилъ онъ. Только не начались бы съ этого опять благочестивыя рѣчи.

Онъ спросилъ начистоту: — Ну, а когда ты, Паулина, выйдешь замужъ?

Она посмотрѣла на него съ удивленнымъ видомъ и сказала:

— Господинъ смѣется надо мной?

— Я надъ тобой смѣюсь?—спросилъ онъ: — какъ это?

— Развѣ я могу выйти замужъ, я, кривая?—спросила она.

Рейерсенъ продолжалъ:

— Почему же нѣтъ? Это только незначительное членоповрежденіе.

Она была благодарна ему въ своемъ сердцѣ за эти слова и оцѣнила его. Она потеряла глазъ, но вѣдь за то она была еще очень недурна собой; это ея несчастіе, ребенокъ выкололъ ей глазъ вязальной спицей. И вотъ прошли года, и у ней не было иной поддержки, кромѣ Бога. Она плакала не разъ объ этомъ глазѣ. Но у ней было сильное тѣло и крѣпкое здоровье, это не было еще у ней отнято.

Рейерсенъ наливаетъ въ стаканы. Онъ наклоняется къ ней и не хочетъ слышать отказа, будто бы она не можетъ пить больше. Вѣдь это въ послѣдній разъ онъ стоитъ здѣсь въ бухтѣ, она была единственное существо, довѣрившееся ему, онъ не забудетъ ея за это. Они оба были тронуты этимъ разговоромъ; Рейерсенъ взялъ дѣвушку за руку; она сидѣла на мѣстѣ твердо безъ движенія, какъ прикованная. Вдругъ онъ обнимаетъ ее за шею и говоритъ:

— Помнишь ли ты тотъ разъ, въ сараѣ? Ночь, двадцать лѣтъ тому назадъ?

— Да!—отвѣчаетъ она еле слышно. Она не выказываетъ никакого сопротивленія, онъ продолжаетъ ее держать за шею.—Я помнила господина все время; Богъ да проститъ мнѣ грѣхъ,—говоритъ она.

Теперь онъ сейчасъ же хочетъ выяснить, правда ли, онъ уже ни на что больше не годится.

— Чего это господинъ хочетъ?—спрашиваетъ она, удивленная. — Господинъ сошелъ съ ума? Женатый человѣкъ! Но такъ какъ ее усовѣщиванія не помогаютъ, ея тяжелый кулакъ ударяетъ его по головѣ, и онъ падаетъ, оглушенный, на желтую панель. — Если бы я знала, что это было такъ, моей бы ноги здѣсь не бывало,—говоритъ она въ гнѣвѣ.— Господинъ думалъ о такихъ вещахъ, женатый человѣкъ.

Она выходитъ изъ дверей вверхъ по лѣстницѣ и возвращается къ своей работѣ въ трюмъ. Ея мечта о Рейерсенѣ

была разбита вдребезги, она не должна больше думать о немъ и вспоминать его черноволосую голову юныхъ дней, когда онъ былъ такимъ. Онъ не уважалъ ни самого себя, ни Божьей заповѣди. Въ сараѣ двадцать лѣтъ тому назадъ! Да это было другое дѣло, тогда никто изъ нихъ не состоялъ въ бракѣ и не нарушалъ заповѣди Божіей!

Но Рейерсенъ былъ съ этой минуты отпѣтымъ человѣкомъ. Даже одноглазая, сорокалѣтняя вѣдьма не хочетъ знать его,—того, кто видѣлъ у своихъ ногъ всѣхъ дѣвушекъ бухты. Старость наступила, расчетъ съ нимъ былъ оконченъ.

Такъ какъ онъ уже болѣе ни къ чему не годенъ, то онъ долженъ на старости лѣтъ немножко больше подумать о серьезныхъ вещахъ и благочестіи; когда все другое погибло, у него остается еще это прибѣжище, куда онъ можетъ спастись. Онъ вспомнилъ также это рѣшеніе, когда совершенно протрезвился и сказалъ самому себѣ: ты начинаешь исправляться понемногу каждый день, дѣлаешь небольшіе шаги и постепенно идешь впередъ; она права въ этомъ, Паулина, что уже пора.

Когда Эндре Польденъ явился на судно вечеромъ и заявилъ, что нагрузка рыбы кончится завтра къ вечеру, шкиперъ отвѣчалъ серьезно:

— Дай Богъ!

Эндре Польденъ посмотрѣлъ, ничего не понимая, на него. Онъ спросилъ:

— Когда господинъ снимется съ якоря?

И шкиперъ отвѣчаетъ снова непонятно:

— Если Господу Богу будетъ угодно, завтра въ ночь.

И Господу Богу было угодно. Рейерсенъ снялся съ якоря, какъ онъ назначилъ и поплылъ по бухтѣ.

Тысяча мыслей проносились у него въ головѣ. Онъ зналъ каждый островокъ, съ тѣмъ у него было соединено одно воспоминаніе, съ этимъ другое. То было въ дни его юности, во времена его блеска. Ахъ, теперь это прошло...

Рейерсенъ стоитъ у руля, онъ смотрится въ компасное стекло. Вдругъ онъ выпрямляется по-адмиральски и говоритъ про себя:

— На будущій годъ я попробую другое мѣсто. Этого и слѣдовало ожидать, чортъ возьми, что я здѣсь получу полную отставку.

КОЛЬЦО.

Я видѣлъ разъ въ одномъ обществѣ влюбленную молодую женщину. Ея глаза отъ того еще больше поголубѣли и еще болѣе было въ нихъ блеска, и она никакъ не могла скрывать своихъ чувствъ. Кого она любила? Вонъ того молодого господина, что у окна, хозяйскаго сына, человѣка въ мундирѣ и съ львинымъ голосомъ. И, Боже мой, съ какою любовью ея глаза смотрѣли на молодого человѣка, и какъ неспокойно она сидѣла!

Я зналъ ее очень хорошо, и когда мы возвращались ночью домой, я сказалъ ей:

— Какая ясная и великолѣпная погода! Веселилась ты нынче вечеромъ?—И чтобы итти навстрѣчу ея желанію, я снялъ свое обручальное кольцо и продолжалъ:

— Посмотри, твое кольцо сдѣлалось мнѣ слишкомъ узко, оно жметъ мнѣ. Что если бы ты отдала его сдѣлать пошире?

Она протянула руку и прошептала:

— Дай мнѣ его, я велю сдѣлать его пошире.

И я отдалъ ей кольцо.

* * *

Мѣсяцъ спустя я встрѣчаю ее опять. Я хотѣлъ спросить о кольцѣ, но не сдѣлалъ этого. Не къ спѣху, подумалъ я, пусть пройдетъ побольше мѣсяца.

И вотъ она смотритъ вдоль по улицѣ и говоритъ:

— Ахъ, да, относительно кольца! Какое-то несчастіе мнѣ

съ нимъ, я положила его куда-то, я его потеряла.—И ждетъ моего отвѣта.—Ты не сердишься?—спрашиваетъ она съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

И, Боже мой, съ какимъ легкимъ сердцемъ ушла она, такъ какъ я не сердился на нее за это!

* * *

И вотъ прошелъ цѣлый годъ. Я снова былъ на старомъ пепелищѣ и бродилъ какъ-то вечеромъ по знакомой, знакомой дорогѣ.

Вдругъ она идетъ ко мнѣ навстрѣчу, и у ней глаза еще и еще больше поголубѣли и еще, еще болѣе было въ нихъ блеска, но ея ротъ какъ-то увеличился, и губы ея поблѣднѣли.

— Вотъ твое кольцо,—воскликнула она:—твое обручальное кольцо. Я нашла его снова, мой милый, и отдала его сдѣлать пошире. Теперь оно не будетъ жать тебѣ.

Я посмотрѣлъ на покинутую женщину и на ея большой ротъ и блѣдныя губы. Посмотрѣлъ также и на кольцо.

— Ахъ!—сказалъ я и поклонился низко-пренизко:—что за несчастіе у насъ съ кольцомъ. Теперь оно стало мнѣ слишкомъ просторно.

НА ОТМЕЛИ.

Мѣсяцъ за мѣсяцемъ стояли мы на отмели и ловили треску. Лѣто и зима наступали и проходили, а мы стояли постоянно на томъ же самомъ мѣстѣ, среди моря, на границѣ между двумя мірами, Европой и Америкой. Четыре, пять разъ въ году ѣздили мы къ Микелону продать уловъ и сдѣлать запасы; потомъ опять отплывали въ открытое море, становились на якорь на томъ же самомъ мѣстѣ, ловили треску—и снова трогались къ Микелону, чтобы опять выгрузиться. Я никогда не бывалъ на берегу въ городкѣ; зачѣмъ мнѣ было сходить на берегъ? Немного можно было увидать людей въ этомъ крошечномъ мѣстечкѣ, въ этомъ захолустьѣ, гдѣ жило всего только нѣсколько рыбаковъ и корабельщиковъ.

Нашъ корабль былъ русскій и назывался „Конго", настоящее русское, старое, судно, сохранившее еще со своихъ юныхъ лѣтъ на бортахъ на половину стершіеся пушечные порты. Насъ было восемь человѣкъ на кораблѣ: двое голландцевъ, одинъ французъ, двое русскихъ и я, остальные—негры.

При „Конго" находилось четыре дори. Мы отплывали утромъ на этихъ доряхъ и опускали наши паруса, лѣтомъ—въ три часа, зимой—на разсвѣтѣ, а вечеромъ снова ихъ поднимали вѣчно на томъ же самомъ мѣстѣ, въ семи-восьмистахъ футовъ на ЗЮЗ отъ „Конго".

День проходилъ, другой наступалъ, вѣчно стояли мы тамъ. Не происходило никакихъ измѣненій въ нашей жизни;

мы никогда не могли различить воскресенья отъ понедѣльника. Единственное, что отличало нашу жизнь отъ жизни другихъ ньюфаундлендскихъ рыбаковъ, было то странное обстоятельство, что нашъ капитанъ имѣлъ съ собою на кораблѣ жену. Эта жена была молодое, въ высшей степени противное, существо, съ массой бородавокъ на обѣихъ рукахъ и съ маленькимъ тощимъ тѣломъ. Мы видали ее почти каждое утро, когда мы отплывали; обыкновенно она только что встала, бывала заспанною и ужасно безпорядочно одѣтою: для нея ничего не стоило выставлять корабельные отбросы предъ самымъ нашимъ носомъ и развѣшивать бѣлье и... нѣтъ, объ этомъ просто не хочется и разсказывать. Но, несмотря на то, что она была такой неряхою и почти никогда не сказала ни съ кѣмъ изъ насъ ни слова, мы, матросы, все-таки были влюблены въ нее, всѣ безъ исключеніябыли влюблены, каждый по своему, и никто изъ насъ не могъ бы обойтись безъ нея. Такими нетребовательными мы сдѣлались.

Мы не были моряками, мы были только рыбаки. Морякъ постоянно плыветъ дальше и дальше, встрѣчаетъ города и кончаетъ когда-нибудь путешествіе, какъ бы продолжительно оно ни было; но мы, мы стояли неподвижно, все время неподвижно, со всѣми якорями въ отмели. Такъ долго продолжалось это, что, наконецъ, мы едва могли представить себѣ, какой видъ имѣетъ земля; такъ сильно мы измѣнились. Вѣчная стоянка на одномъ мѣстѣ сдѣлала насъ необыкновенно тупыми, въ самомъ дѣлѣ ужасно тупыми; мы не видали ничего другого, кромѣ тумана и моря, и не слыхали ничего другого, кромѣ вѣтра и непогоды, сверху и снизу; мы ни на что не жаловались, и ни одной уже мысли не приходило намъ въ голову. О чемъ намъ было думать? Наше постоянное пребываніе съ рыбами сдѣлало насъ самихъ рыбами, странными, безформенными морскими животными, которыя ползали по кораблю и говорили собственнымъ, своеобразнымъ языкомъ.

Мы не читали, ничего не читали. Никакихъ писемъ не могло прійти къ намъ сюда на море, да, кромѣ того, вдыханіе густого тумана, наша каждодневная работа надъ сырой рыбой, наше непрерывное пребываніе на отмели, — все это отбило у насъ всякую охоту къ чтенію. Мы ѣли, работали и спали. Единственнымъ изъ насъ, не потерявшимъ совершенно головы и еще до нѣкоторой степени „современнымъ“ человѣкомъ, былъ французъ. Онъ отзывалъ меня разъ въ мѣсяцъ къ сторонкѣ на палубѣ и говорилъ мнѣ серьезнѣйшимъ тономъ:

— Что, по твоему, теперь воюютъ дома?

До такой степени сдѣлались мы равнодушными, что почти не могли больше разговаривать другъ съ другомъ. Мы прекрасно знали, какой получится отвѣтъ на какой угодно вопросъ, и, кромѣ того, намъ часто стоило большого труда понимать другъ друга. Что было пользы въ томъ, что оффиціальнымъ языкомъ на кораблѣ считался англійскій? Оба голландца и французъ были ужасно неспособны къ изученію его и ужасно упрямы, и даже, когда русскимъ приходилось сказать что-нибудь подлиннѣе за одинъ пріемъ, они вдругъ переходили на свой родной языкъ, и намъ оставалось только слушать и хлопать ушами. Мы были ужасно безпомощны и одиноки во всѣхъ отношеніяхъ.

Но, временами, когда мы сидѣли и удили рыбу, проходилъ мимо эмигрантскій корабль, тяжелый, похожій на тѣнь, колоссъ, который давалъ свистокъ и исчезалъ въ то же самое мгновенье въ туманѣ. Это было почти таинственное видѣніе—эти тяжелыя чудовища, которыя показывались намъ на мгновеніе и вдругъ пропадали опять. Когда это случалось въ темнотѣ, и свѣтъ съ корабля останавливался на насъ своими круглыми бычачьими глазами, пылающими вдоль всего кузова корабля, мы часто издавали крикъ ужаса и изумленія; въ тихомъ воздухѣ мы чувствовали дуновеніе вѣтра со стороны гигантскаго привидѣнія, и наши дори долго спустя

послѣ этого все еще качались на тяжелыхъ волнахъ, поднимавшихся въ морѣ при проходѣ корабля.

Случалось также, когда погода бывала немножко пояснѣе, ванъ Тацель, мой товарищъ по дори, обладавшій хорошимъ зрѣніемъ, замѣчалъ гдѣ-нибудь вдалекѣ парусное судно; но оно ни разу не подходило къ намъ настолько близко, чтобы можно было различить на немъ людей. Мы никогда не видали никого другого, кромѣ насъ самихъ: повара, восьми рыбаковъ и разбитаго подагрой хозяина съ его женой.

Странныя душевныя состоянія иногда овладѣвали нами, когда мы сидѣли и, напрягая силы, тянули наши лески и едва могли вытянуть ихъ изъ воды: намъ казалось тогда, что за наши удочки уцѣпились и крѣпко держатъ ихъ глубоко подъ водой скрытыя руки, которыя стараются за край опрокинуть нашу лодку. Мы звали другъ друга, скрежеща зубами и обезумѣвъ отъ ужаса; мы забывали, гдѣ мы находились и что мы дѣлали, страшно разгоряченные этой борьбой съ незримыми силами морского дна, не желавшими выпустить свою добычу. Когда кѣмъ-нибудь изъ рыбаковъ овладѣвало такое настроеніе духа, у насъ на отмели говорили про него, что онъ „пѣлъ къ ясной погодѣ“, такъ какъ думали, что виною этому—туманъ. Временами казалось намъ также, когда мы сидѣли и ловили рыбу, что страшныя фантастическія существа кивали намъ изъ тумана, далеко съ моря, кивали какъ-то загадочно большими косматыми головами и снова исчезали. И безформенныя, дьявольскія привидѣнія шествовали въ бѣломъ туманѣ, огромныя, какъ горы, качаясь туда и сюда съ дуновеніемъ вѣтра, передвигаясь тяжелыми шагами съ запада на востокъ, катясь въ воздухѣ своими, подобными песчанымъ массамъ, членами и развѣвая за собою широкой одеждой. Ванъ Тацель и я видѣли разъ одновременно призракъ, который заставилъ насъ оцѣпенѣть: это было темнымъ вечеромъ, когда мы закидывали наши удочки; мы видѣли человѣка, который поднимался и опускался въ воздухѣ; вся голова его была окру-

жена пламенемъ, онъ дышалъ подобно бурѣ, мы оба слышали это. Вскорѣ послѣ того мимо насъ прошелъ пароходъ, мы вскрикнули, когда онъ далъ свистокъ; и вотъ призракъ исчезъ...

Но когда мы послѣ полудня складывали свои удочки и направлялись къ „Конго“ съ лодками, нагруженными до верху, нашъ хорошій уловъ и пріятное сознаніе покончeнной на этотъ день трудной работы, все это приводило насъ въ совершенно иное, странное, возбужденное состояніе: такъ случалось много разъ, мы находили особенное неестественное удовольствіе мучить рыбу, просто-на-просто мучить нашу собственную рыбу. Оба русскихъ съ какимъ-то совершенно болѣзненнымъ наслажденіемъ занимались этимъ... Они брали большихъ рыбъ за голову, вдавливали пальцы въ ихъ мягкіе глаза и такимъ образомъ держали рыбъ на вытянутыхъ рукахъ, странно смѣясь и любуясь ими. Однажды я замѣтилъ, что одинъ изъ русскихъ глубоко впился зубами въ сырую рыбу и держалъ ихъ тамъ около двухъ минутъ, причемъ глаза его были совершенно закрыты. Эти жирныя рыбы дѣйствовали также очень сильно на насъ всѣхъ; мы могли приходить въ волненіе, когда мы вскрывали ихъ гладкіе тѣла; мы взрѣзали имъ живымъ животъ во всю длину, рылись безъ особенной надобности очень долго руками въ ихъ внутренностяхъ и пачкались въ крови болѣе, чѣмъ того требовало дѣло. Француза никогда не прельщали эти животныя удовольствія, но взамѣнъ того, онъ пылалъ безумной любовью къ женѣ хозяина, и этого онъ не могъ даже скрывать. Онъ говорилъ это прямо намъ всѣмъ.—Я люблю ее! Да, Боже мой, какъ я люблю ее!—повторялъ онъ много разъ на дню. Одинъ изъ негровъ, тотъ, котораго мы называли „докторомъ“, потому что онъ занимался немного медициной въ своей ранней молодости, также былъ влюбленъ въ нее; я готовъ былъ убить его на мѣстѣ изъ одной только ревности, когда онъ однажды открылся мнѣ въ этомъ. Да, и со мной было не лучше.

Но она сама становилась все тощѣе, неподвижнѣе и неряшливѣе и не замѣчала всего этого. Ни одного взгляда не бросила она намъ. Разъ, когда у меня было дѣло сзади того складного стула, на которомъ она сидѣла, упорно смотря прямо предъ собой, я споткнулся на крюкъ осмоленной сѣти и чуть было не упалъ.

Я пришелъ въ такое замѣшательство, что повернулся и принялся разсматривать этотъ крючекъ машинально и безсмысленно, вмѣсто того, чтобы итти дальше, и я несомнѣнно имѣлъ смѣшной видъ. Почему она тогда не смѣялась? И зачѣмъ ей было смотрѣть на меня все время, какъ не для того, чтобы посмѣяться? Она совершенно не обратила на это вниманія, никакой тѣни не пробѣжало по ея лицу.—Она гніетъ!—говорилъ ванъ Тацель на своемъ странномъ языкѣ:—Боже мой, она ужасно гніетъ!

И все-таки никто изъ насъ ни за что на свѣтѣ не согласился бы разстаться съ нею.

Когда мы „кончали“ съ рыбой и снова закидывали удочки, нашъ дневной трудъ былъ оконченъ и мы проводили часъ-другой въ ѣдѣ и куреньи табаку. И затѣмъ мы отправлялись спать.

Тогда мы могли, если не были слишкомъ утомлены, поговорить немного другъ съ другомъ и даже разсказать ту или другую исторію, постоянно на грубомъ и несовершенномъ языкѣ, переполненномъ ругательствами и неприличными словами. Французъ разсказывалъ случай съ однимъ господиномъ, который „не могъ видѣть ни одной женщины, безъ того чтобы не пожелать ея“, и этотъ случай разсказывалъ онъ много разъ, постоянно съ однимъ и тѣмъ же успѣхомъ. Русскіе были отъ него въ необыкновенномъ восторгѣ и смѣялись, не переставая, когда онъ разсказывалъ. Они, какъ дѣти, искренно радовались этому грубому разсказу. Они кривили рты и бросались въ возбужденіи на койки и снова вставали. Ну, а потомъ?—спрашивали они все время:—

что же случилось дальше?—И однако знали они такъ же хорошо, какъ мы всѣ, чѣмъ все это кончилось.

Ванъ Тацель, напротивъ, почти никогда не имѣлъ такого успѣха, когда онъ разсказывалъ свою исторію; мы рѣдко могли слушать его. Мы понимали его съ такимъ трудомъ, онъ такъ мало зналъ по англійски, и, сверхъ всего, то немногое, что онъ зналъ, въ его произношеніи совершенно искажалось. Когда онъ былъ готовъ сказать что-нибудь и внезапно останавливался, онъ смотрѣлъ вокругъ себя на насъ всѣхъ съ огорченнымъ видомъ и совершенно не зналъ, какъ ему выйти изъ этого положенія. Онъ бывалъ, въ самомъ дѣлѣ, очень жалокъ.

Ванъ Тацель былъ старшій изъ голландцевъ, старый пройдоха, немного глухой, но вообще добродушный и услужливый. Онъ постоянно носилъ въ ушахъ куски ваты, лѣтомъ и зимой, большіе куски ваты, пожелтѣвшіе отъ времени и грязи. Онъ былъ необыкновенно неповоротливое существо; море сдѣлало его совершеннымъ ребенкомъ, и онъ почти ни о чемъ не могъ думать, что было бы дальше кончика его носа. Когда онъ лежалъ на койкѣ, куря свой крѣпкій табакъ и сплевывая неряшливо куда ни попало,—начиналъ онъ всегда свой разсказъ такъ:

— Это случилось разъ вечеромъ въ Амстердамѣ,—разсказывалъ онъ:—это случилось вечеромъ въ Амстердамѣ. Я только что нанялся, и это былъ мой послѣдній вечеръ на берегу. Я не припоминаю, который былъ часъ, но было уже очень поздно,—продолжалъ ванъ Тацель.—И вотъ когда я вышелъ изъ пивной и собрался итти на корабль, я прежде всего подвернулъ брюки; мнѣ помнится, я подвернулъ по два раза каждую штанину; но, должно замѣтить, я былъ болѣе, чѣмъ пьянъ, и я упалъ на колѣни, дѣлая это. И вотъ я отплылъ съ этого мѣста и вышелъ какъ разъ на улицу Леопольда. Тамъ это я встрѣтилъ нѣчто..., нѣчто, что поразило меня. Я вѣдь ужъ не былъ больше пьянъ, когда я ее увидалъ; она

была почти что сзади меня, посреди улицы,—вѣрьте мнѣ или нѣтъ, но это была дама.

Старый дуракъ привстаетъ на койкѣ и смотритъ на насъ.—Прекрасная дама!—говоритъ онъ! И здѣсь онъ останавливается. Его англійскій языкъ не простирается дальше, онъ не трогается съ мѣста.

— Въ самомъ дѣлѣ за тобой шла дама по улицамъ Амстердама,—спрашиваетъ „докторъ", иронизируя, съ своей койки.

— Да, дама!—говоритъ онъ въ восхищеніи и съ громкимъ хохотомъ. Это такъ его захватываетъ, что онъ даже дважды клянется въ томъ, и мы всѣ смѣемся вмѣстѣ съ нимъ. Онъ пытается продолжать, но опять останавливается: онъ не въ состояніи итти дальше. Онъ работаетъ своими старыми мозгами, съ усиленнымъ напряженіемъ старается найти слово, которое могло бы изобразить намъ, какъ было дѣло; но онъ молчитъ, какъ убитый. Для него такъ важно быть понятымъ именно въ этомъ самомъ пунктѣ, и, охваченный воспоминаніями объ этой дамѣ, доведенный до отчаянія невозможностью объясниться, онъ вдругъ разражается на своемъ родномъ языкѣ, выпускаетъ цѣлый рой странныхъ словъ, которыхъ никто изъ насъ не понимаетъ, за исключеніемъ его земляка, который лежитъ на своей койкѣ и храпитъ.

Это былъ разсказъ ванъ Тацеля, единственный, который онъ зналъ и который всегда оканчивался на этомъ мѣстѣ. Мы слышали его такъ много разъ, онъ начинался постоянно однимъ и тѣмъ же — о вечерѣ въ Амстердамѣ. Это былъ правдоподобный разсказъ, и никто изъ насъ не сомнѣвался въ этомъ...

Такъ лежали мы нѣкоторое время и думали объ этомъ разсказѣ, въ то время какъ море шумѣло снаружи, лампы качались въ своихъ латунныхъ кольцахъ, и вахта стучала надъ нами по палубѣ своими деревянными башмаками. И вотъ наступала ночь...

Но иногда я просыпался снова, около полуночи, чуть не задыхаясь отъ испареній, выдѣляемыхъ всѣми этими человѣческими тѣлами, которыя ворочались въ дикихъ сновидѣніяхъ и сбрасывали съ себя одѣяла. Лампа освѣщала неуклюжія тѣла въ сѣрыхъ фризовыхъ рубашкахъ; русскіе, съ ихъ тремя-четырьмя клочками бороды, имѣли видъ спящихъ тюленей, и ихъ толстыя голыя ноги походили на плавни. Съ каждой койки слышались стоны и отрывки словъ; негры лежали и скрипѣли своими бѣлыми зубами и громко разговаривали, называли одно имя, надувая свои черныя щеки. Съ койки младшаго голландца слышалось, среди захлебывающагося хохота, то же самое имя, въ перемежку съ храпомъ и прерывистыми громкими взвизгиваніями,—имя жены хозяина. Всѣ были увлечены ею; эти развратныя животныя лежали и говорили о ней во снѣ, каждый на своемъ языкѣ, среди храпа и съ закрытыми глазами, и бормотали грубѣйшія слова, смѣясь и высовывая языкъ. Только ванъ Тацель спалъ спокойно, здорово и спокойно, какъ безсловесное животное.

Спертый каютный воздухъ, табачный дымъ, запахъ пота и рыбы изъ трюма образовывали тяжелый одуряющій туманъ, который заставлялъ меня тотчасъ же закрывать глаза, лишь только я ихъ открывалъ. И я снова засыпалъ, захваченный чудовищнымъ огромнымъ цвѣткомъ, который ложился на меня и всасывалъ меня въ свои мокрые листья, мучилъ меня, спокойно и увѣренно, медленно и безшумно. И весь міръ переставалъ существовать для меня...

Но вотъ приходила вахта, и меня будили.

СОВЕРШЕННО ОБЫКНОВЕННАЯ МУХА СРЕДНЕЙ ВЕЛИЧИНЫ.

Наше знакомство началось съ того, что она однажды влетѣла въ мое открытое окно, въ то время какъ я сидѣлъ и писалъ, и начала танцовать вокругъ моей головы. Очевидно, она чувствовала себя опьянѣвшей отъ спиртнаго запаха моихъ волосъ. Я ударялъ по ней нѣсколько разъ, но она не обращала на это никакого вниманія. Тогда я схватился за мои рабочія ножницы.

Эти ножницы такія огромныя и такія удобныя,—я пользуюсь ими вмѣсто проволоки для чистки трубки и вмѣсто каминныхъ щипцовъ, я вбиваю ими также гвозди въ стѣну; въ моей испытанной рукѣ онѣ всегда являются страшнымъ оружіемъ. Я помахалъ ими нѣсколько разъ въ воздухѣ, и муха улетѣла.

Но немного спустя она снова вернулась и начала свой прежній танецъ. Я всталъ и подвинулъ свой столъ къ двери. Муха послѣдовала за мной. Сыграю я съ тобой штуку, подумалъ я. И, тихонько вставъ, я вымылъ спиртъ изъ моихъ волосъ. Это помогло. Муха усѣлась въ довольно угнетенномъ состояніи духа на ламповый абажуръ и не трогалась съ мѣста.

Дѣло шло хорошо довольно долгое время, я продолжалъ работать и сдѣлалъ много. Но, наконецъ, мнѣ показалось нѣсколько скучнымъ постоянно встрѣчать эту муху, каждый разъ какъ я поднималъ глаза. Я разсмотрѣлъ ее: это была совершенно обыкновенная муха средней величины, хорошо

сложенная, съ сѣрыми крыльями. Тронься же хоть чуточку, сказалъ я. Она не трогалась. Прочь, сказалъ я и замахнулся на нее. Тогда она поднялась, облетѣла кругомъ комнату и опять возвратилась на ламповый абажуръ.

Это собственно я и считаю истиннымъ началомъ нашего знакомства. Я проникся уваженіемъ къ ея упорству; чего она хотѣла, такъ ужъ хотѣла; она тронула меня также своимъ выраженіемъ, она склоняла голову на бокъ и озабоченно смотрѣла на меня. Наши чувства сдѣлались взаимными; она поняла, что я получилъ къ ней расположеніе, и стала дѣйствовать сообразно съ этимъ. Она становилась все болѣе и болѣе свободною въ своемъ поведеніи. Когда послѣ обѣда я собирался выйти, она даже полетѣла передо мной къ двери и старалась помѣшать мнѣ уйти.

На слѣдующій день я всталъ въ обычное время. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я собирался войти въ комнату послѣ завтрака и начать работу, муха мнѣ встрѣтилась въ дверяхъ. Я кивнулъ ей. Она, жужжа, облетѣла нѣсколько разъ всю комнату и сѣла на мой стулъ. Я не приглашалъ ее сѣсть и мнѣ нуженъ былъ мой стулъ. Прочь, сказалъ я. Она поднялась немного въ воздухѣ и снова сѣла на стулъ. Тогда я сказалъ: Ну, я сажусь. Я сѣлъ. Муха поднялась и усѣлась на моей бумагѣ. Прочь, сказалъ я. Никакого отвѣта. Я дунулъ на нее, она присѣла и не желала улетать. Нѣтъ, безъ взаимнаго уваженія другъ къ другу это не можетъ продолжаться, сказалъ я. Она слушала меня и думала надъ этимъ, но все-таки рѣшила сидѣть.

Тогда опять я взмахнулъ ножницами; окно было открыто, я не предусмотрѣлъ этого, и муха вылетѣла.

Часа два она была на улицѣ. Я ходилъ все время и раскаивался въ томъ, что я выгналъ ее своей собственною рукою. Гдѣ-то она теперь? Кто знаетъ, что можетъ съ ней случиться. Я усѣлся, наконецъ, на мѣсто и собирался приняться за работу; но я былъ полонъ мрачныхъ предчувствій.

И вотъ муха вернулась. Какая-то гадость прилипла къ ея задней ногѣ. Ты побывала на улицѣ, въ грязи, животное, сказалъ я; фу! Но я все-таки былъ радъ, что она вернулась, и я снова крѣпко-на-крѣпко закрылъ окно. Какъ это ты можешь пускаться въ такія прогулки? говорилъ я. Но, казалось, что она какъ будто радовалась и говорила: э-э, такъ какъ ей удалось сдѣлать эту прогулку. Я никогда раньше не видалъ, чтобы муха такъ радовалась, она заразила меня своимъ веселъемъ, я сказалъ: э-э, и я также, и сердечно разсмѣялся. Ха-ха, видалъ ли кто такого дьявола въ образѣ мухи! сказалъ я. Поди-ка сюда, дай, я тебѣ пощекочу шейку, шельма!

Вечеромъ попробовала она свою прежнюю шутку и хотѣла загородить мнѣ выходъ. Я пріосанился и выказалъ силу своего духа. Это очень хорошо, что она рада мнѣ, но оставлять меня дома каждый вечеръ, это не въ ея власти. И я силой протѣснился мимо нея. Я слышалъ, какъ она бѣсновалась въ комнатѣ, и крикнулъ ей снаружи: Да, теперь ты сама можешь видѣть, какъ это пріятно сидѣть одному. Прощай! Посиди-ка теперь тамъ!

Въ слѣдующіе дни эта маленькая негодная муха подвергала мое терпѣніе многочисленнымъ испытаніямъ. Приходили ко мнѣ люди, она начинала ревновать и выгоняла ихъ въ дверь своею надоѣдливостью. Когда я начиналъ ее упрекать за ея поведеніе и выражалъ желаніе немножко потаскать ее за волосы, она дѣлала головоломный перелетъ съ пола подъ самый потолокъ, гдѣ она крѣпко усаживалась, и вызывала у меня головокруженіе. Упадешь! кричалъ я, обращаясь къ ней. Но мои увѣщанія всегда были безполезны. Ну такъ, пожалуйста, продолжай тамъ сидѣть, говорилъ я и поворачивался къ ней спиной. Тогда она спускалась внизъ. Да, ужъ это непремѣнно такъ; если я не обращалъ на нее больше никакого вниманія, она пролетала передъ самымъ моимъ носомъ и шлепъ на мою рукопись. Тутъ

начинала она прогуливаться вдоль и поперекъ, какъ будто у меня въ домѣ не было ножницъ. Заставь ее удалиться мирнымъ путемъ, подумалъ я. И я говорилъ дружелюбно: Не ходи тамъ и не пачкайся въ чернилахъ, тебѣ же добра желаю. Она была глуха къ моимъ словамъ. Развѣ я не говорилъ, что ты не должна прогуливаться по бумагѣ! повторялъ я; это грубая бумага, черновая, ты можешь занозить ногу. Ахъ, нѣтъ, можно ли ее этимъ запугать! Ну, слыхано ли подобное упрямство! кричалъ я, взбѣшенный; развѣ въ бумагѣ нѣтъ занозъ? Вовсе нѣтъ, ей не встрѣтилось и слѣда занозъ. Такъ, убирайся къ чорту послѣ этого, отвѣчалъ я; я беру другой листъ. Но, когда я взялъ другой листъ, она улетѣла прочь.

Такъ проходили дни и недѣли. Мы привыкли другъ къ другу, работали вмѣстѣ на различныхъ листахъ, радости и горе дѣлили пополамъ. Ея фантазіи были безчисленны, но я терпѣлъ ихъ. Она вполнѣ явственно дала мнѣ понять свое нерасположеніе къ сквозняку, и я держалъ окна и двери затворенными. Тѣмъ не менѣе ей часто приходила въ голову мысль бросаться внизъ съ потолка прямо на оконное стекло съ тѣмъ, чтобы разбить его. Если у тебя есть дѣло на улицѣ, уходи вотъ этою дорогой, говорилъ я. И я отворялъ ей дверь. Вовсе нѣтъ, она не желала улетать наружу. Хочешь ты вылетѣть или нѣтъ? спрашивалъ я; разъ, два, три. Никакого отвѣта. И въ бѣшенствѣ я хлопалъ дверью.

Но вскорѣ мнѣ пришлось раскаяться въ своей горячности.

Въ одинъ прекрасный день муха улетѣла. Она замѣтила утромъ, какъ горничная вошла въ комнату, и ускользнула черезъ дверь. Я понялъ, что это была месть, и долго раздумывалъ, что мнѣ было дѣлать. Тогда я вышелъ на дворъ и громко заявилъ, что она можетъ, сколько ея душѣ угодно, находиться на улицѣ, что мнѣ вовсе не было въ ней надобности. Но тщетно, я не приманилъ ее и чувствовалъ тоску по мухѣ. Я открылъ все, что можно было открыть въ моемъ

домѣ; я выложилъ свою рукопись на окно, на произволъ непогоды и вѣтра; она должна была увидать, что я на все готовъ, чтобы заставить ее вернуться. Я спрашивалъ о мухѣ свою хозяйку, я снова намочилъ спиртомъ волосы и называлъ ее своимъ лучшимъ другомъ и своей придворной мухой, чтобы превознести ее,—все напрасно.

Наконецъ, на слѣдующій день, послѣ полудня, она вернулась. Она вернулась не одна, она привела съ собою съ улицы любовника; въ своей радости увидать ее опять, я простилъ ей все, и даже терпѣлъ нѣкоторое время ея возлюбленнаго. Но что слишкомъ, то слишкомъ; есть же извѣстныя границы. Они сперва усѣлись, дѣлали глазки другъ другу и терлись икрами, вдругъ любовникъ бросился на нее такимъ образомъ, что заставилъ меня покраснѣть. Что это такое вы дѣлаете прямо на виду у всѣхъ! сказалъ я, и старался пристыдить ихъ; ишь, молоко на губахъ не обсохло, а туда же! Это задѣло ее, она закинула назадъ голову и давала мнѣ ясно понять, что я просто ревную. Я ревную! прошипѣлъ я; ревную къ нему! нѣтъ, знаешь ли, это... Но она закинула голову еще больше и стояла на своемъ. Тогда-то я поднялся и сказалъ такія слова: Съ тобою я не стану браниться, этого мнѣ не позволяютъ мои рыцарскія чувства; но высылай ко мнѣ твоего жалкаго любовника; съ нимъ я расправлюсь. И я схватилъ рабочія ножницы.

Тутъ начали они издѣваться надо мной. Они садились на край стола и тряслись отъ хохота и, казалось, говорили: Ха, ха, нѣтъ у тебя ножницъ еще побольше, ножницъ немножко еще побольше! Я покажу вамъ, что вовсе не о богатырѣ идетъ дѣло; на этого молодца я выйду съ несчастной линейкой въ рукѣ. И я взмахнулъ линейкой. Они захохотали еще больше и выказывали мнѣ свое презрѣніе самымъ яснымъ образомъ. Это что такое, вы начинаете опять? сказалъ я грозно. Но они не обращали на меня ни малѣйшаго вниманія, мгновеніе вовсе не представлялось имъ роковымъ,

они приближались другъ къ другу съ самыми безстыдными тѣлодвиженіями и готовы были опять обняться. Вы этого не сдѣлаете! крикнулъ я на нихъ. Но они сдѣлали это передъ самымъ моимъ носомъ. Тогда мое долготерпѣніе истощилось, я поднялъ линейку и опустилъ ее съ быстротой молніи. Что-то хрустнуло, что-то было раздавлено, мой вѣрный ударъ положилъ ихъ обоихъ мертвыми на землю.

Такъ окончилось наше знакомство...

Это была маленькая обыкновенная муха съ сѣрыми крыльями. И въ ней не было больше ничего достопримѣчательнаго. Но она доставляла мнѣ не мало пріятныхъ часовъ, пока она была въ живыхъ.

ТАЙНОЕ СТРАДАНІЕ.

Недавно я встрѣтилъ того же самаго человѣка снова, въ четвертый разъ. Онъ преслѣдуетъ меня всюду, я никогда не застрахованъ отъ него, отъ того, что онъ вынырнетъ и встрѣтится со мною лицомъ къ лицу въ самыхъ разнообразнѣйшихъ мѣстахъ. Разъ я встрѣтился съ нимъ даже въ своей собственной комнатѣ въ Христіаніи, онъ вошелъ ко мнѣ, онъ стоялъ въ комнатѣ...

Но позвольте мнѣ разсказать сначала.

Я встрѣтилъ его въ первый разъ въ Копенгагенѣ. Это было въ іюлѣ 1879 года, я жилъ гдѣ-то на Кларербодерѣ.

Однажды я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ; я такъ ясно помню, что я сидѣлъ и долженъ былъ переписать какія-то ноты, и что это мнѣ стоило большого умственнаго напряженія, такъ какъ я едва могъ читать ноты,—какъ вдругъ стучатъ въ дверь, тихо, очень глухо, какъ будто бы женской рукой, я кричу:—Войдите!—и какой-то человѣкъ входитъ въ комнату.

Человѣкъ, по видимости, лѣтъ 30, блѣдный, съ темными глазами, узкими плечами; у него была перчатка только на одной рукѣ.

Онъ снялъ шляпу тотчасъ же, какъ вошелъ, и его черные глаза были устремлены на меня все время, пока онъ входилъ ко мнѣ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ и писалъ. Онъ попросилъ извиненія въ томъ, что онъ проникъ ко мнѣ; онъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ я входилъ, выходилъ изъ пансіона, и ему показалось, что мы старые знакомые.

Не помню ли я его по Гельсингэру, по участку въ Гельсингэрѣ.

Я никогда не былъ въ Гельсингэрѣ, это, должно быть, недоразумѣніе...

Нѣтъ? Такъ это было въ Мальмэ? Чѣмъ больше онъ думаетъ объ этомъ, тѣмъ яснѣе вспоминаетъ, что это именно въ Мальмэ онъ встрѣтилъ меня.

Но я не былъ также и въ Мальмэ.

Онъ назвалъ еще мѣста два и на каждый мой отвѣтъ говорилъ:—Постойте, я совершенно увѣренъ, что я васъ встрѣчалъ, только не помню, гдѣ именно.—Наконецъ, онъ назвалъ Христіанію, и я почти согласился, что, можетъ быть, мы и встрѣчались въ Христіаніи. Онъ поколебалъ мою увѣренность, я не могъ отвѣтить, что я никогда не встрѣчалъ его въ Христіаніи.

— Впрочемъ, у меня къ вамъ нѣтъ никакого дѣла,— сказалъ онъ:—мнѣ только вздумалось поздороваться съ вами, какъ съ землякомъ и старымъ знакомымъ.

Мы немножко поговорили, мы ни о чемъ не спрашивали другъ друга, но говорили о совершенно постороннихъ предметахъ, о чемъ именно, я теперь и не могу вспомнить. Мнѣ помнится только, его слова часто бывали таковы, что ихъ можно было понимать различнымъ образомъ, что-то крылось въ нихъ, и этотъ человѣкъ вообще произвелъ на меня какое-то странное впечатлѣніе таинственности.

Когда онъ всталъ, намѣреваясь уходить, онъ попросилъ еще разъ извиненія въ томъ, что пришелъ, и сказалъ, между прочимъ, такія слова:

— Я скучаю, мнѣ нечего больше дѣлать. Такъ я иногда занимаюсь тѣмъ, что дурачу полицію, чтобы убить время; но это слишкомъ легко, это меня не занимаетъ.

Онъ былъ серьезенъ, говоря эти слова, но я все-таки принялъ ихъ за шутку.

Въ дверяхъ онъ обернулся, какъ будто вдругъ вспомнилъ

про что, и пригласилъ меня проѣхаться вечеромъ, „въ память стараго знакомства“. Сперва я отвѣтилъ „нѣтъ“; я не зналъ, почему я сперва отвѣтилъ „нѣтъ“, но мгновеніе спустя я рѣшилъ ѣхать съ нимъ. Послѣднее, что онъ тогда сказалъ мнѣ, было предостереженіе не брать съ собою денегъ. Никогда нельзя быть достаточно осторожнымъ; я могъ отдать свои деньги хозяину,—сказалъ онъ.

Я не понялъ этого, въ сущности, но я сказалъ на это: „да“, и обѣщалъ быть у „Лошади“ въ пять часовъ.

Оставшись одинъ, я подумалъ немного относительно этого человѣка и его словъ. Мнѣ показалось нѣсколько страннымъ, что онъ вошелъ ко мнѣ. И для чего онъ упомянулъ о деньгахъ? Я удивлялся немножко въ началѣ, но потомъ быстро разрѣшилъ этотъ вопросъ; въ путешествіяхъ такъ быстро сходятся, незнакомый дѣлается товарищемъ и другомъ не болѣе, какъ въ часъ. Я былъ у „Лошади“ въ назначенное время.

Погода была мягкая, и на улицахъ было такъ грязно, что мы должны были взять экипажъ; мы подняли у него верхъ и закрыли окна. Мы ѣхали по западной части Копенгагена, мимо Ладегора, съ внѣшней стороны Рулигхедсвея и мимо водонапорныхъ башенъ. На всемъ этомъ длинномъ протяженіи мы почти не разговаривали; карета катила отлично. Когда мы переѣхали черезъ Грэндальскій мостъ и приблизились къ Уттерслевъ-Маркену, незнакомецъ вынимаетъ кусокъ веревки изъ кармана и начинаетъ вертѣть этой веревкой, пристально устремивъ взоръ на меня. У насъ въ экипажѣ довольно темно, но я вижу его очень хорошо, и вижу также, что онъ дѣлаетъ. Мы сидимъ на одномъ и томъ же сидѣньѣ, мы повертываемся другъ къ другу и наблюдаемъ другъ за другомъ. Вдругъ онъ говоритъ:

— Вамъ не страшно?

И въ то же время онъ подноситъ веревку къ самому моему лицу.

Я солгалъ, я сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Нѣтъ, чего же мнѣ бояться?

Но я дрожалъ отъ страха и въ то же время думалъ дернуть за шнуръ звонка, чтобы позвать кучера. Меня раздражало также имѣть прямо передъ глазами этотъ обрѣзокъ веревки, и потому я всталъ и пересѣлъ на переднее мѣстечко.

И вотъ мы ѣдемъ такъ нѣкоторое время. Немного спустя онъ потупилъ глаза и медленно спряталъ веревку обратно въ карманъ. Казалось, что онъ одумался. И вотъ онъ привстаетъ сразу со своего сидѣнья, показываетъ, какъ будто въ волненіи, на окно и говоритъ:

— Посмотрите, посмотрите туда!

Я невольно повернулъ голову и почувствовалъ тотчасъ же прикосновеніе чего-то влажнаго къ моему горлу.

Этотъ негодяй стоялъ, на половину поднявшись, передо мной и сдавливалъ мнѣ своими холодными пальцами горло. Я не знаю, вскрикнулъ ли я, я думаю, что нѣтъ; въ это мгновеніе со мною произошла перемѣна. Внезапно въ моемъ мозгу явилась мысль, что этотъ человѣкъ только хочетъ попугать меня или одурачить, я почувствовалъ увѣренность въ томъ, что онъ не хотѣлъ меня задушить. Вдругъ гнѣвъ овладѣлъ мной, и я толкнулъ человѣка изо всѣхъ своихъ силъ. Но онъ все-таки крѣпко держалъ меня. Я старался схватить сзади себя шнуръ отъ звонка, поискалъ его немного, нашелъ его, наконецъ, и потянулъ. Но человѣкъ продолжалъ крѣпко держать меня; онъ слышалъ очень хорошо, что звонокъ позвонилъ, но онъ все-таки не разжималъ рукъ. Мы боролись нѣкоторое время другъ съ другомъ; онъ получилъ возможность нанести мнѣ рану въ горло, у самаго лѣваго уха, его дерзость превзошла всѣ границы, онъ нанесъ мнѣ эту рану гвоздемъ или штопоромъ, какимъ-то орудіемъ, которое онъ хотѣлъ ввернуть, и это причинило мнѣ сильную боль. Но вотъ, наконецъ, я освободился лишь тѣмъ, что въ остервенѣніи сталъ наносить ему удары сжатыми

кулаками, наносить удары одинъ за другимъ, куда ни попало. Тутъ кучеръ открываетъ дверцу, и только тогда я замѣтилъ, что карета стоитъ.

— Прикажете вернуться?—спросилъ кучеръ.

Я вышелъ, совершенно сбитый съ толку, изъ кареты. Мой спутникъ сѣлъ опять на свое мѣсто, спокойный, какъ прежде.

— Да, мы должны вернуться,—отвѣчалъ онъ.

— А я пойду обратно,—сказалъ я:—поѣзжайте, если вамъ угодно, хоть къ чорту съ этимъ господиномъ.

— Пойдете?—спросилъ кучеръ:—пѣшкомъ?

Незнакомецъ не сказалъ ничего, онъ не поглядѣлъ даже на меня. Тутъ я разсвирѣпѣлъ не на шутку, я рѣзко приказалъ кучеру ѣхать обратно, прыгнулъ опять въ карету и, въ бѣшенствѣ, захлопнулъ дверцу. Я былъ ужасно разгоряченъ и чувствовалъ въ себѣ необыкновенную силу, совершенно необычайную силу.

Я подвигался безъ нужды слишкомъ близко къ своему спутнику, растопыривался, чтобы занять побольше мѣста, и прижалъ его въ уголъ; я даже толкнулъ его грубо локтемъ, садясь на мѣсто, и онъ не обратилъ на это вниманія, онъ ничего не сказалъ. Только когда мы опять въѣхали въ Копенгагенъ, онъ сказалъ мнѣ съ улыбкой:

— Такъ вы донесете на меня, неправда ли?

Я не отвѣчалъ.

Онъ положилъ обѣ ноги на мою шляпу, которую я снялъ и бросилъ на переднее мѣстечко, чтобы можно было сидѣть выпрямившись въ каретѣ; онъ съ силой надавилъ пятками на дно шляпы, и я слышалъ, какъ оно прорвалось. Я все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ хотѣлъ только попугать меня, и я чувствовалъ себя ужасно униженнымъ.

— Но если вы хотите донести на меня,—продолжалъ онъ:—то вы должны сдѣлать это немедленно. О, я бываю далеко отъ мѣста, прежде чѣмъ меня схватятъ. Увѣряю васъ,

я буду, можетъ быть, въ Скандинавіи еще до разсвѣта. Это никогда не достигаетъ цѣли!—Онъ говорилъ еще много о томъ, какимъ образомъ онъ исчезаетъ въ самое короткое время; но въ заключеніе онъ сказалъ:—Можетъ быть, я и не пожелаю тронуться съ мѣста; быть можетъ, я буду имѣть честь кланяться съ вами завтра на Эстергаде!

Онъ сказалъ это, нисколко не хвастая, но тихимъ, совершенно убитымъ голосомъ. Моя шляпа все болѣе и болѣе превращалась въ одну плоскую массу подъ его ногами.

Я отвѣтилъ, наконецъ, что я буду имѣть честь совершенно пренебречь имъ, пройти мимо него, какъ будто онъ былъ воздухъ, если я его встрѣчу, и буду имѣть честь наступить на него, если онъ какимъ-нибудь образомъ попадется мнѣ на дорогѣ.—Я не открою рта для того, чтобы видѣть васъ повѣшеннымъ,—говорилъ я:—я презираю васъ, и я не желаю даже выбросить васъ изъ окна кареты.

Этого я, впрочемъ, не могъ бы сдѣлать, но я все-таки это сказалъ, какъ обыкновенно говорятъ подобныя вещи. И онъ терпѣлъ это.

У „Лошади“ мы оба вышли. Я пошелъ своей дорогой, пока онъ стоялъ и расплачивался съ кучеромъ, я пошелъ съ непокрытой головой домой...

Это былъ первый разъ, какъ я его встрѣтилъ. У меня остался до сихъ поръ знакъ на горлѣ, въ память объ этомъ вечерѣ.

II.

Нѣсколько лѣтъ спустя, три или четыре года, я совершалъ небольшое путешествіе по Германіи; на этотъ разъ я ѣхалъ изъ Гамбурга въ Брэменхафенъ. Поѣздъ отходилъ только черезъ десять минутъ, когда я пришелъ на станцію; такъ что у меня было достаточно свободнаго времени. Я

прошелся вдоль поѣзда, чтобы отыскать себѣ мѣсто, и дошелъ почти до паровоза. Тамъ какой-то господинъ кивнулъ мнѣ изъ окна купе, и я увидалъ, къ моему величайшему удивленію, что это былъ „мой старый знакомый“ по прогулкѣ въ каретѣ по Копенгагену, человѣкъ съ черными глазами, который мнѣ кивнулъ. Я его узналъ тотчасъ же.

Меня невольно пронизываетъ какая-то дрожь, я чувствую себя непріятно взволнованнымъ и прохожу мимо его купе. Но въ то время, какъ я продолжаю свой путь, мнѣ приходитъ въ голову, что можетъ показаться, что я боюсь его, и, будучи на нѣсколько лѣтъ старше, я теперь вовсе не желалъ избѣгать этого человѣка. Поэтому, я возвращаюсь назадъ, все время какъ бы отыскивая мѣсто въ поѣздѣ, и останавливаюсь равнодушно, какъ будто случайно, у его купе. Я открываю дверцу и вхожу.

Купе было пусто. Тамъ не было никого другого, кромѣ него.

Я протѣснился мимо него, проходя, и онъ отодвинулъ немного колѣни къ себѣ, чтобы дать мнѣ дорогу; въ то же время, онъ имѣлъ видъ, какъ будто онъ не видѣлъ меня раньше, но я былъ убѣжденъ, однако, что онъ кивнулъ мнѣ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ; но я все-таки невольно взялся за шляпу и слегка поклонился, но онъ не отвѣтилъ.

Я усѣлся въ углу. Я сердился на самого себя за этотъ поклонъ и рѣшилъ показать ему самое изысканное равнодушіе. Онъ нисколько не постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ, но его одежда измѣнилась. Въ первый разъ онъ былъ одѣтъ со вкусомъ, даже изящно, теперь его одежда казалась тѣмъ болѣе бѣдной, что она состояла изъ свѣтлой грубой дорожной пары. Кожаный чемоданъ стоялъ прямо противъ него на противоположномъ сидѣньѣ.

Звонокъ, и поѣздъ идетъ.

Я усѣлся какъ можно удобнѣе и положилъ ноги на сидѣніе. Такъ просидѣлъ я, можетъ быть, съ четверть часа.

Я дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаю своего спутника. Онъ, казалось, сидѣлъ погруженный въ мысли.

Но вотъ онъ хватается за грудь и вытаскиваетъ клеенчатую сумку въ родѣ футляра, которая имѣетъ видъ перевязочной сумки, открываетъ ее и начинаетъ разсматривать какіе-то заржавленные желѣзные инструменты, которые онъ вынимаетъ изъ сумки одинъ за другимъ. Это были какія-то странныя, искривленныя вещицы, однѣ плоскія, другія цилиндрическія тонкой работы и грубой въ перемѣшку. Я ясно видѣлъ, что это было собраніе отмычекъ. Онъ и самъ не старался скрывать, что это были за вещи; наоборотъ, онъ на разные лады вертѣлъ эти желѣзки въ рукахъ, какъ будто онъ уже копался ими въ замкѣ, онъ пытался также отпереть свой собственный чемоданъ парой изъ нихъ. Выходило, какъ будто онъ нарочно хотѣлъ показать мнѣ, для чего употребляются эти крючки. Я сидѣлъ и смотрѣлъ.

Пусть его! думалъ я про себя; онъ насмѣхается надъ тобой совершенно открыто, тутъ что-нибудь скрывается, онъ хочетъ тебя на что-нибудь вызвать!

Проходитъ нѣсколько минутъ. Тутъ вынимаетъ онъ изъ бокового кармана шкурку, маленькую, бѣлую шкурку, которой онъ принимается чистить отмычки подъ самымъ моимъ носомъ и, всякій разъ какъ онъ вычиститъ одну изъ нихъ, онъ кладетъ ее на сидѣніе, рядомъ съ собой. Замѣтьте какъ я сидѣлъ: съ ногами, вытянутыми къ нему на его сидѣнье; мои башмаки почти касались его одежды. Онъ продолжаетъ сидѣть и чистить.

Но вотъ онъ кладетъ равнодушно и, какъ будто въ задумчивости, только что вычищенную отмычку мнѣ на ноги и беретъ новую. Человѣкъ обкладываетъ меня своими отмычками, а я сижу и смотрю на все это. Я не тронулся, я сидѣлъ и ждалъ, когда онъ кончитъ. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ клалъ отмычки одну за другой мнѣ на ноги, всякій разъ какъ онъ кончалъ ихъ чистить; онъ обращался со мной со-

вершенно какъ съ подушкой, составлявшей одно цѣлое съ сидѣньемъ. Въ концѣ концовъ, на моихъ ногахъ лежало въ рядъ четыре или шесть этихъ крючковъ.

Но вотъ я поднялся, не вдругъ, но все-таки достаточно быстро для того, чтобы уронить все на полъ, не давъ ему помѣшать этому. Я былъ занятъ только единственной мыслью: достойно отвѣтить на его глубокое презрѣніе.

Онъ ничего не сказалъ, когда отмычки упали, онъ молча сталъ собирать ихъ съ полу, одну за другой.

Въ эту минуту входитъ кондукторъ. Къ моему величайшему удивленію, мой спутникъ и не подумалъ спрятать свои вещи; онъ оставилъ все открытымъ, пока кондукторъ былъ около насъ, и только когда кондукторъ ушелъ, сунулъ сумку со всѣмъ содержаніемъ ея обратно въ карманъ. Вышло такъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ ждалъ этого случая, чтобы хорошенько показать свои опасные инструменты.

И вотъ мы ѣдемъ, можетъ быть, съ полчаса, проходимъ станціи, останавливаемся и ѣдемъ опять, а мой спутникъ продолжаетъ сидѣть молча. Я нарочно велъ себя такъ, какъ будто былъ одинъ въ купе: я протянулъ опять ноги на другое сидѣніе, громко зѣвалъ и напѣвалъ иногда,—все только для того, чтобы выказать ему ужасающее равнодушіе; но ничего не донимало его. Я закурилъ сигару и бросилъ горящую спичку ему на руку, я бросилъ ее небрежно по направленію къ нему, какъ будто рѣшительно никто не сидѣлъ въ его углу, и я видѣлъ, что она попала прямо ему на руку; но онъ сдѣлалъ только небольшое движеніе ртомъ, онъ чуть-чуть дернулъ губами, какъ будто хотѣлъ разсмѣяться, но все остальное время онъ сидѣлъ спокойно.

Когда мы проѣхали такъ еще нѣкоторое время, онъ выглянулъ вдругъ изъ окна вагона, какъ будто узналъ мѣстность, поспѣшно всталъ и схватилъ свой чемоданъ за ручку; такъ стоялъ онъ нѣсколько минутъ, пока поѣздъ не остановился у какой-то маленькой станціи. Тутъ онъ кланяется преувели-

ченно глубоко, ужасно глубоко, не смотря на меня и не говоря ни слова; идетъ къ выходу шагъ или два, кланяется опять съ широкой улыбкой на лицѣ, поворачивается и спускается изъ вагона. Онъ тотчасъ же взялъ носильщика для своего багажа и ушелъ.

Въ продолженіе всего пути онъ не сказалъ мнѣ ни слова и ни разу не взглянулъ мнѣ въ лицо.

III.

Снова прошло нѣсколько лѣтъ, три года, и я встрѣтилъ его опять на какой-то отдаленной улицѣ Нью-Іорка, въ тайномъ мѣстѣ, въ игорномъ домѣ.

Я пришелъ туда раньше его, я сидѣлъ у рулетки, когда онъ вошелъ. Слугѣ, который подошелъ къ нему, чтобы взять у него шляпу и пальто, онъ кивнулъ только головой и не снялъ ни того, ни другого; немного спустя, однако, онъ снялъ шляпу и сталъ держать ее въ рукахъ. Онъ направился прямо къ рулеточному столу.

Ему освободили мѣсто, и онъ тотчасъ же сталъ играть; мнѣ показалось, что онъ слѣдилъ за моими ставками съ большимъ интересомъ, чѣмъ за своими собственными. Я проигрывалъ все время, я ставилъ на черную и двойное число, постоянно на черную и двойное число, безъ перерыва, и я проигрывалъ каждый разъ; можетъ быть, это такъ заинтересовало его. Вдругъ говоритъ онъ мнѣ черезъ столъ по-норвежски:

— Развѣ вы не видите, что васъ обманываютъ?

Онъ рисковалъ, что его слова могли быть поняты многими другими, кромѣ меня, и въ такомъ случаѣ ему не удалось бы, конечно, ускользнуть безъ кровопролитія, но онъ все-таки сказалъ это громкимъ голосомъ и, говоря это, смотрѣлъ прямо на меня.

Я какъ будто не слыхалъ его, я продолжалъ ставить безъ

измѣненія на тѣ же числа и тотъ же цвѣтъ, какъ и раньше. И я проигрывалъ такъ же безумно. Я чувствовалъ себя разгоряченнымъ отъ упорства; если бы этотъ господинъ еще разъ вмѣшался въ мою игру, то я обратился бы къ крупье. Я былъ озлобленъ и разгоряченъ; больше нельзя было сомнѣваться въ томъ, что меня обманывали; я видѣлъ это уже и самъ; крупье держалъ въ рукахъ ключъ, которымъ онъ украдкой водилъ за перомъ всякій разъ, какъ оно должно было остановиться, и у меня, много коновъ еще раньше, мелькнула мысль, что въ ключѣ у него былъ магнитъ; но я ни на что не хотѣлъ обращать вниманія, я продолжалъ играть и проигрывалъ.

Тогда говоритъ мой незнакомецъ, обращаясь къ крупье:

— Спрячьте, пожалуйста, ключъ въ карманъ!

Онъ говорилъ холоднымъ, властнымъ голосомъ; и крупье тотчасъ же его послушался; онъ только отвѣтилъ: — Это ключъ отъ кассы, я его держалъ въ рукахъ для удобства. Но онъ все-таки тотчасъ же повиновался. Я вспылилъ; меня оскорбило, что онъ послушался. Я бросилъ свои послѣдніе 10 жетоновъ на черную и поднялся, въ гнѣвѣ. Я ушелъ, не дождавшись исхода игры.

* * *

И вотъ я встрѣчаю моего господина опять только нынѣшнею зимой въ Христіаніи. Я жилъ тогда на Гансхаугѣ; у меня была тамъ комната, какъ разъ на четвертомъ этажѣ. Когда я однажды пришелъ туда изъ столовой послѣ обѣда, вижу я, мой таинственный незнакомецъ стоитъ посреди моей комнаты; ключъ отъ моей двери торчалъ снаружи, и такимъ путемъ онъ и вошелъ, не долго думая. Безъ всякихъ предисловій, онъ протягиваетъ руку, проситъ 16 кронъ, благодаритъ съ глубокимъ поклономъ дважды и идетъ къ дверямъ. Тутъ онъ останавливается и говоритъ:

— Боже мой, какъ вы глупы!

Это онъ сказалъ, стоя лицомъ къ двери, и въ высшей степени презрительнымъ тономъ.

Тутъ овладѣваетъ мной моя прежняя озлобленность, и я дѣлаю два шага къ нему. Видя, что онъ готовъ уже открыть дверь и исчезнуть, я не могу удержаться отъ того, чтобы не сказать:

— Стойте, не украли ли вы чего здѣсь?

Я говорю это нарочно для того, чтобы оскорбить его; я вовсе не думалъ, чтобы онъ взялъ что-нибудь, но мнѣ хотѣлось унизить его.

Мои слова не произвели на него никакого удручающаго дѣйствія; онъ не разсердился, мои слова едва тронули его, онъ повернулся только ко мнѣ и въ изумленіи сказалъ:

— Укралъ?

И вотъ, безъ дальнѣшихъ разсужденій, онъ сѣлъ на стулъ, распахнулъ сюртукъ и вынулъ изъ бокового кармана сперва какія-то бумаги, среди которыхъ я замѣтилъ маршрутъ, затѣмъ маленькій красный бумажникъ, набитый деньгами, туго набитый бумажникъ, можетъ быть, на много сотенъ кронъ, и протянулъ его мнѣ.

— Что такое у васъ можетъ найтись, что стоило бы украсть?—сказалъ онъ и засмѣялся.

Я опять былъ уничтоженъ. Этотъ человѣкъ постоянно бралъ надо мною верхъ, пристыживалъ меня, позорно разбивалъ меня на всѣхъ пунктахъ. Когда онъ поднялся и пошелъ, я ничего ему не сказалъ, я не открылъ рта, чтобы вернуть его. Я позволилъ ему ускользнуть. Только когда я уже слышалъ его шаги по лѣстницѣ далеко внизу, на два этажа ниже, вздумалось мнѣ сдѣлать что-нибудь; я съ розмаху отворилъ дверь за нимъ и потомъ въ бѣшенствѣ захлопнулъ ее опять, такъ что загремѣло по всему дому. Это было все, что я сдѣлалъ.

Мои шестнадцать кронъ, въ своемъ презрѣніи ко мнѣ, онъ оставилъ преспокойно въ комнатѣ. Я нашелъ ихъ на

стулѣ, на которомъ онъ сидѣлъ. Взволнованный и удрученный, я оставилъ ихъ тамъ лежать много дней, прежде чѣмъ взялъ ихъ, только въ надеждѣ на то, что онъ вернется и увидитъ, что я не взялъ себѣ денегъ обратно.

Позже я слышалъ, что онъ былъ также у прислуги нашего хозяина и велъ себя тамъ очень странно. Мой хозяинъ, который оказался полицейскимъ констеблемъ, не захотѣлъ ничего съ нимъ сдѣлать; но онъ, однако, получилъ впечатлѣніе, что тотъ былъ немножко помѣшанъ. Между прочимъ, этотъ назойливый незнакомецъ захотѣлъ купить старинный голландскій кофейникъ изъ латуни, стоявшій на плитѣ, и онъ ни за что не хотѣлъ слышать отрицательнаго отвѣта относительно этого кофейника.

* * *

Вотъ нѣкоторыя черты изъ моихъ столкновеній съ этимъ страннымъ человѣкомъ. Въ послѣднее время я привыкъ думать о немъ безъ ненависти; онъ сильно интересуетъ меня, я ожидаю встрѣтиться съ нимъ еще разъ. Для меня пролился свѣтъ на все это. Я думаю, что я понимаю немного его характеръ и его странное поведеніе. Немного мѣсяцевъ тому назадъ, я встрѣтилъ другую особу, тридцатилѣтнюю женщину, которая разсказывала кое-что о себѣ, что навело меня на слѣдъ. Она совершила однажды проступокъ, за который она поплатилась бы нѣсколькими днями заключенія на хлѣбѣ и водѣ, и этотъ проступокъ совершенно выбилъ ее изъ колеи. И это не благодаря угрызеніямъ совѣсти, не изъ-за раскаянія въ маленькомъ грѣхѣ, но благодаря необъяснимому желанію быть изобличенной въ этомъ проступкѣ. Нѣкоторое время она даже открыто порицала самое себя, чтобы быть заподозрѣнной въ этомъ преступленіи, но все было тщетно. Счастіе, помогавшее ей избѣгать раскрытія, дѣлало ее не предусмотрительной и дерзкой; она чувство-

вала раздраженіе на то, что ее никакъ не могли поймать, несмотря на ея собственную помощь; она изыскивала средства для того, чтобы было труднѣе скрывать свою тайну; она охотно пускалась на откровенности, чтобы возбудить въ людяхъ недовѣріе. И все одинаково мало достигало цѣли; никому не приходило въ голову донести на нее.

Болѣе близкія подробности въ ея разсказѣ заставили меня подумать о моемъ таинственномъ незнакомцѣ, человѣкѣ съ черными глазами. Онъ, безъ сомнѣнія, каждый разъ надѣялся заставить меня своимъ поведеніемъ донести на него полиціи. И онъ не достигъ этого.

Удрученная личность, но замѣчательная и странно извращенная душа. Человѣкъ, угнетаемый душевной мукой, можетъ быть, страдающій отъ того, что не обнаруживается тайна, которая могла бы привести его къ гибели.

НЕМНОЖКО ПАРИЖА.

Красота и сила окружаютъ меня, блестящая и поспѣшная жизнь проходитъ мимо. Этотъ народъ—народъ факельщиковъ, при малѣйшей возможности приходитъ онъ въ бурное настроеніе, сжигаетъ ракеты, разсыпаетъ искры вокругъ себя.

Все здѣсь смѣшано вмѣстѣ, порокъ, развратъ, и опять красота, и опять сила. Среди ритмовъ великой архитектуры и искусства слышится невозможно фальшивое пѣніе и самая наивная музыка. Что за шарманки, и что за уличные пѣвцы въ Парижѣ! И ни одного великаго композитора во всей французской исторіи. Народъ нерѣдко напѣваетъ маршъ на улицѣ, но самъ не идетъ въ тактъ съ нимъ. Когда въ городѣ маршируетъ національная гвардія или версальскія войска, что это за жалкій тактъ. Точно также и марсельезу можно услышать за границей въ лучшемъ исполненіи, чѣмъ въ Парижѣ.

Но этотъ народъ напѣваетъ, поетъ и играетъ съ удовольствіемъ. Радость и жизнь опьяняетъ ихъ и приподнимаетъ ихъ духъ. На улицахъ громко кричатъ другъ другу, кричатъ на лошадей, мастерски щелкаютъ длинными бичами. И на ряду съ ихъ сознаніемъ своего превосходства, ихъ пренебреженіемъ къ иностранному, видимъ мы ребяческое любопытство. Встрѣтятъ они на улицѣ китайца или даже только араба, они оборачиваются на него, останавливаются и смотрятъ. Въ Санъ-Франциско не оборачиваются даже на дикаго съ кольцомъ въ носу.

* * *

Они продолжаютъ свой путь, какъ веселые танцоры, какъ самый молодой и легкомысленный народъ въ мірѣ. И рѣдко, очень рѣдко увидишь, чтобы они нарушали установленныя формы. У нихъ въ крови старая культура, они охотно избѣгаютъ рѣзкостей, они сохраняютъ равновѣсіе. Какъ всѣ аристократы, они консервативны, они заклеиваютъ до сихъ поръ свои почтовыя посылки облатками и употребляютъ еще спички, ужасный сѣрный запахъ которыхъ можетъ поспорить развѣ только съ запахомъ американскихъ спичекъ. Ихъ прошлое велико, они живутъ имъ, генералъ въ формѣ остается ихъ богомъ, и они вздыхаютъ по величію монархіи. Посыльные при министерствахъ все еще ходятъ въ двууголкахъ.

Monsieur, monsieur!

Во дворѣ отеля сидитъ вечеромъ поваренокъ, моющій что-то, и одинъ изъ поваровъ. Они сидятъ и болтаютъ другъ съ другомъ послѣ трудового дня. И вотъ мальчикъ встаетъ и говоритъ:

— Покойной ночи, monsieur.

И поваръ отвѣчаетъ.

— Покойной ночи, monsieur.

Форма не забыта.

Однажды приходитъ письмо. Это былъ отвѣтъ на просьбу о свиданіи. Молодая дама недавно овдовѣла, у ней было горе, и она писала на траурной бумагѣ. Но она соглашалась притти на свиданіе.

Я знаю, что это правда. Я видѣлъ траурное письмо.

* * *

Одинъ господинъ разсказываетъ:

Пять часовъ утра. Я уже на ногахъ, такъ какъ я не

спалъ всю ночь. Я покинутъ и несчастенъ; мнѣ ничего не нужно; только я узналъ изъ письма, полученнаго мной, что я покинутъ.

Я выхожу изъ своей комнаты на улицу и захожу въ какой-то извозчичій кабачекъ. Я спрашиваю кофе и коньяку. Тамъ уже сидятъ извозчики и ѣдятъ свой первый легкій завтракъ; пять извозчиковъ, они громко разговариваютъ и закусываютъ.

Я вхожу съ маленькой фотографической карточкой въ рукахъ, я смотрю на нее и несчетный разъ читаю два-три слова, стоящія на обратной сторонѣ. Меня просили сжечь карточку, но я ее не сжегъ ночью. Я передаю ее извозчику рядомъ со мной, онъ смотритъ на нее, улыбается и говоритъ, что у меня хорошій вкусъ.

— Вы ошибаетесь,—говорю я:—это моя невѣста.

И тогда онъ хвалитъ меня еще больше за мой хорошій вкусъ. Онъ передаетъ карточку дальше своимъ товарищамъ и повторяетъ, что это моя невѣста. Всѣ хвалятъ ее и радуются ей и громко говорятъ и смѣются по этому поводу.

— Я хочу сказать, что она больше уже мнѣ не невѣста, объясняю я:—такъ какъ я получилъ ея послѣднее письмо вчера вечеромъ. Письмо это у меня здѣсь, она пишетъ это.

Я показываю имъ также письмо и говорю имъ, гдѣ это написано, что она больше не хочетъ. Извозчики не могутъ читать на моемъ языкѣ, но когда я имъ показываю, гдѣ это написано, кивають они и становятся серьезными изъ сочувствія ко мнѣ.

Мы пьемъ вмѣстѣ.

Уже сколько-то шестого.

Кучка мужчинъ и дамъ входитъ, смѣясь. Они идутъ вѣроятно съ бала такъ рано утромъ, они въ бальныхъ платьяхъ, не спавшіе и блѣдные, но отъ нихъ такъ и пышетъ весельемъ. И имъ также пришло въ голову зайти въ этотъ

извозчичій кабачекъ, они спрашиваютъ кофе и коньяку. И извозчики подаютъ также чужой компаніи фотографическую карточку и объясняютъ, въ какомъ отношеніи это находится ко мнѣ. Всѣ они смотрятъ сочувственно на меня, высокая молодая дѣвушка смотритъ мечтательно.

Я пью еще кофе, изъ-за коньяку, и извозчики пьютъ также вмѣстѣ со мной каждый разъ. Чужая компанія принимаетъ участіе въ насъ, они киваютъ намъ и поднимаютъ свои стаканы.

Вдругъ подходитъ высокая, молодая дѣвушка ко мнѣ, вырываетъ у себя изъ-за пояса двѣ розы и подаетъ ихъ мнѣ. Остальные сидятъ и смотрятъ. Я вскакиваю и стою, и благодарю ее въ замѣшательствѣ. Она обнимаетъ мою голову, цѣлуетъ меня въ губы и возвращается на свое мѣсто.

Слышится всеобщее одобреніе.

Розы трепались цѣлую ночь и начали вянуть, но онѣ были все еще большія и темнокрасныя. Я хотѣлъ бы приколоть ихъ себѣ и ищу булавки. Кто-то мнѣ тотчасъ же подаетъ булавку. Всѣ хотятъ помочь мнѣ и оказать услугу. Настроеніе захватило этихъ людей; одинъ изъ извозчиковъ спрашиваетъ, гдѣ я живу, и предлагаетъ довести меня домой даромъ. Когда я въ свою очередь плачу весь счетъ, они протестуютъ, всплескиваютъ руками, чувствуютъ себя побѣжденными, идутъ за мною, прощаются со мною и кричатъ въ догонку мнѣ сердечныя слова, пока они меня видятъ:

— Доброе утро, monsieur! Благодаримъ, monsieur!

* * *

Человѣкъ стоитъ на углу бульвара Сенъ-Мишель и улицы Вожираръ. Онъ хромъ. Онъ продаетъ карандаши. Этотъ человѣкъ не проситъ никого, онъ не говоритъ ни слова, хотя онъ охотно продастъ вамъ. И вотъ разъ утромъ я покупаю у него карандашъ, и онъ не говоритъ ни слова, кромѣ

обычнаго: „благодарю, monsieur“. На слѣдующее утро я опять купилъ карандашъ;—„благодарю, monsieur“. Я покупалъ у него карандаши каждый день въ теченіе трехъ недѣль подрядъ. Этотъ человѣкъ такъ привыкъ ко мнѣ, что онъ тотчасъ же протягивалъ мнѣ карандашъ, какъ только я подходилъ, да, онъ лѣзъ вонъ изъ кожи, стараясь найти для меня самый лучшій карандашъ, какой у него только былъ. Но онъ не говорилъ мнѣ ничего иного кромѣ: „благодарю, monsieur“.

Наконецъ, какъ-то разъ говоритъ онъ:

— Я очень радъ, monsieur, что вы нашли карандашъ, который для васъ годится.

Тогда я купилъ у него двадцать карандашей.

* * *

Какъ-то разъ вечеромъ я сижу въ какомъ-то большомъ ресторанѣ и смотрю иллюстрированные журналы. Вдругъ дверь раскрывается, и въ залу входитъ дама. На мгновеніе она останавливается и озирается кругомъ. Она была необыкновенно красива, необыкновенно красива, но у ней были окрашенные въ рыжій цвѣтъ волосы—дамы полусвѣта, и вся ея фигура выражала надменность.

Она обратилась ко мнѣ и сказала:

— Будьте такъ любезны выйти и заплатить моему извозчику.

Я вовсе не сидѣлъ къ ней ближе всѣхъ другихъ, но она обратилась ко мнѣ. Я закусилъ губы, взялся за карманъ, позвалъ лакея и сказалъ ему:

— Пойди заплати извозчику дамы.

Я бросилъ ему двадцати-франковую монету.

Дама окидываетъ меня любопытнымъ и удивленнымъ взглядомъ.

Безъ дальнѣйшихъ разговоровъ я принялся опять разсматривать иллюстрированные журналы, и я былъ ужасно

доволенъ тѣмъ, что далъ дамѣ урокъ. Она заняла мѣсто у другого стола. Лакей возвращается, отдаетъ ей сдачу, получаетъ франкъ на чай, кланяется и уходитъ. Остальныя деньги лежатъ передъ ней.

Входитъ господинъ, ея знакомый, и она кивкомъ подзываетъ его къ себѣ. Они тихо разговариваютъ, она сообщаетъ ему о моей невѣжливости, заключавшейся въ томъ, что я послалъ лакея, показываетъ на деньги на столѣ, качаетъ энергично головой, пожимаетъ плечами. Господинъ посылаетъ ко мнѣ лакея съ моей золотой монетой, я беру ее, съ подходящимъ для даннаго случая спокойствіемъ, и кладу ее въ жилетный карманъ.

Тогда подходитъ дама ко мнѣ снова. Мое упорство раздражаетъ ее, она хочетъ, чтобы послѣднее слово осталось за ней.

— Получили вы ваши деньги?—спрашиваетъ она.

— Да, благодарю,—отвѣчаю я, удивленный.

— Я хочу сказать, что я занимала луидоръ у этого господина,—говоритъ она моему сосѣду. И она объясняетъ опять, какъ я поступилъ и какъ я послалъ лакея. Она обращается все къ болѣе и болѣе обширному кругу публики; очевидно, я оскорбилъ ее глубоко, и она ищетъ сочувствія, переходя отъ одного столика къ другому по всей залѣ. Начинаютъ говорить объ этомъ всюду, я слышу слово „иностранецъ", всѣ принимаютъ сторону дамы.

Среди всего этого я могъ только безмолвствовать. Если бы я началъ оправдываться съ тѣмъ несчастнымъ запасомъ двадцати словъ, которыя я зналъ по французски, я тотчасъ выставилъ бы себя со смѣшной стороны, и навѣрно меня выгнали бы. Я прислушивался молча ко всему этому.

— Вонъ его!—раздается крикъ откуда-то изъ залы.

— Вонъ его!—отвѣчаютъ въ другомъ мѣстѣ.

Я подозвалъ лакея и расплатился. Сдѣлавъ это, я снова спокойно усѣлся.

Бурный разговоръ слышится вокругъ меня.

Въ это мгновеніе двери растворяются опять, и входитъ господинъ, съ которымъ я былъ знакомъ. Это былъ д-ръ Гольдманъ, корреспондентъ „Frankfurter Zeitung". Онъ садится за мой столикъ и спрашиваетъ, что тутъ случилось. Когда я объяснилъ въ краткихъ словахъ положеніе дѣлъ, онъ говоритъ, что дама эта — извѣстная m-lle G. И онъ подходитъ къ m-lle G. и говоритъ, держа шляпу въ рукахъ, нѣсколько словъ.

Послѣ этого буря стихаетъ. Мы съ докторомъ выпиваемъ стаканчикъ вмѣстѣ, сидящіе вокругъ насъ начинаютъ даже смотрѣть на меня благосклонно. Какой-то господинъ спрашиваетъ доктора:

— Какой національности вашъ другъ?

И докторъ отвѣчаетъ:

— Русскій.

— Русскій — русскій,—раздается шопотъ всюду по залѣ. Я былъ спасенъ. Когда я уходилъ изъ ресторана, я получилъ букетъ фіалокъ отъ m-lle G.

Недѣли двѣ спустя во мнѣ узнали русскаго въ одномъ тирѣ. И хотя я стрѣлялъ плохо, громкое одобреніе слышалось всякій разъ, когда мнѣ случайно удавалось попасть въ цѣль.

* * *

Où est la femme?

Вездѣ. Въ исторіи этого народа, въ сердцѣ каждаго мужчины, въ ихъ литературѣ. Ахъ эта скучная и наполовину устарѣвшая литература, въ которой въ наши дни даже такой неоригинальный талантъ и такая блѣдная личность, какъ Марсель Прево, имѣетъ какое-нибудь значеніе. Произошелъ поворотъ въ обратную сторону. Нѣкогда, въ критическую минуту, была полководцемъ этого народа женщина. Войска послѣдовали за ней, и она побѣдила. И теперь тоже народъ

слѣдуетъ за женщиной, она сидитъ высоко на конѣ и повелѣваетъ всѣми. А конь дыбится и пятится назадъ, и народъ слѣдуетъ за нею все назадъ и назадъ. Тщетно назначаютъ преміи за рожденіе дѣтей, тщетно работаетъ сенаторъ Беранже противъ упадка нравовъ, абсентъ и безпечный развратъ побѣждаютъ. Происходитъ коренной переворотъ въ прежнихъ понятіяхъ, не признается болѣе никакой мѣры; нѣтъ ничего, ничего постыднаго. Уже во времена революціи произошелъ оффиціальный переворотъ въ понятіяхъ. Законъ запрещалъ казнить беременныхъ женщинъ, и бѣдныя женщины и знатныя дамы отдавались, не долго думая, въ тюрьмахъ и тюремныхъ корридорахъ, чтобы забеременѣть отъ кого ни попало.

Въ безчисленныхъ кабачкахъ имѣются молодыя дѣвушки, которыя прислуживаютъ посѣтителямъ. Обязанность этихъ дѣвушекъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы гулять по улицамъ и затаскивать съ собой въ домъ мужчинъ во что бы то ни стало. Въ воскресенье приходитъ мать молодой дѣвушки и посѣщаетъ свою дочку, она гордится своимъ дѣтищемъ, зарабатывающимъ такъ много денегъ, и она гуляетъ вмѣстѣ съ ней по улицамъ. И ея братъ, солдатъ, пользуется отпускомъ, чтобы нанести своей сестрѣ визитъ. Онъ встрѣчаетъ ее въ обществѣ военнаго, своего собственнаго лейтенанта или капитана, и молодой солдатъ здоровается преувеличенно вѣжливо со своимъ начальствомъ и думаетъ: какой отличной дѣвкой сдѣлалась моя сестра, она носитъ шелковыя платья и лаковыя ботинки, она гуляетъ вмѣстѣ съ моимъ лейтенантомъ!

Въ продолженіе трехъ лѣтъ приходилось мнѣ наблюдать подобные факты вокругъ себя.

Въ латинскомъ кварталѣ нерѣдко увидишь, какъ молодыя дѣвушки, любовницы студентовъ, приходятъ въ кабачекъ со своими грудными дѣтьми на рукахъ. И никого, никого это не оскорбляетъ; наоборотъ, всѣ уступаютъ имъ почтительно

мѣсто. Это, можетъ быть, прекрасный обычай и свидѣтельствуетъ о возвышенномъ образѣ мыслей; прекрасно! Но понятія былыхъ временъ перевернуты вверхъ дномъ.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ видѣлъ я картину, парочку, выходившую изъ ресторана. Господинъ былъ офицеръ, онъ шатался и былъ навеселѣ, его одежда была въ безпорядкѣ, сабля у него болталась съ правой стороны. Ахъ, эти французскіе офицеры! Его дѣвица сидѣла съ нимъ въ ресторанѣ и, шаля, отпорола у него съ мундира пуговицы и перевѣсила саблю на правый бокъ. И вотъ теперь онъ идетъ по улицѣ, распѣвая и шатаясь, въ такомъ видѣ. И никого это не оскорбляетъ.

Во французской военной формѣ не хватало нѣсколькихъ пуговицъ,—но вѣдь какая была жара.

Où est la femme? Вездѣ. Иногда этому народу приходится предписывать извѣстныя правила обхожденія, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность спокойно пообѣдать среди женщинъ: во многихъ большихъ кухмистерскихъ, такъ называемыхъ „bouillons“, дѣвушки, поступающія въ служанки, первымъ дѣломъ должны представить свидѣтельство о томъ, что имъ за тридцать. Въ этомъ возрастѣ, предполагается,—въ общемъ совершенно ошибочно,—онѣ должны спокойнѣе относиться къ гостямъ, а гости къ нимъ.

* * *

Ужинъ у кокотки mademoiselle F.

Мать кокотки изъ Нормандіи, и она предприняла длинное путешествіе въ Парижъ, чтобы посѣтить свою дочь. Этой послѣдней хочется оказать своей матери всевозможное вниманіе и въ то же время блеснуть передъ ней своимъ прекраснымъ кругомъ знакомыхъ; она приглашаетъ ее на ужинъ.

Было восемь, десять человѣкъ гостей, между ними г. R., любовникъ mademoiselle F., какъ говорили, богатый человѣкъ.

Mademoiselle шепчетъ во время ужина своему кавалеру, съ правой стороны:

— Займитесь немного моей матерью.

Но сорокалѣтняя старая крестьянка сама прекрасно занималась; она шепчется и шушукаетъ со своимъ сосѣдомъ, любовникомъ дочери. Немного спустя, сытая ѣда и вино начинаютъ сказываться въ ней, и она громко заявляетъ о томъ, какъ ей нравится въ Парижѣ. У нея большой ротъ и вздернутый носъ: типичное лицо кокотки. Она становится все веселѣе и веселѣе, она сильно наваливается на г. R., треплетъ его по бедру, прислоняется къ нему и кричитъ дочери, сидящей на другомъ концѣ:

— Ты не подумай только, что ты чему-нибудь можешь научить меня.

На это г. R. снисходительно и вѣжливо замѣчаетъ:

— Да, это правда, вы заткнете за поясъ молодую.

Тогда дочь начинаетъ ревновать. Можно было замѣтить, что она, по возможности соблюдая приличіе, старалась отбить г. R. у своей матери; но такъ какъ это ей не удается и г. R., наоборотъ, благосклонно отвѣчаетъ на ухаживанія старухи, mademoiselle F. приходитъ въ бѣшенство и, поблѣднѣвъ, вскрикиваетъ:

— И тебѣ не стыдно, мама!

Но мамѣ не было стыдно, ничуть не было стыдно. Здоровая крестьянская баба является изъ деревни, изъ глубины Нормандіи, и вдругъ молодѣетъ, хочетъ развернуться. Среди громкаго смѣха, она кричитъ дочери:

— Подумай только, Эмильэнъ, онъ предлагаетъ мнѣ луидоръ. Луидоръ вѣдь не малая сумма. Какъ онъ долженъ быть богатъ, твой другъ.

Дочь съ трудомъ владѣетъ собой.

Она становится мертвенно-блѣдной отъ ревности и отвѣчаетъ:

— Коль такъ, уходите своей дорогой, уходите оба. Вонъ изъ дому!

Съ этими словами она встала изъ-за стола.

Г. R. пытался тогда успокоить ее, они потихоньку говорили, отойдя въ уголъ. И mademoiselle F. успокоилась и, казалось, простила выходку.

Но немного спустя, г. R. и крестьянка все-таки снова очутились вмѣстѣ. Они не стали ждать, пока остальные гости встанутъ изъ-за стола, но потихоньку оставили салонъ.

И послѣ этого у хозяйки вдругъ заболѣла голова, что заставило ее тотчасъ же накинуть верхнюю одежду и ѣхать въ городъ—къ доктору...

Порокъ, развратъ, и снова красота, и снова сила.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Панъ 7

Смерть Глана 133

Сьеста 153

Въ карьолкѣ 180

Рождество въ горахъ 188

Ёнъ Тру 195

Рождественскій пиръ 207

Дама отъ Тиволи 213

На улицѣ 224

Рейерсенъ со „Звѣзды Юга“ 231

Кольцо 246

На отмели 248

Совершенно обыкновенная муха средней величины . . . 257

Тайное страданіе 263

Немножко Парижа 277

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«ШИПОВНИКЪ»

подъ редакціей **Леонида Андреева.**

Въ теченіе 1908 года будутъ выпущены четыре книги (IV, V, VI, VII).

Печатается книга четвертая.

Содержаніе: Борисъ Зайцевъ. Аграфена. Повѣсть.—Семенъ Юшкевичъ. Похожденія Леона Дрея. Романъ.—Валерій Брюсовъ. Исполненное обѣщаніе. Поэма.—Леонидъ Андреевъ. Смерть Человѣка.

Въ слѣдующихъ альманахахъ будутъ помѣщены между прочимъ:

М. Метерлинкъ. Синяя птица (съ рисунками Б. Анисфельда). Переводъ съ рукописи. — Ѳедоръ Сологубъ. Капли крови. Романъ.—Бор. Зайцевъ. Сны.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Печаль полей. Повѣсть.—Леонидъ Андреевъ. Навуходоносоръ.—Ѳедоръ Сологубъ. Антихристовъ корень. Бѣлая березка. Разсказы.—Шаломъ Ашъ. Сабатай Цеви.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Береговое. — К. Бальмонтъ. Литва.—Леонидъ Андреевъ. Наша тюрьма.

Цѣна каждой книги 1 рубль.

Начиная съ IV альманаха издательство «Шиповникъ» выпускаетъ наряду съ обычнымъ изданіемъ особое улучшенное изданіе (на веленевой бумагѣ и пр.) исключительно по подпискѣ.

Подписка открывается на четыре альманаха за 1908 г. (кн. IV, V, VI, VII). Цѣна по подпискѣ за четыре книги съ пересылкой 4 руб. — Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 руб.; по полученіи IV и V книгъ по 1 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ издательства: С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, д. 17.

Улучшенное изданіе въ отдѣльную продажу не поступаетъ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

КНУТЪ ГАМСУНА,

въ 12 томахъ съ критико-біографическимъ очеркомъ и портретами автора, при ближайшемъ участіи К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Переводы исключительно съ норвежскаго.

Содержаніе: т. I) Духовная жизнь современной Америки. Голодъ. т. II) Мистеріи. т. III) Редакторъ Люнге. т. IV) Новь. т. V) Панъ. Сьеста. т. VI) У вратъ Царства. Драма жизни. Вечерняя Заря. т. VII) Викторія. Въ сказочной странѣ. т. VIII) Мункенъ Вендтъ. т. IX) Чаща. т. X) Царица Тамара. Дикій Хоръ. т. XI) Мечтатель. Воинствующая жизнь. т. XII) Подъ осенними звѣздами.

Цѣна по подпискѣ за **12** томовъ **12 р. 50 к.**, съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи. Допускается разсрочка; при подпискѣ—2 руб. 50 коп.; при полученіи каждаго тома—1 руб.; послѣдніе два тома высылаются безплатно.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ издательства (Большая Конюшенная, 17); въ Москвѣ—въ отдѣленіи издательства (Книжное агентство при книжномъ магазинѣ В. Филимонова, Большая Никольская, д. 22); въ Одессѣ—въ отд. издательства (Книжножурнальное дѣло, Греческая ул., д. 50, кв. 6); въ Кіевѣ въ отд. изд-ва (кн. маг. А. А. Соколовскаго. Крещатикъ, 42).

Печатается и въ февралѣ будетъ разосланъ подписчикамъ томъ V. Содержаніе: Панъ. (Пер. С. Полякова). Сьеста. (Пер. С. Полякова).

Въ отдѣльной продажѣ цѣна изданія будетъ повышена.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

Сѣверные сборники

издательства „Шиповникъ"

Юханни Ахо.
А. Ернефельтъ и др.
А. Эленшлегеръ.
Г. Драхманъ.
Сёренъ Киркегоръ.
І. П. Якобсенъ.
С. Шандорфъ.
Г. Гейбергъ.
Германъ Бангъ.
І. Іеллерупъ
К. Ларсенъ.
Амалія Скрамъ.
Кнудъ Іортё.
Густавъ Видъ.
Отто Рунгъ.
К. Михаэлисъ.
Якобъ Кнудсенъ.
М. Андерсенъ — Нексё.
Іог. Іенсенъ.
Христенсенъ и др.
Магд. Торезенъ.
Іонасъ Ли.
Арне Гарборгъ
Ал. Кьелландъ.
С. Обстфельдеръ.
Габріель Финне.
В. Крагъ.
Томасъ Крагъ.

Эрикъ Ли.
Кнутъ Гамсунъ.
Гансъ Э. Кинкъ.
Р. Іольсенъ.
Софусъ Орсъ.
Х. Крогъ.
К. Нерупъ.
Гансъ Онрудъ.
Сигурдъ Матисенъ и др.
К. Л. Альмквистъ.
Фред. Бремеръ.
А. Стриндбергъ.
Торъ Гедбергъ.
Г. афъ Гейерстамъ.
В. ф. Гейденстамъ.
Оскаръ Левертинъ.
Ола Гансонъ.
Перъ Галльстрёмъ.
Вильг. Экелундъ.
Свенъ Лидманъ.
Яльмаръ Сёдербергъ.
А. ф. Кляйкострёмъ.
Густавъ Ульманъ.
К. Т. Оссіанъ-Нильсонъ.
Артуръ Мёллеръ.
Сигурдъ Сиверцъ.
Викторъ Бикстрёмъ.
Гуго Эбергъ, и др.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорской). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — **Зельма Лагерлёфъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). — **Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — **Гермаръ Багръ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба). — **Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлёфъ (статья). **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

(2-ое изданіе).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи. Пер. А. Острогорской. **Ола Гансонъ.** Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. **А. Купринъ.** О Кнутѣ Гамсунѣ. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго **Гаральдъ Геффдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегорѣ). **Сеpенъ Киркегоръ.** I. Несчастнѣйшій. II. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 рубль.